

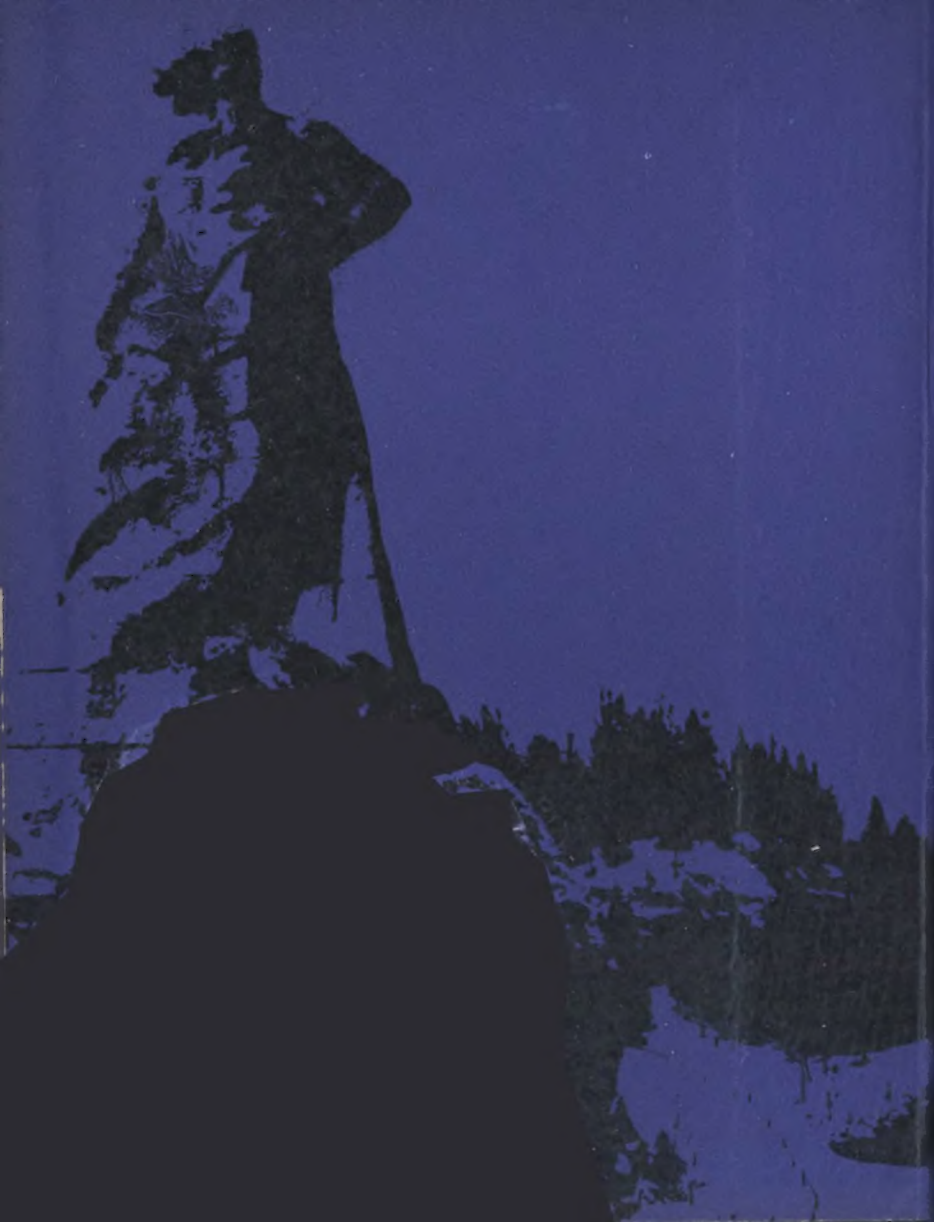
ЕВГЕНИЙ
ПЕРМЯК

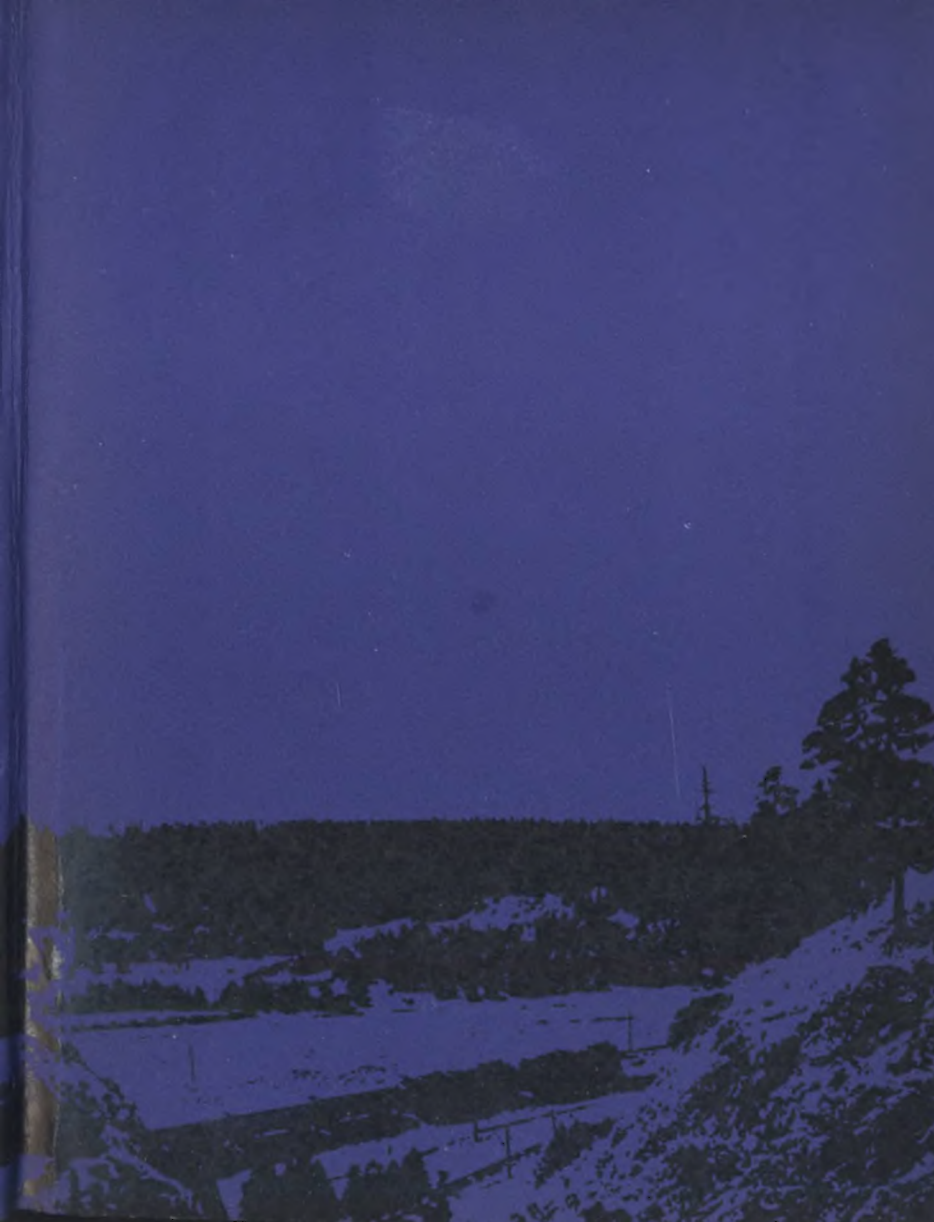

МОИ
КРАЙ

МОИ КРАЙ

ПО ЗЕМЛЕ РОССИЙСКОЙ

ЕВГЕНИЙ ПЕРМЯК

МОЙ КРАЙ

РАССКАЗЫ,
ОЧЕРКИ,
ИСТОРИИ,
БЫЛИ И НЕБЫЛИ
О СТРАНЕ ЧУДЕС
И НЕСМЕТНЫХ СОКРОВИЩ

Е. А. Пермяк — автор романов, повестей, сказок для взрослых и детей — «Горбатый медведь», «Старая ведьма», «Сказка о сером волке», «Бабушкины кружева», «Памятные узелки» и т. д.

Старожилы любят утверждать, что никто не мерил, где кончаются западные и восточные склоны просевшей под землю горной крыши, которую мы называем Уральскими отрогами. Вот эта территория и будет ареной повествования, дающей представление об единой уральской земле.

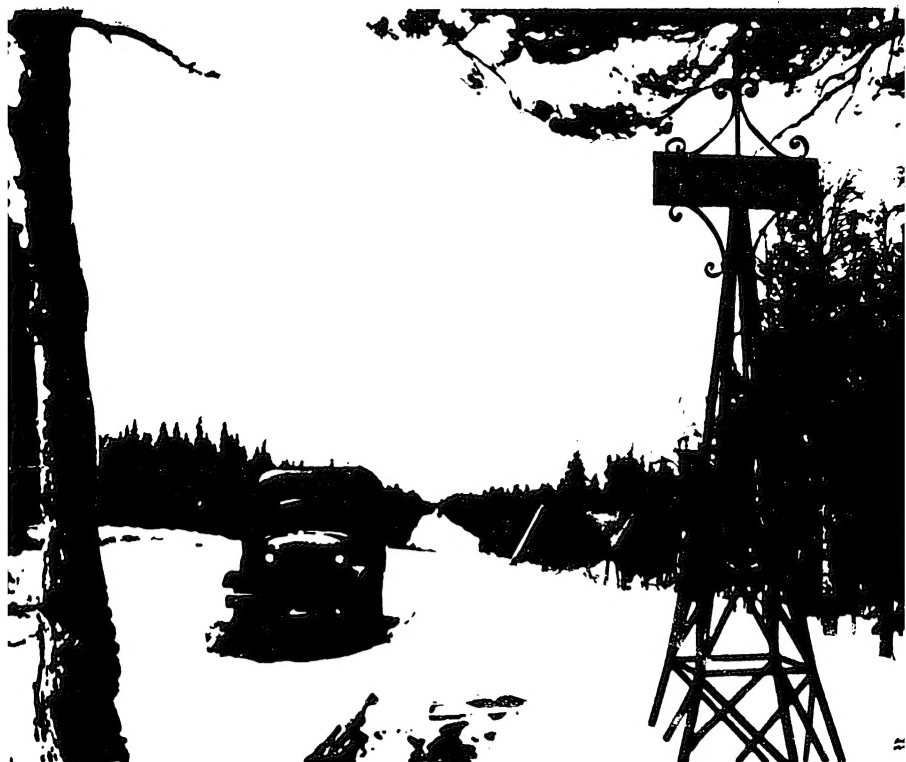
Обращаясь к читателю, автор пишет: «Я не ставил перед собой энциклопедических задач. Я буду рад, если мне посчастливилось заинтересовать вас и возбудить желание знать об Урале подробнее и глубже, а затем восполнить недописанное или упущенное мною более широким знакомством с краем».

В этой книге речь идет об общей картине, с привлечением типичного для единого края из той или иной его области. Например, металлургия и машиностроение Свердловской и Челябинской областей, нефть Башкирии, лес Верхней Камы... Речь пойдет и о величайшей кладовой планеты, о промышленности, выросшей почти на три четверти своего объема на глазах одного поколения. О традиции мастерства уральцев. Об Урале как крае заповедных редкостей.

СОДЕРЖАНИЕ

Первая тетрадь	6
Вторая тетрадь	16
Третья тетрадь	42
Четвертая тетрадь	66
Пятая тетрадь	88
Шестая тетрадь	118
Седьмая тетрадь	136
Восьмая тетрадь	158
Девятая тетрадь	184
Десятая тетрадь	216
Одиннадцатая тетрадь	232
Двенадцатая тетрадь (фотографическая)	256

ПЕРВАЯ ТЕТРАДЬ

I В детстве мне довелось слышать очень много про чудесные и волшебные края, называвшиеся почти сказочным именем Урал. Там добывалось золото, там росли огромные кедровые шишки, там рыба ловилась чуть ли не на голый крючок. Там можно запросто встретиться с медведем, а уж белок на Урале, что на базаре воробьев.

Словом, богатая земля. И пером не опишешь и в сказке не расскажешь. Да и где видано, где слыхано, чтобы мой ровесник, идучи по лесу шутя да играючи, мог найти камень-самоецет. Или, если мальчишка не увалень, да если у него есть смышленная собачонка, то можно и без ружья ходить на охоту. Лиса хитра, а собака, особенно «дворянка», в которой семь разных кровей, а то и больше, не только лису, но и дикого козлика может выследить да так его измотать, что приходи и бери его за рога. И ты можешь его приручить, а когда он подрастет — запрягать быстрогоного бегуна в маленькие саночки и умчаться хоть в тундру или туда, где тепло, где круглый год зелено.

Хорошо бы побывать на этом далеком Урале, думать я, живя на его отрогах, совсем рядом с ним. Незгладимое впечатление произвела на меня сказка, слышанная в детстве и позднее в разное время и в разных местах. Много лет спустя я соединил ее разноречивые и отрывочные фрагменты и что-то досочинил сам. По-

лагая, что эта фантастическая история дает представление о месте нахождения Урала на планете, я решил прибегнуть к ней, как к заповке первой тетради.

Предлагаю вашему вниманию этот гибрид вымыслов с домыслами, фантазии прабабок в новой редакции.

* * *

Вскорости, как наша земля отвердела, как суша от морей отделилась, зверями всякими, птицами населилась, из глубин земли, из степей прикаспийских Змей-полоз выполз. С хрустальной чешуей, с самоцветным отливом, огненным нутром, рудяным костяком, медным прожильем...

Задумал он собою землю опоясать. Задумал и пополз от каспийских полуденных степей до полуночных холодных морей.

Больше тысячи верст полз, как по натянутой струне, а потом вилять начал. Осенью, видно, дело-то было. Круглая ночь застала его. Ни зги! Как в погребе. Заря даже не занимается.

Завилял полоз. От Усы-реки к Оби свернул и на Ямал было двинулся. Холодно! Он ведь как-никак из жарких, преисподних мест вышел. Влево подался. И прошел сколько-то сот верст да увидел варяжские кряжи. И удумал он через льды холодных морей напрямик махнуть.

Махнуть-то махнул, только каким ни будь толстым лед, а разве такую махину выдержит? Треснул. Осел. Тогда Змей дном моря пошел. Ему что при неохватной-то толщине! Брюхом по морскому дну ползет, а хребет поверх моря высится. Такой не утонет. Только холодно. Как ни горяча огневая

кровь у Змея-полоза, как ни кипит все вокруг, а море все-таки не лохань с водой. Не нагреешь. Остывать начал полоз. С головы. Ну, а коли голову застудил — и тулову конец. Коченеть стал, а вскорости и вовсе окаменел.

Голову каменному полозу морские псы-волны да ветры отвайгачили. Большие ворота проели. Так что голова сама по себе стала Новой Землей жить. Порознь от каменного тулова.

Остыла в нем и горячая кровь. Нефтью стала. Мясо — рудами. Ребра — отрогами. Позвонки, хребты стали скалами. Чешуя — самоцветами. А прочее — всем, что только есть в земной глубине. От солей красных до алмазов ясных. От серого гранита до золотистого селенита.

Годы прошли, века минули. Порос окаменевший великан буйным ельником, сосновым раздольем, кедровым весельем, лиственничной красотой. И никому теперь и в голову не придет, что эти горы когда-то живым Змеем-полозом были.

А время текло да текло. Люди осели на склонах гор. Каменным поясом назвали полоза. Опоясал он как-никак нашу землю, хоть и не всю.

Вот вам и весь бай про наш край.

II Сюда хорошо бы подверсталась вторая сказка, которая не написалась и, конечно, уже не напишется. Это история о двух превеликих глыбинах, плавающих в пылающем море, в огненном океане и соткнувшихся в одну глыбину, которая «повдоль» большими тысячами верст меряется, а «впоперек» и того более. Более настолько, что обойти ее никаких ног не

хватит, ни пеших, ни конных, разве только эту землю на красном крылатом волке обскачешь.

Примерно таковы фрагменты невыношенной и неродившейся сказки о двух материках, спаявшихся в один материк, получившей название Европейско-Азиатского материка или в неудобочитаемом, а поэтому редко упоминаемом сочетании — Евразии.

Эта история для меня долгое время была не более чем геологической небылью, но неожиданно приобрела реальность, после того как я, к моему стыду сравнительно поздно, прочитал:

«Мы знаем: Уральский хребет — это сложнейшая геологическая система протяжением более двух с половиной тысяч километров от берегов Ледовитого океана до Закаспийских пустынь. Она образовалась как бы на месте столкновения двух больших массивов-щитов, некогда плававших на расплавленном океане медленно остывавшей земли.

Один из этих мощных щитов на западе носит название Российского щита. В течение долгой геологической истории этот щит обламывался по краям, прогибался в центральной части, заливался морями, которые отлагали на нем слои песков, глин и известняков. В центре Российского щита постепенно рождался Московский угольный бассейн.

Второй щит — это Сибирский.

Представим, что две прочные и плотные глыбы сталкиваются. Возникают между ними ослабленные зоны. Туда проникают из расплавленных глубин еще кипящие, огненные жидкие растворы. Примерно такую картину мы наблюдаем во время ледохода. Глыбы льда сталкиваются, обламываются по краям, окружаются обломками, как бы венцом из снега и кусков льда.

То же происходило в течение долгих геологических периодов и с Уральским хребтом, зажатый между двумя щитами, которые в колеблющихся движениях земной коры наталкивались друг на друга. Эти столкновения в течение многих десятков миллионов лет повторялись и усложнялись. Каменные волны вздымали земную кору, создавая все новые горные хребты. Расплавленные же массы глубин поднимались, охлаждались и постепенно закристаллизовывались. В результате длительных процессов накапливались сложные и разнообразные химические соединения, которые привели к образованию полезных ископаемых Урала».

Эти строки, написанные крупнейшим ученым Александром Евгеньевичем Ферсманом, позволили мне в небольшой книжке «Уральские записки», изданной Свердловгизом в 1943 году, закончить одну из заметок патетическим аккордом: «С чем же сравнить этот край, этот тысячекилометровый золотой шов двух материков».

Я очень гордился найденной аллегорией, и, видимо, она на самом деле что-то стоила, коли впоследствии любезно бралась в другие географические книги, где «золотой шов» заменялся «стальным», а «материки» — «частями света», что правильно только с точки зрения учебника географии.

Всякий шов что-то соединяет воедино. А до этого не соединенное должно быть разрозненно. Следовательно, единый материк предполагался по А. Е. Ферсману двумя материками-глыбами. И, наконец, замена «золотого» шва на «стальной», к сожалению, несколько обеднила метафору тем, что Урал золотым швом я называю так же возвышенно, как мы каменные ворота во Владимире называем — Золотыми воротами.

Таким образом, золотой шов двух материков, од-

новременно соединивший их в один и разделяющий на две части света, стал уникальным по богатствам, о которых из книги в книгу, из статьи в статью почти все авторы, описывающие Урал, переносят остроумную при рождении и притупленную от частого пользования крылатую фразу о том, что на Урале нет только тех элементов из знаменитой таблицы элементов Менделеева, которые пока не найдены.

Наверно, и здесь не обошлось без некоторого преувеличения, но Урал и Приуралье на самом деле оказались такой кладовой мира, что и великие кладовщики планеты не перестают до последних лет отзываться об Урале междометийно-восторженно и поражаться неоскудевающими, а умножаемыми с каждым годом вновь открываемыми сокровищами.

И это понятно. Не просто же так редчайший провидец недр, академик Александр Евгеньевич Ферсман говорил о тоненькой пленке земли, которая нами исследована. Правда, толщина этой пленки измеряется тысячами метров, но что они по сравнению с громадностью земного шара. Прибегая к аналогии, пусть отдаленной и пусть рискованной, замечу, что эта пленка относится к нашей планете, так же как к куриному яйцу относится толщина его скорлупы.

Трудно вообразить, какие неожиданные клады может обнаружить удлиняемый с каждым годом бур геологов. Да и дело не только в глубине. Еще недостаточно исследована и поверхность, доступная лопате. Так ли давно и так ли глубоко на Западном Урале прямые потомки Пермии Великой нашли алмазы. Разве и в наши дни, когда Урал сравнительно густо населен, всюду ступала нога человека? Проложить дорогу еще не значит изучить прилежащее к ней. Особенно это ка-

сается Северного Урала, где сохранилась давность в самом дочеловеческом смысле этого слова. Печальная памятка Ледникового периода — мерзлота, эта мировая хранильница редкостей и в наши дни прячет уникальное. Однако же...

Однако же мы уклонились. Вернемся к облику Урала, к его очертаниям и границам. Ведь все на земле должно быть измерено и определено, и даже малые территории, которые, что называется, прикрываются меридианом, если он отпечатан не достаточно тонкой линией в картографической типографии. Про Урал этого не скажешь. Между тем...

III Между тем едва ли на планете есть какой-то другой край, границы которого были, есть и ещё будут предметом скрещения мечей, ломки копий и защиты диссертаций на разные степени различнейших наук.

Когда я находился по сю сторону хребта, в Европе, для меня и для окружающих Урал находился там, на Востоке. Но стоило заезжать в поезде и через час оказаться на станции Гороблагодатская, как гороблагодатцы, указывая на запад, скажут, что Урал там.

В годы моего детства многие Уралом называли не очень широкую гористую перевальную полосу водораздела. Такое узкое представление об Урале, наверно, возникло потому, что его скальная лента не широка: 60—40, а местами и 20 километров. Поэтому живущий на увалах или на волнистых просторах отрогов не считал себя живущим на Урале. Не просто же так Урал назывался Каменным поясом, то есть чем-то не очень широким, но длинным. Не очень широким его считали и некоторые образованные люди.

Например, А. А. Крубер обузил Урал до такой степени, что западная граница его оказалась где-то возле хребта. Несколько щедрее очертил его знаменитый путешественник П. Т. Семенов-Тянь-Шанский, приблизив западную границу к берегам Камы и прихватив Уфу, исключив из уральских пределов его тогдашний губернский город Пермь и Челябинск, по другую сторону хребта, едва-едва прирезав Нижний Тагил, бывший Екатеринбург, и провел восточную границу чуть ли не по околице нынешнего Магнитогорска.

Еще щедрее оказался Б. Ф. Добрынин, расширивший относящиеся к Уралу, но и он тоже исключил Пермь, по сути дела столицу Среднего Урала того времени. Словом, оставил «Францию» без «Парижа».

Еще больше разночтений было в делениях Урала на Средний, Северный и Южный. Это в общих чертах, а в подробностях Урал делили на Полярный, Приполярный, Высокий Урал, Предгорный Южный Урал и Южно-Уральский пенеплен.

Разумеется, это деление для науки правомерно. Поэтому, наверно, Л. Д. Долгушин разделил Урал на тринадцать физико-географических районов. Перечислять их для широкого читателя едва ли нужно.

Делится Урал на Западный и Восточный, на Европейский и Азиатский. Это общепризнанное деление не перестает оставаться поводом для изощрения остряков. Например, в городе Магнитогорске одни улицы принадлежат к европейским, другие к азиатским. Значит, одну часть населения города справедливо назвать европейцами, а другую азиатами. Магнитогорцы из одной части света в другую перемещаются через мост. Правда, здесь граница как-никак представлена рекой, а не столбом с надписью «Европа» с одной стороны и «Азия» с другой.

Так что человек может одновременно стоять в двух частях света. Таких пограничных столбов вдоль Евразийской границы довольно много, и все они невольно вызывают улыбку, но вместе с тем — трепет. Переваливший из Европы в Азию или наоборот напрасно будет искать изменения в ландшафте.

Миновавший границу двух частей света иногда берет на себя труд задуматься, как чрезмерно много человечество со времен происхождения семьи, частной собственности и государства делит и как сравнительно мало соединяет даже неделимое. Неделимое этнографически, экономически и тем более человечески.

Нет, нет, я не оспариваю, что единый материк разделен на две части света, а лишь хочу обратить ваше внимание на разделение Урала еще с грозненских времен на множество частей. Сначала по феодальному признаку: Урал Демидовский, Урал Строгановский, Урал казенный, потом по губернскому, теперь по областному и республиканскому. Один-единственный раз была попытка соединить Урал в единую Уральскую область. Но Уральская область оказалась слишком большой, и ее снова расчленили на меньшие области. И это в административно-управленческом и, наверно, в экономическом отношении правильно. Еще недавно меня удивило появление новой области — Тюменской. А теперь она стала такой огромной, что ее, в свою очередь, можно подразделить на новые области.

Географические, административные и особенно геологические границы не совпадают. И это неизбежно. У каждой из них свои определения размеров и очертаний пространств. К этому мы еще вернемся и не один раз. А сейчас перейдем во вторую тетрадь, которая послужит общим фоном для десяти остальных.

ВТОРАЯ ТЕТРАДЬ

I У меня всегда вызывал сочувствие пишущий о климате Урала, и я никогда не удивлялся и не уличал рассказчиков, если двое или трое, едучи в одном купе, рассказывали разное: одни жаловались на морозы так, что слушающему становилось холодно и летом, другие хвастались теплом, и третьи говорили, что в Туле ни капли не теплее, чем в их городе. И каждый из них был прав, потому что на Урале сто климатов и даже больше, если не упускать из виду микроклиматы. И в этом нет ничего удивительного, потому что голова Урала коченеет за Полярным кругом, а хвост теряется, переходя в пустынные равнины юга. А отсюда на Урале все зоны и подзоны, кроме разве субтропической. Это в рассуждении идущего по меридиану и перешагивающего через широты. Но есть и другие меры: Урал горист, холмист, увален, а иногда и ровен, как плоскость Кулунды. И не удивительно, что на горе жарко топят печи, а под горой не закрывают окна. Такая разница «погод» мне навсегда запомнилась, когда мы ездили на родину Мамина-Сибиряка. Мы — это ныне академик Виктор Васильевич Данилевский, Павел Петрович Бажов и я. Об этом стоит рассказать.

В Тагиле был подан узкоколейный поезд. Крохотный паровоз и вагоны были такие же, как на детских железных дорогах. И мы отправились.

Стояла середина сентября. В разгаре «бабье лето».

Жарко. Деревья, памятуя слова великого поэта нашей Родины, пышно увядали, нарядившись в отчаянную яркость платьев, от цвета поздних зорь до блеска солнца и свечения луны. Словом, употребим упавшие в цене от частого злоупотребления слова: «зачаровывали», «завораживали» и «затуманивали». И вот, изволите ли видеть, в этой палитре леса вдруг отчетливо мелькнул за окном вагона не положенный для осени белый цвет. Затем мелькнул еще и повторился в более длительной экспозиции и, наконец, стал появляться совсем часто.

Сомнений не было. Это цвела вторично черемуха. Поезд остановился, мы вышли.

Черемуха в самом деле цвела, цвела отчетливо, хотя и мелкими цветами. Цвела не одиночно, а довольно дружно, особенно в логах, в низинах, где в сентябре еще хранились запасы летнего тепла.

Вот вам и Урал. Такое редко бывает и под Москвой.

Отдав дань маминским местам, мы из Висима тронулись «гужом» на платиновый рудник «Красный Урал», где нас ждал любезнейший Иван Венедиктович, друг Павла Петровича.

Дышалось легко. Солнце грело щедро. И нам казались лишними плащи из легкой ткани. И вдруг...

И вдруг заморосил дождь, переходящий в снег, и скоро, перейдя в него бесповоротно, забелил окружающее. Теперь черемуха цвела на елях, на соснах, на старых пнях, на изгородах — всюду. Похолодало так, что я, да простит меня каурый конь, гнал его без ложной щепетильности.

На платиновый прииск мы приехали зимой. Павла Петровича, продрогшего в легком плащишке, отогревали в кухне-столовой, потому что это был первый дом, попавшийся нам, где наверняка топились плиты.

Зима, а час тому назад цвела черемуха. Нас провожали на другой день в тулупах. Колеса наших ходков скользили, рыскали по снегу. В сани лошадей не запрягли, потому что внизу еще достаивало «бабье лето». Так оно и было. В Тагиле нам снова было жарко в плащах из легкой ткани.

Вот вы и судите сами, каков климат на Урале, если в окрестности Тагила в течение двух дней мы побывали в трех временах года.

Климат разнится не только по широтам и высотам, но и по склонам гор. Восточный склон не одинаков с западным при одинаковых широтах. Например, Пермь севернее нежели Свердловск, а зимы там теплее. Термометром в данном случае я был сам. И не один год. А теперь в Перми еще теплее. Незамерзающая Кама, как громадный радиатор центрально-водяного отопления, если его котлом считать море Камской ГЭС, заметно влияет на ртутный столбик.

Конечно, Урал не Крым, хотя и там на горах почти как на Урале. Метельно и морозно. Я думаю, что климат чаще всего находится внутри нас. И все зависит от отношения к нему. Одни скучают по морозам, другие по жаре. И на Урале есть уральцы-старожилы, которых манит юг. И там же есть южане-новоселы, которые считают, что нет здоровее места, нежели Урал, а уж про Сибирь и говорить нечего.

Например, из порта Тикси, который, как говорят, еще севернее, чем сам Север, мне одна знакомая пишет, как прелестна там природа, какие солнечные дни бывают там, как великолепно море и как она, обжившись, полюбила этот край.

После такого письма очень непосредственной, искренней и сердечной женщины мне просто не хочется

говорить о каких-то уральских холодах, пурге, морозах.

А воркутинские друзья, расхваливая свой край, восторженно рассказывают о поездках к величественным кряжам Северного Урала, и в голосе звенит металл, в глазах рассказчиков сверкают огоньки и снова...

И снова хочется сказать, что климат — это прежде всего отношение к нему.

Тихон Захарович Семушкин и мой студенческий товарищ Михаил Артемьевич Кузнецов немало жили на Чукотке, и я от них не слышал жалоб на климатические недостатки. Наоборот, можно часами слушать о прелестях чукотского пейзажа, о пиротехнических огнях северного сияния и о величии природы Севера.

Нет, я бы ничего не изменял в ста климатах Урала.

II Вы помните, конечно, старого грека из фильма по чеховской «Свадьбе с генералом», который беспрестанно повторял, что в Греции есть всё. Наверно, где-то и я напоминаю этого персонажа.

И если я скажу, что на Урале растет все, кроме пальм и кипарисов, то я, наверно, не слишком преувеличу разнообразие уральской флоры. Если уж дело дошло до акклиматизации отдельных сортов винограда, то, может быть, когда-нибудь будут приручены и пальмы. Только я не знаю, зачем это и для чего, когда здесь розовые свечи-сосны с зеленым пламенем верхушек, составляя боры мачтового леса, останавливают всякого, зазвонят пройтись по светлому и звонкому простору. Побывавший здесь запечатлеет навсегда живую прелесть розово-палевых колонн.

Хвойные леса Урала неповторимы. Здесь лес смот-

рится как совокупность составляющих его деревьев, и каждое дерево как самостоятельное произведение художницы с нерусским именем Флора. Горделивая статность голубых, серебристых елей неоспорима. На Урале растут и простые демократические ели. Не дворянки. Но в их темно-зеленом цвете, мощной разлапистости и «ровноте» от низа до макушки ниспадающих падугами выгнутых ветвей предостаточно благородства линий. И особенно они красивы, когда на позолоченных солнцем ветвях рдеют большие шишки. Зря ли в частушке говорится:

Какая ель, какая ель,
Какие шишечки на ей!

Для моего сердца милее всех хвойных лиственница. Правда, она гола зимой, рыжа и бура осенью, зато весной и летом... От изумруда до папоротника она меняет зелень своей веселой бахромой и высится до чемпионской высоты. А древесина? Попробуйте вбить гвоздь в сухую лиственницу. Попробуйте ее строгать простым рубанком. Камень. И особенно твердопородны те лиственницы, что растут на скальной каменистой почве.

Мне дорого Минское шоссе и тем, что сразу же за Москвой на нем в почетном карауле стоят великолепные шеренги лиственниц. Я каждый раз, как только побываю на лиственничной аллее возле Тимирязевской академии, невольно переносюсь в места, которым отданы страницы этой книги.

Наверно, скоро эти переселенки уральских и сибирских мест станут аборигенами лесов центральных областей. И в добрый час. Осина хуже. Не лучше и ольха.

Лесничество, точнее, Леспромхоз, что между Баковкой и Переделкиным, выращивает лиственницы из се-

мян на грядках. Хорошие побеги. Благое начинание. И я осмелюсь поблагодарить моих соседей лесоводов от имени лесов Урала за то, что их потомству помогли шагнуть в лесное Подмосковье.

О кедре писано так много книг и даже повестей, что мои строки могут показаться жалкой похвалой этому единственному «фруктовому» дереву из племени хвойных.

Кедр на Урале не повсеместен, но там, где он растет,—растет несчетно, несметно щедро и богато. Кедр никогда не был моим соседом. Мы как-то всегда жили поодаль, и при встречах я всегда был с ним в несколько особых отношениях. Мне почему-то он казался парковым деревом и таким же редким, как реликтовые сосны Пицунды. И я всегда, как бы много ни росло вокруг кедров, считал себя не то что браконьером, но все же не очень законно присваивающим его пузатые, как бочата, лакированные шишки с жирными орехами. Такую шишку жаль шелушить. Она подарочно-красива. Ее всегда приносишь как презент живущим в тех местах, где с кедром знакомы только по орехам, купленным в магазинах.

Не знаю, почему я сравниваю кедр с медведем, а маленькие кедры с медвежатами зеленой масти. Они пушисты. Может быть, медведь приходит на ум и потому, что он нередкий потребитель кедровых орехов. А может быть, и потому, что первого медведя мне довелось увидеть на кедре.

Кедр тоже переселен в Подмосковье. Пока — в парки. И я видел, что и тут они растут во всей своей красе. И как знать, может быть, не единичные деревья, а настоящие большие лесные кварталы появятся в центральных областях России. Я так пространно говорю о

насаждении деревьев, наверное, потому, что мы их слишком много вырубали. И чувствую свою вину за всех и за себя. И этой осенью, успокаивая свою совесть, я посадил тридцать лиственниц и двадцать кедров.

Впрочем, не будем уклоняться и вернемся в лес, продолжив разговор о пахучем дереве — пихте. Эта двоюродная сестра елки обросла куда более нежной хвоей, не похожа она на елку и корой. Кора у пихты гладкая, светлая, чем-то напоминающая кору осины. Пихта среди хвойных тоже своего рода осина, в смысле малой пригодности древесины в дело. Зато стройна, скромна, она не боится оказаться в тени. Ее молодость длительна. Пихта начинает плодоносить примерно лет в семьдесят. А век ее от 200 до 400 лет. Значит, есть пихты, которые помнят Ермака и уж, конечно, декабристов.

Древесину пихты, годную разве что на тарные дощечки, теперь превращают в целлюлозу. И плохо ли ей, как и ели, прожив лет двести, пусть даже сто, потом превратиться в газетный лист, в почтовые конверты, в театральную афишу и зазывать на представления, а то и в книгу. Нет, совсем не плохо продлить свою жизнь книгой. Ты срублена, но не мертва.

А разве плохо стать пихтовым маслом или пихтовым бальзамом.

Без аромата пихты, мне кажется, немислим букет запахов лесов Урала.

Надо бы еще улыбнуться в сторону можжевельника, который хотя и куст, но хвойный, но почему-то этого не получается. Наверно, потому, что красивым можжевельник я видел только в Подмосковье. В лесах между Старой и Новой Рузой есть такие экземпляры, что дашься диву, как удалось можжевельнику быть похо-

жим на небольшие кипарисы. Поэтому хвалить уральский можжевельник я не берусь.

Смешанные леса и чисто лиственные тоже не редкость на Урале. Особенно на вырубках лиственная быстрорастущая поросль заполняет все. И кажется, не быть и не шуметь на этом месте милой хвое. Нет. Хвойные тихорастущие деревья, как в колыбели вынынчиваются в окружении лиственных деревьев. И потом, когда малютки мужают, лиственные деревья стареют и уступают место хвойным подросткам. Происходит лесосмена. Но так происходит не везде. Есть чисто лиственные леса. О них рассказывать по их достоинствам и прелестям я не сумею.

Вы можете сказать, что я не объективен... Как вам угодно. Только лиственный лес мне всегда был чужд. Мне с детских лет казалось, что если есть на свете нечисть, то она селится только в лиственных лесах. Там глуше, темнее и удобнее скрываться.

Мне кажется, что змеи только там. И запах прели, дурманных трав, чащобы, бурелом, малиновые заповедники медведей... Все это не по мне. И только, пожалуй, липа — мать лаптей, кулей, мочальных поделок, меда ее имени, мне, как и пихта, очень дорога. Не зря она приглашена из леса в парки, на улицы и дороги. Неприхотлива, долговечна, теневынослива, не знающая никакой парши, не привечающая вредных насекомых, липа человеку давний и верный друг.

Кто может спорить, что в деловом-товарном отношении авторитет дуба, клена, ильма, вяза и березы несравним. И я ничуть не умаляю их мебельную, строительную, паркетную, фанерную и всякую другую репутацию. Например, в Тавде я на фанерном комбинате видел до того игривую рубашку фанерного листа из

березовой шпоны, что только бери и полируй, да ставь в любой дворец. Деревья, как и мамы, всякие нужны. Многих из них мы еще не разглядели. И коли уже непогонистая карельская береза стала шедевром облицовки мебели, может, и другие, тоже не крупные деревья, произрастающие на севере Урала, таят в себе отличные узоры. Мы слишком богаты лесом, и черемуха, рябина для нас пока не древесина, а только кнутовища, трости да мелочи для обихода. Кто знает, может быть, в каком-то изломе, при какой-то еще не найденной протравке и они станут в ряд с красным деревом или орехом. Я не утверждаю, что такая карьера ждет рябину и черемуху, я только говорю, что не все еще раскрыто в древесной красоте и пользе. И очень часто мы ввозим из-за семи морей дутую красоту, не замечая своих красот.

Уральский лес полон чудес. Он после подземных сокровищ — главное наземное богатство Урала, Приуралья, Прикамья и особенно Тюменской области. Там его запасы измеряются 4,5 миллиардами кубических метров, восьмой частью запасов Советского Союза.

III Уральский лес не только древесина и сырье для лесохимии. Это и жизненное пространство, скажем мы высокопарно, для четвероногих меньших братьев и крылатого как местного, так и прилетающего населения. Флора всегда определяет фауну и предшествует ей.

Пушные звери были первой приманкой для желающих быстро разбогатеть. Летопись и ясачная статистика приводят баснословные цифры заготовки шкурок соболей, бобров, куниц и прочей мягкой рухляди. Эта же ясачная статистика показывает, как быстро

уменьшалось пушное поголовье и как оно потом сошло почти на нет.

Есть ли более беззащитный зверь, нежели бобр. Он так легко выслеживается охотниками по обглоданным деревьям, по запрудам и выдает свою колонию. А выведав, не надо больших трудов, чтобы превратить бобров в пушной товар.

Хитрее соболю и куница, но и на них было немало ловецких и купецких хитростей, например водка. За нее аборигены долавливали тех редкостных пушных зверьков, которых не под силу было добыть пришлым охотникам пушного зверя, но все же его вторые и третьи ранги сумели сохранить.

В годы моего детства мне уже не приходилось видеть живого бобра, так еще недавно перенаселявшего Прикамье. Не видел и соболя, кроме как в зоопарке. Зато лиса была совсем не редкость. Подруге моей тетушки была преподнесена на шубу связка лисьих шкур как свадебный подарок. Лисы были добыты ее женихом, охотившимся от случая к случаю.

Лис мы, ребята, встречали в лесах не так часто, как зайцев, но встречали.

Мой отчим, тоже охотник «между прочим», приносил горностаев. Белки за редкость не считались. Другое дело — выдры. Правда, о них больше рассказывали на охотничьих привалах, чем добывали. Я видел выдру на Урале только раз, на берегу Тавды, возле Таборов. Ночью лошадь остановилась. Издали донеслось что-то похожее на храп. Выдра прижалась к земле. Замерла, будто выясняя, вижу я ее или нет. И когда наши глаза встретились, она юркнула в приречные кусты. Прекрасный зверь. Прочнейший мех. Тяжелый, но теплый, как заячий.

Про зайца один знаток пушнины мне говорил, что будь у него мездра (кожа) чуть потолще, хотя бы как у белки, заяц ходил бы в горностаевой цене и был бы выбит, как соболь.

И я, пожалуй, с ним согласен. Теплее, гуще, тонковолосее заячьего меха на свете нет. И если заячьи шкурки вместо ватина подшить в пальто, то не будет жарче и легче шубы. Это я проверил на собственных плечах.

Медведь тоже не так уж редок и в наши дни. В детстве мы опасались заходить в далекие малинники. Хотя и говорят, что косолапый не нападает на человека. Но как поверить этому.

Лоси тоже было вывелись, но встречались. В Тагиле, например, лось «вмерз» в бетон котлована будущего фундамента цеха. Составили акт, вырубili лося из бетона и отдали в столовую.

Теперь лось не редкость, даже под Москвой. На некоторых дорогах предупреждают: «Осторожно, лоси». На Урале их поголовье, мне кажется, уже перевосстановилось.

Охота на лосей постыдна. Это почти охота на коров в колхозном стаде. Охотники на этот счет, наверно, думают иначе. Пусть.

Дорогой ценой, большими трудами приходится уральцам возмещать лесам неумеренный ясак царей, пушной разбой купцов и браконьеров, которые еще, увы, не перевелись, по мягкости законов и слабости надзора.

На Урале снова появился соболь, переселенный из Сибири. Его переселяли не единицами, а тысячами. Переселяли в те места, где он водился прежде. Соболье племя прижилось, размножилось, восстановилось и

снова стало предметом пушного промысла. В Свердловской области разрешена охота на соболей. И там поставки шкурок считают уже тысячами.

И бобры вернулись на древние места своих далеких предков и тоже ответили большими тиражами своего приплода. Появилась и плодовитая ондатра.

Не столь быстро, но и не так уж тихо восстанавливается пушная репутация Урала во всех ее разновидностях и породах. Наблюдая за перенаселением лосей, можно надеяться, что такое произойдет и с остальными обитателями лесов.

Труднее с птицей. Она, мне кажется, прихотливее зверя, и ей приходится искать места погуще, а их все меньше и меньше остается на Урале.

Позвольте рассказать не очень давнюю историю, которая произошла с одним старым глухарем.

Недалеко от Тагила возник в течение нескольких осенних и зимних месяцев небольшой завод. Завод построили на месте старого глухариного токовища. И весной старый глухарь-петух, или как его называют наши охотники — токарь, прилетел рано утром на двор завода и, усевшись на уцелевшее дерево, стал созывать молодых глухарей на свадебный турнир. Появились и глухари. Правда, они не осмеливались начать поединки на заводском дворе и сидели на деревьях поодаль. Старого токаря спугнули, и мы думали, что он больше не прилетит, а он прилетел на другое, и на третье, и на четвертое утро.

По этому поводу в газетной заметке говорилось, что наши заводы растут настолько быстро, что птицы не успевают менять своих излюбленных мест.

Не стоит сомневаться, что тетеревы найдут новое токовище. Был бы лес. Другое дело рыба. Реки есть,

а рыбы стало меньше. А было много и очень много. Разной и всякой. Большой и маленькой.

О ней — глава.

IV Урал многоводен...

Если только у одной Камы насчитывают тысячу притоков, если в одной лишь Челябинской области учтено 1300 озер, то не трудно представить, что бедности в воде Урал не испытывает. Я как-то в поисках вымышленного литературного названия реки, которое выглядело бы типичным для Урала и вместе с тем не встречалось на карте, стал перебирать речные имена, кончающиеся на «ва», и выписал: Нейва, Кува, Сосьва, Косьва, Лозьва, Язьва, Лысьва, Усьва, Иньва, Пильва, Лобва, Лопва, Обва, Яйва, Кожва, Пожва, Сылва, Каква, Нердва, Нытва, Колва, Шаква, Тулва, Велва, Сива, Кува... и т. д.

Можно привести перечень рек, названия которых кончаются на «да» — Салда, Ревда, Тавда, Барда, Орда, Куеда, Вычегда, и другие реки — памятники языков первонаселения этих мест. И каждая из этих рек, речушек, речонок славна по-своему. Кто не знает, например, знаменитой сосьвинской селедки, названной так по имени реки Сосьвы. Слава реки Тавды — нельма, такая нежная, что и не терпит перевозок.

Среди каменных, отвесных, самых неожиданных по форме берегов текут Чусовая и Вишера. Первую вполне можно назвать Малой Вишерой, а вторую Большой Чусовой. Реки туристов. Особенно удобна для этого обжитая Чусовая.

Здесь в верховьях реки обычно покупают лодку, а в низовье Чусовой или на Каме ее продают. В наше

же время столько портативных лодок — складных байдарок, надувных резиновых, что можно в любой точке Чусовой начать водный спуск и прекратить его там, где захочется.

Рассказ не показ. Посмотрите двенадцатую тетрадь, и вам, может быть, захочется провести здесь отпуск. Не раскаетесь, особенно в июне—июле. Ну, а если вам не хочется промочить ноги и купаться по пять раз в день и варить уху на берегу, то к вашим услугам государственный транспорт — пароходы, теплоходы.

Путешествие по Каме и Белой до Уфы — это отдых, который зарядит вас силами на год, а воспоминаниями на всю жизнь. Не путешествуйте только в плохой компании. Пароход — тесный плавающий островок. Собирайте близких, дорогих вам людей и покупайте билеты с осени этого года, на лето — того.

Кажется, я постепенно превращаюсь в популяризатора маршрутов. Мне ничуть не претит эта миссия. Потому что я, проехав по Каме не менее двух-трех десятков раз, никогда не считал время потерянным, путешествие повторным, берега знакомыми.

Кама в ее верхнем течении, выше Перми, почти ничего общего не имеет с нижним течением, с изнеженной и ленивой Окой и умиротворенной, облагороженной Волгой. Верхнее течение Камы и река Вишера — реки сами по себе. В них есть что-то от больших рек Сибири, они как бы анонсируют их, при этом оставаясь уральскими реками, показывающими горы в разрезе.

В годы моей юности совершать путешествие на моторном боте можно было только во сне да в воображении. Теперь же лодочные моторы стали предметом широкого потребления, как и туристические палатки.

Значит, и путешествия по большим рекам стали доступны самым широким слоям населения.

Вывод ясен. Садись и мчись хоть по рекам Камского бассейна, хоть Обского. А если ко всему этому есть киносьемочный аппарат, то путешествие продолжится зимой на экране, и вы как бы второй раз переживете летние радости. Не пренебрегайте рыболовными снастями. Еще достаточно малых притоков больших рек, озер, где блесна спиннинга, рыболовный крючок прокормят вас в пути ..

Здесь мы, кажется, опять подошли к рыбе, от которой мне по многим соображениям хотелось увильнуть. Во-первых, не столь интересно повторять сто раз говоренное, а во-вторых, больно констатировать то, что не замолчишь, и наконец, в-третьих...

Я никогда не был приверженцем критики без конструктивных предложений для устранения критикуемого тобою. Это, мне кажется, норма критики вообще. Легко сказать, что это не то и то не это. Труднее поразмыслить, подсказать, чтобы это было тем, и то — этим.

И если мы хозяева у нас в стране, а не гости и тем более не посторонние люди, мы обязаны думать и предлагать, как устранить мешающее нашей жизни. И если даже думающий и предлагающий способы борьбы с недостатками ошибается, советует невозможное, все же он всегда наводит других, отвергающих его, на приемлемое и подсказывает иногда им правильные пути.

Рыбы в больших реках Урала и Приуралья, как местной так и пришлой, было очень много. Так много, что живущие на берегу рек, заводских прудов, озер пользовались ими как садками, в которых обязательно будет добыто на рыбный пирог, пока подходит тесто

в квашне, пока оно раскатывается. Другое дело, что пирог может быть большим или маленьким, но пирог обязательно будет. Это все я говорю не с чьих-то слов и даже не по собственным наблюдениям, это я испытал сам. Пустым с ужения я никогда не возвращался.

И кроме обычной рыбы (лещ, голавль, налим, окунь, ерш, чебак, плотва), была и первосортная рыба. Белуга, осетр, лосось, стерлядь... И это была доступная рыба.

Моя мать, служа конторщицей, зарабатывала не так много, но стерляжки пироги, стерляжья уха были вовсе не редкими. Этих рыб мне по малолетству ловить не доводилось, зато их ловили соседи и продавали излишки.

Я не знаю, какое место на столе уральских и прикамских тружеников занимала рыба. Думаю, что немалое. И самоловная рыба (то есть пойманная самими) была очень распространенной. Распространенной была и мораль, преследующая браконьерство, ловлю рыбы запрещенным способом, например глушением. Общественное мнение жестоко наказывало, хотя бы оглаской, высмеиванием человека, подличающего в ловле, не выпускающего обратно молодь, отравляющего рыбу безвредными для человека снадобьями и губительными для рыбы. Такого могли и поколотить. Рыба, считаясь достоянием всех, не могла принадлежать кому-то предпочтительно. И рыбный самонадзор был нравственной потребностью, особенно рабочего люда.

Покупная рыба, такая, как вобла, различного рода «рыбцы» в соленом виде, была так же распространена, как теперь морская рыба.

И тем не менее я, например, до 1925 года не пробовал черной икры. Это был очень дорогой продукт. Мы

же довольствовались «самосольной» икрой местных рыб и привозной кетовой.

Не зная черной икры, я все же видел рыб, мечущих ее — осетров, белуг. Они приходили в Каму и ее притоки на нерест, так же обычно, как прилетали грачи, скворцы. Осетра или белугу поймать было не просто. Все же мне приходилось видеть живую белугу весом более тридцати пудов, то есть более полутонны. Ее, закованную в бревна, гнали вниз по Каме в уездный город. Этот способ был применен для того, чтобы рыбину доставить живой.

Старики называли белуг и большего веса. Я проверил потом рыбацкие рассказы по книгам. Оказывается, случались белуги по тонне и, как редчайшая редкость, по полторы тонны. Полторы тонны — это полторы тысячи семейных обедов. Значит, одна или две белуги могли накормить обедом население уездного города.

Но после того как на Каме началось пароходство, рыба, особенно пришлая, значительно сократилась. Отсюда вывод, что даже незначительное появление нефтепродуктов (масел, керосина, мазута) в реке сказалось на рыбе. Сказались на ее убыли и те одиночные радужные пятна нефти, которые возникали при судоходстве. И каждое такое малое пятно расплзлось тончайшей пленкой по поверхности воды. И как бы эта пленка ни была тонка, она во всех случаях закрывала доступ кислорода.

Теперь же на реках случается видеть столько нефти, что временами кажется, будто нашли новый способ транспортирования ее сплавом. При таком слое и местные выносливые рыбы предпочитают чистую воду притоков, на которых не стоят заводы, загрязняющие воды.

Мы не можем прекратить добывание нефти, как бы

ни была вкусна зернистая и паюсная икра, как бы ни желали возобновить приход древнейшей династии осетровых рыб в верховья рек, которые они покинули. Мы так же не можем закрыть заводы, комбинаты, например бумажные, отходы которых так вредны. Сказываются на рыбе и некоторые химические удобрения полей. Эти удобрения в конечном итоге оказываются в реках того бассейна, где находятся поля.

В Все меры в борьбе за очищение вод хороши и полезны. И фильтры, и отстойники, и замкнуто-кольцевое водоснабжение предприятий, если при этом отфильтрованное не остается на земле и не отравляет ее подпочвенные воды, питающие реки.

И коли уж мы выпустили Джина из нефтеносных недр, то мы должны либо полностью его использовать, либо, если это невозможно, сжигать или обезвреживать каким-то другим путем оставшееся. Возможно ли это? Находятся люди, которые говорят, что это возможно. Что это уже испробовано.

Доводы начинаются с того, что если бы жители больших городов не прибегали к стоку нечистот посредством канализации, то население было бы обречено на гибель, а реки представляли бы собой сплошной поток, состоящий из... Из чего именно, говорят обычно на ушко или находят удобопроизносимый синоним.

Продолжая свои доводы, мой собеседник спрашивает:

— Что же мешает заводам, нефтепромыслам обратиться к услугам канализации для всех вредных сточных отходов производств?

Я соглашаюсь и возражаю:

— Это не просто, наверно? Это же сооружение планетарного масштаба.

— А на Луну лететь просто? — вспыхивает он. — А проложить газо- или нефтепровод через материк, разве не планетарного масштаба сооружение? Конечно, это миллиарды... Но что выгоднее — потерять ли реки с их населением или провести бетонную или какую-то другую магистраль и раз навсегда покончить с отходами.

И далее он принимается рассуждать о том, что рыба составляла треть потребляемых нашим народом продуктов (пусть четверть). Прибегнув к карандашу, легко подсчитать, какие это цифры высококалорийного, вкусного продукта питания. Ведь речную рыбу, кроме матери-природы, никто не выращивает. Она требует единственных затрат — поймать ее и доставить на стол. Выгода очевидна для всякого, знающего азы арифметики. Верните рыбе прежнюю среду, и она вернется в нее куда быстрее бобра и соболя.

— Я не помню, — говорит он, — сколько тысяч или сотен тысяч икринок выметывают отдельные, даже сверхблагородные рыбы. Я знаю, что карп за два года вырастает из икринки от двухсот граммов до шестисот. Осетр, наверно, медленнее. Ну и что из этого, лишь бы разводился и кормил людей.

— Но куда, — продолжаю я полемику, — куда деть сточные, вредные воды?

И я получаю ответ:

— Их нужно вернуть туда же, откуда они пришли. Это значит, что остатки Джина и всех Джинов, не пригодных людям, спустить под землю. Под землю в те же скважины и шахты, откуда их извлекли. Это тем более вероятно, что «хвосты», или отходы, всегда по объему

меньше туловища, меньше того, от чего они отошли. Слить, и все. А если они вдруг понадобятся нам или потомкам — снова выкачать и доиспользовать.

И я начинаю размышлять. Не прожектер ли мой собеседник? Не завиральная ли это фантазмагория? А потом мне начинает казаться, что он вовсе не оригинален, что рассказанное им уже испробовано. Пусть в малых масштабах, но испробовано. И я вспоминаю: на одном из нефтепромыслов мне рассказали, что иногда случается так, что нефть некуда деть. Нет емкостей. И в этих случаях там прибегали к заполнению нефтью «пустых», более мелких скважин, используя их как емкости. Так почему же эти пустые, бросаемые емкости не могут быть заполнены непригодным для нас.

И я отлично вижу, как, скажем, башкирские нефтяники отводят вредные отходы не на какие-то «поля орошения», которые в конечном итоге загрязняют землю, а в отработанные скважины. Там им нечего испортить и нечего заразить.

И я представляю реку Белую, населенную белорыбцей, осетровую и белужью Каму. Ведь не может же быть, что люди станут терпеть лишения от своих собственных достижений.

И если большая межзаводская канализация с поглощением отравляющих веществ недрами — утопия, тогда что же явь? Неужели фильтры и отстойники, в которых фильтруемое и отстаиваемое по-прежнему остается на поверхности земли?

Будем верить, что штурмующие соседние планеты дооборудуют свою собственную. Давно ли считалась невозвратимой утрата пушного зверя, а он снова заселяет наши леса. Не может быть, что не найдутся способы и средства очистки рек и предупредительные

меры от загрязнения их. Нужно всегда надеяться на лучшее, а надеясь, не вздыхать да охать, не оставаться при сем присутствующим сторонним наблюдателем, а думать, помогать, искать и находить... Мы знаем по истории, что люди очень часто делали открытия из области совсем далекой от их основной деятельности. И кто знает, кем будет найдено, кто предложит кардинальное решение вопроса охраны и возвращения богатств озер и рек, больших и малых водоемов.

VI В природе Урала мир птиц разнообразен не менее других миров своих собратьев по лесам, лугам, степям и водам. И он не может быть иным в стольких различных зонах. От белых куропаток Севера, до царственных дроф степей, от величественных лебедей до крохотных нырков и куличков. Орнитолог найдет в наших краях почти всех знакомых и незнакомых птиц, обитающих в родной стране. Одни живут тут постоянно, другие прилетают, третьи, пролетая, задерживаются здесь на отдых и подкормку на часы, а иногда и на недели.

Через Урал и вдоль Урала проходит много птичьих древних воздушных трасс. И это естественно при более чем двухтысячекилометровой протяженности великого водораздела. Да и как не задержаться птицам на Урале, богатом кормами и пристанищами: озерами для водоплавающих, лесами для лесных пернатых, необозримыми степями юга для жителей равнин.

Прилет и перелет крылатых стай радостное зрелище, особенно для тех, кто любит птиц. И даже тихими ночами, когда не видно транзитных косяков, летящих в темном небе, все равно приятно слышать их крик

приветствия весне. Весне, которую так любят на Урале, которая всегда стремительна, как всякая континентальная весна. Еще вчера только проклюнулась листва в набухших почках, а через день-два-три деревья в изумрудном одеянии встречают возвращающихся знакомых постояльцев, друзей растений. Ботаник сказал бы, сколько и каких услуг оказывают птицы лесу, садам и паркам. Я за это не берусь, но знаю, что садоводы не из сентиментальных побуждений прикармливают птиц. Это же делает и сама природа, оставляя на весну не осыпавшиеся семена многих растений, привлекая птиц и ранним пробуждением вредителей лесов. И если в этом природе помогает человек, то результаты сказываются не в каком-то отдельном саду, а в целом крае. Природа не любит и мстит за глумление над нею, но всегда благодарит за помощь.

Живой пример этому бобры, ондатры, соболь, карпы, пчелы... И всюду, где человек не разрушает, а улучшает, культивирует природу, он никогда не остается в накладе. Возьмите пчел... Разве они, из диких став домашними, не расплатились с человеком в той же нашей Башкирии.

Мне трудно удержаться и не рассказать, как один старик заставил диких уток высидеть, выкармливать птенцов домашних уток. Он, живя на дальнем озере, подкладывал в гнезда диких птиц яйца, снесенные их одомашненными сородичами. И дикая утка, не замечая подмены яиц, становилась матерью чужих детей. И эти дети, не потребовав и горсти корма, к осени становились большими птицами, во всем повторившими своих действительных родителей. Они не могли улететь с высидевшими и вырастившими их утками осенью. Когда озеро начало замерзать, старику оставалось при-

манить, а потом загнать в пригон пугливое стадо даровых птиц.

Если в этом рассказе вымысла больше, нежели правды, все равно в него следует поверить, потому что это возможно в краях, где так много необжитых, пустующих озер.

Охрана птиц, ее исток — в душе человека, в его нравственности, в его дружественных, а не враждебных отношениях с природой. На Урале скворечница исстари обязательная принадлежность каждого двора. А теперь эта традиция переросла в массовое вывешивание птичьих домиков детворой. И не только для скворцов, но и для другой мелкой птахи. И это весьма похвально. Пусть тысячи, а может быть, и десятки тысяч домиков не расквартируют и малую долю нуждающихся в жилой площади пичуг, зато еще в детстве будут заложены в души детей чувства, противоположные истреблению птиц. А в этом главное.

Я говорю не о клестах, чижах, кукшах, ореховках, вьюнках, щеглах, таловках, синехвостках, лесных коньках, семействе синиц, пуночках и еще ста и более не названных птиц, обитающих на Урале. Эта крылатая «плотва» восстановима куда легче, нежели крупная «съедобная» дичь: глухари, тетерева, куропатки, рябчики, вальдшнепы, перепелы, дрофы, утки, гуси, лебеди... Им не надо строить жилищ, но их нужно уберечь от дробы.

Охотник и браконьер — главный их враг. Напрасно говорят, что заводы, города, возросшее население помещали этим птицам гнездиться и множиться. Этому немало есть опровержений.

В огромной Москве, в городе заводов, шумного уличного движения, кажется, нет никаких условий,

чтобы на ее водоемах жили дикие водоплавающие, прилетающие по весне и улетающие осенью. Птица не пуглива, когда ее не пугают. В Московском зоопарке на открытом озере дикие утки преспокойно сидят в своих гнездах рядом с дорожкой, по которой проходят толпы посетителей.

Разве это особые птицы?

На уральских озерах не так уж давно лебеди подпускали человека, особенно на лошади, не на ружейный выстрел, а на длину удилица. Подпускали потому, что в народе жило предание, по которому в семье убившего лебедя обязательно должно произойти большое несчастье.

Каким бы нелепым, ни выглядело это суеверное предубеждение, все же оно оберегало лебедей. И там же наиболее плодовитые гуси, считавшиеся похвальной добычей, исчезали.

Разумеется, мы не можем прибегать к заклинаниям и запугиваниям такого рода. Да они бы ни к чему и не привели. Охрана природы должна жить в сознании человека. Его моральные основы, его совесть, его понимание, что в мире нет «ничьего» и тем более чужого, — самые строгие стражи и судьи.

В Прибалтике белки приходят на подоконники за лакомствами. Они не боятся подойти к остановившемуся автомобилю, получить угощение из рук человека. В Подмосковье белки селятся в скворечнях перед окнами домов и выводят потомство. Разве это белки особых пород?

Не то же ли самое и в заповедниках Урала, где выстрел — чрезвычайное происшествие. Там все живое население и даже самое пугливое перестает бояться человека.

Нам на Урале, в таком передовом краю, надо еще очень много сделать для наших меньших братьев, в горах, в лесах и водах. Начало уже положено, и немалое начало, и оно предвещает хорошее продолжение.

Закончу старой истиной, которая могла бы стать эпиграфом к этой тетради:

Мир должен быть населен!

ТРЕТЬЯ ТЕТРАДЬ

I Павел Петрович Бажов, обессмертивший себя книгой уральских сказов «Малахитовая шкатулка», любил свой край горячо и поэтически нежно. Разумеется, он знал об Урале куда больше и глубже, чем автор этих строк. Об Урале Павел Петрович рассказывал мне так много, что будь я дальновиднее, мог бы записать, а потом издать увесистый том и озаглавить его «Бажов об Урале». Но мы всегда сожалеем об утраченном, продолжая повторять эти утраты, не думая, что настоящее станет прошлым, не сохранившимся в том главном качестве, которое изобилует подробностями.

Павел Петрович сравнивал Урал с гигантской двускатной крышей, которая, как бы проседая, ушла под землю, прикрыв с запада и востока своими скатами спрятанное под нею. Это уже не Змей-полоз и не шов двух материков.

И эта просевшая крыша с одной стороны уходит под Каму, а с другой стороны сказывается под Обью. Я не берусь защищать слышанное и лишь повторяю его. Хотя и для меня Урал — это не оставшийся на поверхности зримый верх или, как у нас говорят, князек крыши.

Все уральские области, как заметил я, очень ревниво относятся к принадлежащему им и очерченному межобластной границей. Все это, наверно, тоже имеет какой-то резон, но не для широких слоев читателей. И от того, что один район области переходил в соседнюю область,

а потом обратно, никаких существенных изменений не происходило.

Гордиться своей областью, ее природой, достижениями, богатствами недр вовсе не плохо. Но местническое яканье, «мы да мы, у нас с глазами грибы и с ушами ягоды» всегда неприятно припахивает скудоумием и ограниченностью кругозора.

Для меня Урал был и остается единым Уралом. Башкирия такой же мой край, как и Челябинская область. Поэтому, говоря об Урале, я буду иметь в виду (о чем прошу и вас) всю крышу, а не ее скаты и тем более открышки. Могущество Урала состоит в единстве края, свято хранящего родное для каждого народа, жителей каждой области с ее традициями, особенностями быта, говора и всего сопутствующего и наслоившегося за долгие годы. Каша и та в разных уездах варилась по-разному. Ну и что... Кому милы пельмени, кому рыбные глухие пироги, все равно край остается краем, так как его определяют куда более общие признаки, нежели мелкие различия в одежде или домашней утвари, или в каких-то других деталях.

При царях стравляли не только уезд с уездом, один завод с другим, но и улицу с улицей подымали на кулачные бои, кончавшиеся обычно поножовщиной. Это было выгодно и в чем-то необходимо власти имущим. Разрозненных всегда легче подчинить, нежели организованных. Памятуя это, мы будем говорить об едином населении Урала, связанного узами неделимости и борьбы рабочего класса края, не расчленившегося на тагильчан и мотовилихинцев, на лысьвенцев или невянцев. В этом и была его сила, решившая исход борьбы победой единства, а не разобщенности. А...

А кашу пусть каждый варит по своему вкусу и печет пироги по собственному разумению.

Перевидав столько делений Урала и поэтому убедившись в его экономической и, если хотите, этнографической общности, я никогда не перестану удивляться пестроте и многообразию, составляющим эту общность.

Главную славу Уралу принес металл. С металла и началась его государственная значимость, его вес внутри страны и на международном рынке. С металла началось все, что потом продолжилось сказочно и невероятно. Не богатейшая пушнина, не редкие самоцветы и не соль, давшая корень названиям нескольких населенных пунктов, в том числе городу Соликамску, и породившая известную поговорку: «Пермяк солены уши», то есть житель Пермии Великой, работающий по уши в соли. Это все нужные и знатные дары и товарные диковины, но богатства не первостепенной жизненной необходимости народа и государства. Без соболей и горностаев, как и без яшм и аметистов, можно было просуществовать и богатому слою потребителей оных. И пермская соль к тому же была не единственной в огромной стране. Пусть дороже, но было чем и без нее солить щи.

II Солью всех солей уральской земли была железная руда, потому что железо становилось главным материалом деревянной Руси.

Предания рассказывали о рудных кладах и о первоначальных сыродувных домницах. О железных наконецниках стрел и копий, о кованых топорах. Рудные выходы торчали скальными образованиями на поверхности та-

кими же, как гранитные горы. Но и это, находившееся поверх земли богатство нужно было открывать в краю дремучих лесов. Открывать не в допетровские времена, но и в позднейшие.

Например, крупнейшее железорудное месторождение на реке Кушве было открыто во времена царствования императрицы Анны Иоанновны, и как открыто...

Пришел к русскому горному начальству крещеный манси по имени Степан, по фамилии Чумпин и рассказал, а потом показал железную гору. Даже выдавшие виды, по тем временам сведущие в горном деле люди, такие, как Татищев, управляющий из Уктуса, был изумлен железорудными пиками, высящимися над лесом: готовое сырье, которое нуждалось только в дроблении и доставке в доменные печи. Железорудная гора до того поразила Татищева, что он не побоялся назвать ее именем императрицы Анны. Правда, это было сделано не столь прямолинейно. Царедворец умел льстить витиевато и изысканно. Им было дано горе название Благодать. Неискушенными людьми того времени, впрочем, как и людьми нашего дня, это название иногда понимается в прямом смысле. Благодатная гора, благодатная руда. Словом, благодать как благодать.

На самом же деле лстивый Татищев знал, что древнееврейское имя Анна означает благодать, что было и положено в уши ее величеству.

Подарив императрице гору ее имени, Татищев вознаградил мансийца Степана Чумпина горстью мелких монет, а сородичи пожаловали его сожжением на костре, как открывшего иноверным священную гору, где находилось мольбище, где красовались мансийские идолы.

Гора и не могла не быть священной, потому что она

притягивала наконечники стрел, ножи и все то немногое, что было сделано из железа.

В память этого события на горе Благодать был отлит чугунный памятник: ваза с пылающим в ней огнем. Я видел вначале нашего века эти чугунные языки огня на вершине горы. Позднее мне его показали в музее, потому что гора превратилась в яму. Когда рудные запасы Благодати исчерпали на поверхности, занялись основанием горы.

Конечно, для чугунного памятника сожженному герою, так желавшему железную гору сделать достоянием всех, можно было найти новое место на руднике или в городе Кушве, в городе, начавшем свое существование благодаря открытию горы, но мы не всегда дорожим памятью тех, кому мы обязаны очень многим.

Здесь не время и не место говорить о нашем непростительном отношении к увековечению в мраморе и бронзе памяти великих сынов Урала, сынов с мировым именем, например... Впрочем о них в другом месте, а здесь скажем, что Урал породил немалою плеяду талантливых и гениальных людей, таких, как величайший химик Менделеев, основоположник радио Попов, бесмертный властитель звуков Чайковский... Вернемся, однако, к железной руде.

III Рудознатец — на Урале профессия сравнительно давняя. Эти геологоразведчики прошлого находили руду чаще всего потому, что ее нельзя было не найти. Ничуть не иронизируя, скажу, что иногда разведывательным инструментом была подвешенная на нитке палочка. Куда палочка-повернется острым концом, там и руда. И представьте, палочка не обманывала. Она и не

могла обмануть, потому что куда бы она ни повернулась, она обязательно укажет на рудное месторождение. Поэтому стрелка компаса на Урале не всегда показывает на север.

Об открытии руд на Урале бытует множество историй, и далеко не все они досужие вымыслы стариков. Вот одна из них. Это сгущенная правда о болтливой молнии. Правда, которая выглядит сказкой, только по манере изложения, но не по своему содержанию.

* * *

В наших местах, что ни гора — то сказка, что ни пригорок — то присказка. Всего не переберешь, а кое-что можно перелопатить. Вот, скажем, про Лысую горушку да про Чертозная Викторoviча вспомним.

Жил-был на Лысой горушке Федяй Огольцов. По прозвищу — «Божья милость». Так его прозвали за то, что горел он несчетно по божьей милости — от молнии. Только отстроится, только дым в трубу пустит — бац — молния, пых — изба. Разгребай пепел да репу сажай.

— Бросил бы ты, Федяй, свою злосчастную горку.

А он:

— Не могу. Никак не могу. Тятенькина память. Родовая земля. Вид с горы хороший. К тому же овощ идет, как на опаре. На полуденном склоне луч тычком бьет, на аршин без малого землю прогревает.

И верно: овощ на горушке хорошо шел. С умом гора поставлена была. Место открытое, солнца на

две волости хватило бы. И ветер не забежал, другой горой отгораживался. Приволья на горушке тоже было вдосталь. Под горой бывало снег только-только таять начинает, а на горе сухо. Хоть в бабки играй, хоть огород перекапывай.

— Никуда я не уйду с своей Лысой горушки. Никуда,— сказал Федяй, отстроившись пятый раз, и вскорости так погорел, что еле ноги унес. Ребят вытащил, а от стельной коровки даже копыт-рогов не осталось. В баню жить перешел. Она поодаль стояла. Перешел в баньку Федяй и задумался. Так задумался, что с лица почернел.

Родня, дружки увещевают Федяя:

— Брось эту гору. Селись внизу. До каких пор тебе с молнией тягаться. божью милость терпеть. Не лезь на рожон. Не супротивничай.

Качаться начал Федяй. Совсем было под гору качнулся, да бабенка ночью приплелась. Из чертознаевых горемык. Приплелась, да и говорит:

— Хочешь верь, хочешь не верь, только у тебя одна дорожка. К Чертознаю Викторовичу. Давай сведу я тебя с ним. Худа не будет. За совет он денег не берет. Лаской ему за добро платят.

Заявился этот Чертознай Викторович на Лысую горушку, да и говорит Федяю:

— Скуй ты, Федяй, медное копьё трех сажен длиной, в руку толщиной. Нарости комель копьё железной болванкой в хорошее полено толщиной да закопай аршина на полтора-два в землю. При-трамбуй хорошенечко. А потом избу строй. Вот тебе сто двадцать пять рублей.

И подает Чертознай Викторович сторублевую «катеньку» да пять синеньких.

— Погоришь,— говорит, рубля не возьму. Цел будешь, отдашь, кому я скажу, половину того, что тебе молния укажет.

Сказал так и сгинул в темноте.

Сковали Федяю копьё. Нарастил он его с комля болванкой и в землю закопал. Торчит копьё острием в небо и будто молнию на бой зовет. Поговаривать стали в народе. Нескладно получается. Как-никак небо. Зачем его гневить?

Нанял Федяй на Чертознаевы денежки двух плотников и давай с ними в три топора дом рубить. Да не простую избу, а пятиястенную. Листовым железом покрыл. Свинцовым суриком покрасил. Перешел к зиме в новый дом. С двойным полом, с двойными рамами. Весело из красной трубы дым валит, а из конька крыши медное копьё торчит. Торчит и на солнце отливает. А Федяй его каждую субботу квасной гущей чистит.

— Знай наших!

Пришло лето. Пришла первая гроза. Высыпал на улицу народ — глаз с Лысой горушки не спускает. Что будет? Чем небо ответит?

Сверкнула молния, грянул гром. Ударил огненная стрела в медное копьё. Стоном застонал народ. Ослепила молния, осветила Лысую горушку. А Федяев дом как стоял, так и остался стоять.

Разговоры пошли:

— Это случай. Мало ли... Упреждал Илья... Убери копьё!.. Поглядим, что летние грозы скажут, какова тогда божья милость будет.

Прошел грозный ильин день. Мечет стрелы Илья, катается в своей громовой колеснице, бьет молния в медное копьё, а дом как заколдованный.

— Не иначе,— говорит отец Михайло,— это Чертознаева наука.

Минули летние грозы. Пришел вечером Чертознай Викторович.

— Что скажешь, Федяй — божья милость? Оберегает тебя мое копьё?

— Оберегает, Чертознай Викторович!

— А как ты думаешь, отчего бы это? Молния бьет, а не убивает.

— Не знаю, батюшка Чертознай Викторович.

— Неужто тебе молния ничего не выболтала?

— Нет, милостивец Чертознай Викторович, я с ней разговоры не разговаривал.

— А ты бы спросил ее. Может быть, клад какой в горе зарыт.

— Какой клад, батюшка Чертознай Викторович?

— Не знаю какой. Может быть, медный, а может, железный. Любит она медь да железо. Не зря ведь куда ни попало, а в твое медное копьё целит. Через него в землю проходит.

— Это так, Чертознай Викторович. Не рыть ли горушку-то?

— Порой. Помощников пришло. Помнишь наш уговор?

— Помню,— говорит Федяй,— и от своего слова не отступлю.

Указал место Чертознай и в лес подался. Недолго били штольную мужики. Клад быстrehонько объявился. Да такой силы, что мужики холодным потом спотели.

Коренную железную руду открыли. Знай только ломом отковыривай да в таратайки грузи.

Ну как и бывает в таких делах, набежало на Лысую горушку народу видимо-невидимо. Всякого. Разного. И добытчики легкой поживы налетели. Перекупщики.

— Продай, Федяй, гору. Пять тысяч наличными. Дивидент особо.

А горное начальство:

— Эта гора не продажная. Казенная гора. Железный рудник здесь ставить будем, а Федяю медаль и пятьдесят рублей пенсии до скончания жизни.

Только Федяй не совсем полоротым был. Бумаги на гору у него форменными оказались. Да и Чертознай Викторович так гору от крючкотворов да стряпчих оберег, что и не подкопаешься.

— Эта гора — тятенькин поминонок, — говорит Федяй, — а железная руда — божья милость. Как ее можно казне передать или, того хуже, купцам продать. Сам буду горой кормиться, в горе трудиться, добрым людям по божьей милости кусок хлеба давать...

IV Не сомневаюсь, что и Магнитная гора прежде тоже жила в были-небыли, а потом стала крупнейшей железорудной базой. Меня еще бабушка наставляла не относиться легкомысленно к старым сказкам, позднее Павел Петрович Бажов, подаривший миру волшебный ларец сказов, добрая половина которых о недрах Урала, говорил не раз, что не все, что кажется чепушиной, не имеет правдивых истоков. Жизнь подтвердила, подтверждает и будет подтверждать это. Подтверждать не на одном только Урале.

Переставшие жить в сказках кладовые руды остаются сказочными по своим запасам. Например, запасы Качканарского месторождения титано-магнетитовых руд оцениваются в десять миллиардов тонн. И если чистое железо, добытое из них, составит только десятую часть, то все равно один миллиард тонн железа трудно представить даже бывалому человеку.

И это всего лишь одно месторождение, а ведь рядом с качканарской сокровищницей дают железные руды и другие: состарившаяся гора Высокая, как и ее сверстница гора Благодать. Сюда же надо приплюсовать знаменитую гору Магнитную, Бакальский рудник, карьеры Богословского, Полуночного рудоуправлений и другие, о которых в случае особого интереса можно узнать из специальных книг, где цифры добычи, объема работ, кривые роста и все остальное.

Железные рудники Урала, разнясь между собою, схожи друг с другом: на большинстве из них добыча руд ведется не шахтным, а открытым способом. То есть таким же, как добывают песок в карьерах. В таких же, только несравнимо больших карьерах добывается на Урале и железная руда.

Впервые увиденный мною в десятых годах нашего столетия гороблагодатский рудник поразил размерами и множеством работающих на нем. Представьте себе огромный цирк, куполом которого является небо. И в этом цирке большие уступы, а по ним движутся, выбираясь на поверхность земли, тележки-грабарки, нагруженные рудой.

В зрительной памяти осталась невероятная пестрота одежды работающих и мастей лошадей, представлявших тогда главную тяговую силу. Если стать на край котлована или на ступени деревянной лестницы, веду-

щей на вершину горы к памятнику Степану Чумпину, работающие выглядят разноцветным муравейником. С горы не видно, как трудна их работа, как варварски отстали их орудия добычи: лом, кайло и лопата. И только там, где лому неведомо разбить рудную громадину, приходили на помощь взрывчатые вещества. Комья руды и простой породы, взлетая в воздух, готовили работу лопатам.

Таковыми рудники были до тридцатых годов, когда постепенно заместительница человеческих рук — машина сменяла тяжелые инструменты, изнуряющие рудокопов.

Мне кажется, что только тот, кто долго и трудно работал руками, может любить, по-настоящему любить и ценить машину. Можно на многих страницах описывать и не описать, какое впечатление произвела первая механическая «самокопная» лопата, первый экскаватор. Я это видел.

Люди рукоплескали и плакали. Нельзя было поверить, что машина, ее ковш могут копать, черпать руду и нагружать ее в таратайки. А экскаваторишко был плюгавенький, маленький. Шуму, дыму, скрежету, грохоту больше, чем работы. Но все равно это была радостная надежда на лучшее, на большее. Да, первая ласточка, повторим мы, не делает весны, но прилетает ее вестницей.

Самокопная лопата, самоходная телега, и все самодействующее, самоработающее давно жило в светлой фантазии рабочего люда Урала. Я опять приведу сказку, хотя и опасаясь переуплотнения книги легендами. Но ведь никто не мешает вам пропустить сказку о дедушке Само и очутиться в пятой главе, рисующей облик современного железного рудника.

Где и когда жил дедушка Само и жил ли, никто не знает. Только рассказывают, что он на всех заводах переработал, на всех рудниках перебивал. Доменное дело знал и в сталеварском ремесле тоже понимал. И уголь жег и листы плюшил, булат ковал и руду добывал.

Никакое дело из рук у него не валилось. Все мог. Даже свою смерть подковал. Как она за ним ни гонялась, а догнать не могла. Подковы тяжелые мешали. На обе ноги хромала. И по этой причине дедушка Само жил, пока ему не надоело.

Хорошо жил дедушка Само. Для людей. Не для всех, скажем, а только для честных. И особенно для тех, у кого лоб сухим не бывал, у кого руки попусту не болтались. Для тружеников жил.

Увидит Само трудового человека — обязательно наградит. Придет к нему, скажем, стариком странником или старой старушечкой, а то и козлом пожалует или скворцом залетит. Ему что! Он даже черным тараканом мог в дом заползти — счастье принести.

А счастье приносил он особенное. Трудовое. Рабочее.

Копает, скажем, старик землю лопатой. Из сил выбивается... Явится к нему дедушка Само и начнет тарыбары-растабары... О том да о сем. А потом шепнет тайное слово лопате и скажет: «Будь, как я!» Только его и видели. Сорокой улетит или там паром растает. А лопата от этого самокопной станет. Сама по себе землю копает. Копает и куда надо откидывает.

У старика глаза на лоб лезут, а лопата за десятерых огород вскапывает, борозды проводит — работы требует.

Или, скажем, рубит парень лес топором. Старается. Свою силу пересилить хочет. Вдруг прилетит к нему дятел, сядет на топор да крикнет: «Будь, как я!» И нет дятла. А топор саморубом обертывается. Только указывай, в каком месте рубить, какое дерево валить.

Так и во всяком деле.

Пала как-то лошадь, на которой рудобоев сын из горы руду на домну возил. Сгинуть семье. Не на что лошадь купить. И вдруг бездомная собака прибегаёт. Пролаяла что-то такое телеге, а потом тявкнула: «Будь, как я!»

Глядит рудобоев сын — не стало собачки, а телега сама собой пошла. Даже приказывать не надо. Мысленно управляется. Куда замыслил человек — туда и поворачивает. Мало того, когда надо — сама с себя руду сваливает.

Много таких случаев в наших местах было. Где только появится дедушка Само, какому рабочему инструменту свое имя передаст — и тот инструмент сам собой работать начинает. Даже станки саморезные появились. Пилы самопильные. Лодки-самоходки. Печки-самоварки. Стой да приказывай. Печи сами шихту заваливают, сами выпуск стали производят.

На что корыто, в котором белье стирают, и то дедушка Само одной старухе самостирным сделал. Кидай только в него рубахи, а оно выстирает и отожмет.

И все бы хорошо было, коли б ржа топор да

лопату не съедала, коли бы гниль корыто не губила, коли б время печи не рушило, телеги не изъезжало.

Прошло время — не стало дедушки Само. Износились его самосильные самоделы-самоходы. Некому было тайное слово сказать и «будь, как я» вымолвить. Осталась только сказка про дедушку Само. Эта, которую я говорю.

Долго она в народе былью жила, а с годами небылью обросла. Пустословицей стала. Редко-редко какой старик навеселе ее внучатам перескажет. Один посмеется, другой не поверит, а третий в правое ухо впустит — в левую ноздрю выпустит.

Только не все внуки такими были. Нашлись ушастые да головастые. Думать стали, разговоры разговаривать.

— Не зря, — говорят, — в народе такая сказка жила. Для чего-то она сказывалась.

Охота стало головастым внукам самокопной лопатой покопать, на самоходной телеге поездить, на самоточном станке поточить.

Задумались молодцы.

Одни стали волшебное слово дедушки Само искать, а другие — самые головастые — в сказке подсказку увидели. Не стали тайного слова добиваться. Голову да руки к сказке-подсказке припрягли. И не ошиблись.

Сама собой стала копать лопата. Сама собой телега побежала. Без коня, без лошади. И мало того — летать начали. Самолетом летательную машину назвали. Самоточный станок самоточкой нарекли. Самобеглую коляску — самокатом. Самовязную машину — самовязкой. Самосвальную ма-

шину — самосвалом... И только ли это? Многое другое именем дедушки Само начинается.

Ученые люди, словесных дел мастера, может быть, все это и по-другому рассудят. Только не надо им сказку оспаривать. Пускай она живет. Душу веселит. Сердце греет да уральских стариков славит, которые в муках мученических, в непосильных трудах эту сказку выдумали и легкокрылой надеждой о самосильной машине-помощнице жить заставили...

Пускай живет. Может быть, она еще не к одной новой машине имя дедушки Само приставит.

У Гороблагодатский рудник я называю чаще других не потому, что он имеет особые преимущества. Нет. Этот рудник мне дорог и близок тем, что там я провел немало дней, записывая со слов более чем двухсот рабочих книгу, вышедшую потом под названием «Слово о горе Благодать». И это мне позволило узнать рудник ближе.

Рудник, выросший в несколько раз, я увидел не таким многолюдным, каким я знал его в годы моего детства.

Самокопная лопата экскаватор совершенно устранила свою прабабку. Экскаватор не походил и на своего дедушку, больше пыхтевшего, нежели копавшего своим маленьким черпачком. Я, кажется, слишком пристрастен к машинам, но для меня они живое, хотя и металлическое и механическое продолжение человеческого гения. И даже швейная машина, делающая десятки стежков, пока игла в руках швеи делала один, приводила и приводит меня в восторг. Наверно, это черта

всех уральских мальчишек, с самого раннего возраста воспитанных в уважении и, не побоюсь сказать, в любви к бессловесной технике, чудеса которой теперь воистину не только на грани фантастики, но и за ней самой. Все, конечно, зависит от того, кто и как фантазирует. Для одних и космический корабль кусок железа, выстреленный куда-то там далеко-далеко, а для других и станок, делающий из проволоки гвозди,— произведение, достойное уважения.

Потомственный уральский рабочий никогда не пройдет равнодушно мимо новой машины, нового станка и даже нового усовершенствования, как не пройдет садовод или пахарь мимо нового растения.

Машина и новые станки реально раскрепостили рабочего от непосильного труда, начавшегося здесь в демидовские времена. И я понимаю старика, утирающего слезы радости, когда он видит своего внука, а то и внуку, лихо управляющих стальным слоном, черпающим руду или пустую породу в неслыханных весовых единицах.

И мне трудно бывало оторваться от в общем-то однообразной работы экскаваторщика, так эффектно удлинившего и усилившего свою руку.

Человек, не знающий биографии трудовых процессов, не оценит и автомат, не нуждающийся даже в управлении, а лишь в наблюдении за ним мастера-наладчика.

И вместо тысяч рудокопов теперь работали несколько десятков экскаваторов. Откуда же быть многолюдю, многоголосию и... многоржанию в карьере рудника.

Железнодорожный вагон заменил лошадь и тележку-грабарку. По уступам амфитеатра-карьера движутся поезда, груженные рудой. И это обычно, что назы-

вается, естественно. Только если на эти поезда память проецирует конную цепочку из грабарок, картина смотрится совсем по-другому.

Бур в содружестве с взрывчаткой в течение часа производит работу куда большую, нежели сотни людей за несколько недель. И этим тоже нельзя не восторгаться, даже людям, не склонным к восторженности.

Богатые содержанием металла уральские руды не однородны. В рудах немало полезных и вредных примесей. В частности, сера — враг железа и друг ржавчины, недобрый спутник руды. На агломерационных фабриках очищают руду от многих примесей, превращая ее в пористую кусковатую пищу для доменных печей. Это как будто тоже нечто второстепенное, но между тем от него зависело и зависит увеличение и ускорение выдачи чугуна — первоосновы стали.

Открытый способ добычи возможен только там, где полезное ископаемое залегает не слишком глубоко и вскрышные работы оказываются дешевле проходки шахт, штреков, подземных коридоров, требующих крепи, откачки воды, подачи воздуха, освещения и множества добавочных работ. И уж очевидно для всякого, что рудокоп-гигант, рудокоп-экскаватор немыслим под землей, там нужны особые машины. Значит, если даже взрывные работы или работы по удалению верхнего пустопородного слоя обходятся и не дешево, все равно легкая добыча ископаемого при открытом способе с лихвой окупает трудоемкую и дорогую вскрышную работу.

И если вам там скажут, что месторождение беднеет, иссякает или, того хуже, кончается — не верьте. Сколько раз, на скольких месторождениях мне с горечью

произносили эти слова, а потом ничто не беднело, не иссякало и не кончалось.

Дорогой Александр Евгеньевич Ферсман, я всегда вспоминаю и никогда не устану пересказывать другим ваши слова о тоненькой пленочке земли, известной людям.

Мой край, мой милый и родной, ты весь в будущем, а твое прошлое — только лишь начало неиссякаемого. И это не просто вера или беспочвенное желание. Это прогнозы и провидения ученых, продолживших поиски неутомимого следопыта Александра Евгеньевича Ферсмана.

Поживем — увидим. Мы не увидим — молодые люди убедятся в бездонности богатств шва двух глубин, двух материков — Европейского и Азиатского.

В стародавние времена, впрочем, не такие уж далекие, коли я помню их, плавки шли на древесном угле. И углежог или жигарь был распространенной уральской профессией. Не зря Павел Петрович Бажов в свой прелестнейший сказ о вечном трудовом горении, о вечном искании нового, лучшего — «Живинка в деле» — взял героем углежога. Эти искусники превращения полена в уголь так, что остается заметной каждая трещинка, каждая ложбинка, нанесли чудовищный урон дремучим уральским лесам и его пушному и пернатому населению.

Теперь только считанные печи плавят специальный металл на древесном угле. Черный король — каменный уголь, облагороженный при посредстве коксохимии, стал незаменимым, быстровоспламеняющимся и жарчайшим топливом для плавления руды. На этот счет тоже есть сказка, хотя и не написанная. Напишите ее вы. Дарю сюжет о том, как рыжая красавица по имени

Руда, спавшая под землей тысячи лет, не знала, что ее пробуждение даст большую жизнь черному царевичу-королевичу, также рожденному в чреве Земли. Да и откуда было знать Руде и тем более Углю, что они встретятся в жаркой печи и у них появится сын по имени Чугун, а потом прекрасная внучка, звонкая, гибкая Сталь.

Очень поэтично можно было рассказать эту металлургическую сказку, только как ее кончить. Изделиями из стали?.. Но это же нечто бесконечное, а коли так, то лучше всего сказку закончить многоточием...

Положа руку на сердце, скажем, что уральский уголь не самый лучший в мире, зато его много. Один только Южно-Уральский бассейн может дать более миллиарда тонн разведанного угля. А сколько еще будет разведано. Никто не станет спорить, что березовые дрова горят жарче осиновых. Но также едва ли можно возразить, что лучше владеть осиновою тайгой, нежели березовой рощицей, где каждое дерево на счету.

Можно располагать большими запасами угля и с трудом пользоваться ими. За морем телушка — полушка, да рубль перевоз. Переиначивая эту пословицу, мы легко поймем, что глубоко залегающие пласты угля, тоже своего рода дешёвая телушка под землей, дорого доставляемая на поверхность.

Уральские угольные месторождения, как и рудные, нередко поднимаются до уровня травы. Небезызвестна находка на воркутинской земле черного камня, который обладал способностью гореть. Впоследствии по этой нитке был найден и сам клубок — богатые залежи воркутинских углей.

Неглубокое залегание угольных пластов еще в 1913

году позволило уральцам впервые в стране начать добычу открытым способом. Добыча угля оказалась немногим сложнее торфоразработок.

Едва ли кто возьмется перечислять многочисленнейшие месторождения и разрезы. Их так много, что пришлось создавать угольные тресты, такие, как Вахрушев-уголь, Волчанскуголь, Коркинуголь, Башкируголь... Это крупнейшие угольные фирмы, где счет добычи идет на миллионы тонн, где техническая вооруженность каждого из трестов могла бы стать гордостью некоторых стран.

Таким образом, Урал можно назвать и страной угля. А где уголь и руды, как не возникнуть доменному производству. И оно возникло. Возникло при Петре Первом.

VI При царе Петре, как никогда, стало ясно, что без металла страна не может расти и двигаться дальше. И дело было не в одной лишь обороне и пробивании окон в Европу, но и в замене деревянного лемеха железным. Потребность в металле — от топора до бритвы, снявшей бороду Руси, — стала важнейшим условием процветания державы.

Прославленная Тула и ее мастера не могли насытить бедную металлом молодую, просыпающуюся империю времен неумолимого преобразователя и, если хотите, первого «индустриализатора» Петра. Петр I был первым и последним русским царем, которого не стыдно вспомнить в самом высоком контексте государственных деятелей, обессмертивших славою нашу страну и Урал.

Петр I, в отличие от других, вывез из-за границ не

галантерейную муру (хотя он привозил и ее), не роскошь дворцов и короткие панталоны (впрочем, он не забыл и об этом), он вывез организационные идеи. Он понял, что металл — это главный материал времени. Он так же понял, что металлом могут и должны заниматься люди, пусть не изощренные в светских тонкостях, но причастные к его свойствам и прикасающиеся к нему не книжно, а собственноручно. И в этом заключался реальный ход конем на Урал.

Слово «железо» тогда звучало едва ли не громче, нежели атом в наши дни. Поэтому-то царь послал в наши края понимающего в железном деле, жадного до славы и денег кузнеца Демидова. С этого дня и нужно исчислять начало промышленности Урала. Не промыслов и кустарных заводишек, а промышленных предприятий. Заводов. Рудников. Доменных печей и фабрик, производящих из металла изделия.

Очень прискорбно, что Демидовы оказались кровопийцами, куда злее, чем следовало и можно было предполагать. Но как забудешь положенные ими первые кирпичи в основание отечественной металлургии. Царь Петр Алексеевич тоже не был ангелом, и тем не менее его имя не вычеркнешь из славной истории уральской промышленности.

Доменное производство с годами породило весь металлургический цикл: от добычи железной руды до сталеплавления и проката, то есть превращения выплавленной стали в полуфабрикаты: листы, полосы, прут, катанку, позднее в полутавровые и тавровые балки, рельсы и в прочий сортамент, идущий в дело. Все это проще нарисовать, чем описать.

Достигнув по тем временам немалых успехов, уральский черный металл пошел за рубеж. И как не пойти

ему, коли он был лучше металла европейских конкурентов.

Демидов и его присные заводчики, заслужившие дурную славу, заслужили и справедливую похвалу. Они все же были первыми крупными металлургами Урала, а притагильские места — колыбелью великой уральской промышленности. Об этом довольно выразительно и документально исчерпывающе рассказывается в коллективной книге тагильчан «Были горы Высокой». Там есть что почитать интересующимся прошлым большого индустриального Тагильского узла. Тагил — Мекка металлургов. Тагил — святыня уральской промышленности. Святыня, еще недостаточно прославленная и воспетая, хотя и неоднократно описываемая. Но ничто не может уйти из памяти народа, как бы много лет ни прошло. Тагил и окружающие его заводы еще найдут своих витий.

Тагильская металлургия, начавшись в демидовские времена, вскоре стала явлением общеуральским. Но при всем уважении к прошлому, к выдающимся металлургам-рабочим и металлургам-инженерам, ученым, как практикам, так и теоретикам прошлого, усовершенствовавшим «демидовские металлоплавильные самовары», заменившим холодное дутье горячим, что было семимильным шагом в ускорении плавок, улучшившим загрузку шихтой, придумавшим приборы, позволяющие следить за тем, что происходит внутри печей, надо сказать, что стремительный рост уральской промышленности, если не сказать головокружительный, начался в годы Советской власти, в период индустриализации.

ЧЕТВЕРТАЯ ТЕТРАДЬ

I В конце двадцатых годов я жил в Свердловске и видел, как и когда началось кардинальное переустройство старых промышленных предприятий и возведение новых. Не очень солидное уменьшительное слово «Магнитка» было у всех на устах. За словом «Магнитка» стоял не один Магнитогорский металлургический комбинат, а множество домен, мартеновских печей, новейших прокатных станков, как строящихся, так и задумываемых и равно еще никем не знаемых, но уже грезящихся в чаяньях энтузиастов первых пятилеток, чья молодость прошла в свершениях, замыслах и мечтах о том Урале, каким он стал теперь, о той стране, которой теперь нельзя не восторгаться каждому, кто некогда ступал по пустырям, где красуются твердыни нашего величия.

Конечно, Уралмаш — Уральский завод тяжелого машиностроения — грандиозный завод. И он не просто завод заводов как лекционный пример, объясняющий, что такое тяжелая промышленность. Уралмаш, как и Магнитка, заводы-символы, заводы-отцы. Отцы, породившие, еще не возмужав, первое индустриальное поколение заводов тяжелой индустрии. А как, в каких условиях, какой ценой досталось все это нам? Уралу, в частности.

...С едой туго, с «одеждой-обушкой» еще хуже... А годы молодые. Хочется приодеться и, так сказать,

выглядеть. Жизнь это жизнь. Идеи — идеями, а танцы — танцами. Дни стали короче, а ночи совсем крохотные. У магазинов и столовых очереди, а в магазинах и столовых не густо. И сплетни. И предсказания. Издательские анекдотики. Игра на самом низменном. И в этой игре метали банк, не кто-то, а фигуры с именами и стажем. Неудавшиеся лидеры. Обманувшие партию, господа меньшевики и эсеры, чьими фамилиями не хочется осквернять эту страницу. Не их ли вольная и невольная агентура просачивалась не только в магазинные очереди...

Ситца нет, кожи не предвидится, из старых бутылок делают чайные, стаканы... Господи! А они Уралмаш строят! Это голос обывателя. Голос не решающий и даже не совещательный, но пронзительный. Были голоса и другие. Голоса, цитировавшие Маркса, клявшиеся Лениным, подводившие теоретическую базу под контрреволюцию и бившие себя в грудь, доказывая, что они ради народа, ради спасения молодой республики за легкую промышленность и против тяжелой.

Шумно, гамно на Урале. В голове тесно. В животе пусто. Хочешь верить, а червь сомнения подтачивает твои самые светлые и дорогие стремления. Но все равно, корабли в прошлое сожжены. Выход один — индустриализация. Линия одна — генеральная линия партии. Никакой другой линии, никакого иного выхода. Задушат ситцевую страну. Погубят мелкокрестьянскую республику. Значит, таскай кирпичи, подтягивая ремень. И — строй!

Строй!

И строили.

Но как строили? С чего начинали? С «нуля».

Вот перед вами лес. Темный и необжитый лес. Он рядом со Свердловском, но казалось, что город совсем не близко.

Июль 1928 года. Приходят люди. Приходят строители. Многие из них этим именем назвались только сегодня. Они пришли из ближних и дальних деревень. Это видно по их одежде, по внешнему облику и по лаптям. Эта обувь была не редкой для пермских, вятских крестьян. Много молодых. Не тесавших, не строгавших. Знакомых с топором и пилой только по малой деревенской надобности: кол затесать, дров напилить, да кое-когда пригон для скота починить, подвести под старую избу новые венцы.

Приходит и другая категория — это заводские рабочие. Тоже не строители, а мастера слесарного, токарного, кузнечного, прокатного и всякого другого дела. Приходит и заводская молодежь, молодежь из больших и малых городов. Это актив, но актив, вооруженный главным образом энтузиазмом, желанием строить, а не умением. И как основное ядро появляются и собственно строители: землекопы, каменщики, арматурщики, бетонщики, плотники, штукатуры, маляры, кровельщики. И среди них не все ах какие чудоеи, особенно по части бетона, тогда материала нового и мало применяемого. Но все равно они будут бригадами, наставниками и учителями, доучивающимися вместе с их учениками.

Лес ожил голосами, пропах махоркой и дымом костров. И вот начинается начало начал. Людям объявляют:

— Дорогие товарищи, здесь мы должны построить громадный Уральский машиностроительный завод, каких не было и не могло быть в старой царской России.

Оратор за оратором, сменяя друг друга, говорят, каким будет этот завод, для чего необходим он стране и народу. Какие трудности предстоят и какой радостью будет его пуск.

А земляника розовеет, как и сто лет назад. Лес, нахмурившись, молчит. Молчат и бородачи из деревни, думающие о похлебке из скудно выданных круп и солонины.

Инженеры разворачивают синьки генеральных планов, планов цехов. На голубом фоне белые линии, за линиями пока ничего не видно, а энтузиасты и молодежь кричат: «Ура, даешь Уралмаш!», стараются его увидеть и представить по мере сил и воображения.

Я тоже в те годы пытался представить его, но мое представление о нем не шло далее виденного ранее. А виденным были старые уральские заводы: мотовилихинский, чусовской, лысьвенский, тагильский... И мне казалось, что уралмашевские цеха будут больше, трубы выше, станки новее, стекла окон чище... И не более.

Надо думать, собравшиеся в лесу строители из деревень в подавляющем большинстве видели будущий Уралмашзавод не лучше, чем я.

Едва ли представлял его и совсем юный комсомолец Павлик Малофеев, появившийся на стройке. Откуда было юнцу знать, каким вырастет Уралмашзавод, и тем более ему никак нельзя было предположить, что вскоре он станет токарем-ремонтником на этом заводе, а затем и мастером. И уж конечно, в те годы он не поверил бы, что его назначат начальником цеха. Начальник цеха стал главным механиком завода уважаемым Павлом Родионовичем Малофеевым. Но и на этом не остановился рост энтузиаста, поднявшегося потом до главного инженера такого заводища. Это уже не «судь-

ба», не «фортуна» и не всякие прочие «счастливые обстоятельства». Главным инженером завода может стать и удержаться на этом посту только выдающийся, одаренный, отлично знающий свое дело и свой завод инженер. И когда главный инженер Уралмашзавода был назначен его директором, это было последовательным, логичным и не удивительным.

Скажите, пожалуйста, неужели жизненный путь Павла Родионовича может кого-то оставить равнодушным. Неужели биография товарища Малофеева не одна из красных линий истории не только Уралмашзавода, но и всей социалистической промышленности Урала.

Мы опять отвлеклись и увлеклись. Вернемся к тем, кто еще начинает свою трудовую биографию.

II Лес лег, чтобы подняться лесами стройки. Еще не все выкорчеваны пни, а белые линии синек начинают переходить на огромный зеленый плацдарм. Застолбляются цеха и прогалы меж ним, потом окапываются предварительными канавками траншеи и котлованы под фундаменты. Строятся балаганы из жердей и хвой, а за ними и первые бараки для рабочих.

Так начиналось строительство Уралмаша. Так начиналось строительство магнитогорского гиганта электрометаллургического комбината и тракторного великана в Челябинске. Так же начинались 149 заводов Урала, построенные в первой пятилетке великого плана индустриализации нашей страны.

Так же, наверно, скажет кто-то, начинались и в наши дни строительства новых предприятий, электростанций в Сибири и в других местах.

Так же, и не так. Совсем не так.

Когда строились на сибирских реках ГЭС, когда закладывались и поднимались новейшие предприятия, страна была богатой, вооруженной всеми видами отличной строительной техники, достатком строительных материалов и важнейшим из них — цементом.

Самолеты, вертолеты, вездеходы, могучие гусеничные тракторы уже на полную мощность работающего Челябинского тракторного завода, доставили все необходимое: от бульдозеров, скреперов, бетономешалок, экскаваторов и башенных кранов до вагончиков для жилья, до сборных домов, мебели, электрооборудования и запасов продовольствия.

Это не топор, пила и лопата — главные инструменты строителей первой пятилетки. Тогда не хватало и этого дедовского вооружения.

Трудно было и с материалами, особенно с цементом.

И от этих людей, только еще овладевающих строительными профессиями, требовались повышенные и даже сверхскоростные темпы.

Потому что темпы решали все, и не на плакатах, не в призывах стенных газет, а в самой действительности.

Страна в беде. В народном хозяйстве тысячи прорех. Кредитов за рубежом никаких. А строительству необходимы материалы, оборудование, а затем станки, машины для оснащения заводов. А это валюта. Подавай наличный золотой чистоган. Иного выхода нет. И приходилось напрягаться, вывозить и то, чего не было в избытке у самих, потому что валюта нужнее. Приходилось еще туже подтягивать без того подтянутый ремень. Но живущий впроголодь еще не голодный. Плохо одетый тоже не раздетый. И рабочий класс, лучшие посланцы деревни наращивали темпы. И темпы

возвращали затраты. А затраты по тем временам были колоссальны. И каково же было ликование, когда год назад заложенный на Уралмаше цех металлоконструкций вступил в строй. Завода еще нет, а цех уже работает. Первые колонны, первые конструкции перекрытий отправляются Магнитострою. Это уже цех не на синьке и не каменная коробка, а живой, дышащий цех — первое звено Уралмашзавода. А если оно есть, значит, будет и второе, и третье, и весь завод.

Как важно поверить своим рукам. И если эти руки оказались способными сложить хотя бы часть стены, они смеют, они не побоятся того, перед чем опускались и никли еще так недавно.

И руки подымали новые стены, а стены подымали и обновляли людей.

Этого не покажешь ни на каких снимках, хотя бы потому, что фотографический аппарат способен отобразить только внешность человека, да и то статично, а не динамику темпов реконструкции его души, его счастливых рук, которые, фигурально говоря, тоже внутри человека, а наружу только их физическое выражение.

Ах, как это я понял тогда и запечатлел в себе на всю жизнь. Много раз на протяжении моей литературной деятельности я пытаюсь перенести на бумагу хотя бы в половину накала жар тех дней, а мне это не удается и в десятой доле.

Год, один лишь год потребовался строителям Челябинского электрометаллургического комбината, чтобы начать, закончить и пустить первую электропечь первых отечественных ферросплавов. А ферросплавы в переводе с технического языка на разговорный — это те необходимые примеси и добавки, которые позволяют

сварить высокопрочную, долговечную, стойкую сталь. Без такой стали невозможно создать современных машин, моторов, станков и даже некоторых инструментов.

Появление ферросплавов было событием не только в металлургии, но и в государственном бюджете. Высвободилась валюта еще по одной расходной статье ввоза. Конечно, тогда и не думали, что зарождалась другая приходная статья — вывоз за границу. Это будет потом, но у всякого «потом» есть «прежде». Вот им-то и была первая электрическая печь — мать драгоценнейших ферропластов.

Наверное, уже нет этой печи, а если она еще сохранилась, то ей трудно выделиться из своего многочисленного потомства. Теперь Челябинский электрометаллургический комбинат не только снабжает сплавами более полутора тысяч отечественных заводов, но и экспортирует сплавы почти в тридцать стран.

III Эти рассказы о нескольких заводах не могут воссоздать всей панорамы возведения новых предприятий. Да и как воссоздать ее? Сгущенно и уменьшенно на небольшом пространстве? Но тогда пропадет самое главное: подробности, частности, детали. А они были разными и подчас контрастными. Это время вполне можно назвать войной, хотя и бескровной, но затяжной и нелегкой. И даже термины были военными: «всенародное наступление», «одержать победу», «дать бой», «не отступать», «бороться до победы», «не сдавать позиций», «удержаться на завоеванных высотах», «наращивать силы», «дайте новое подкрепление», «армия строителей» и даже «объявить штурм».

Тогда штурм был не идентичен современному понятию «штурмовщина».

В те годы штурмовали казавшиеся недоступными, неодолимыми высоты далеко опередившей нас техники, возводили бастионы индустрии, цитадели народного хозяйства страны и одну из его опорных баз — уральскую промышленность. Обстановка требовала быстроты и натиска. Пять плановых лет потребовалось ужать в четыре. А некоторые выполняли пятилетку и в три года.

Все это происходило, как я уже сказал, в сложных внешних и внутренних условиях. Заводы пополнялись выходцами из деревень, и некоторые из них приносили с собой мелкособственнические, скажем смягчающе, настроения, которые в условиях тех лет, когда немалая часть уральцев жила своим домком, своей коровкой, вызывали не самые лучшие отклики.

Если бы кто-то, хотя бы очень туманно, через какой-нибудь самый тусклый пра-пра-телевизор в те годы мог показать забитые ныне товарами универмаги городов и даже самый маленький сельский магазин, где вдосталь хлеба и того, что едят с ним. Если бы строители тех лет, хоть в полглазка увидели изобилие тканей и залеживающиеся на полках магазинов хорошие башмаки и туфли, только потому, что они не модны. Или тупоносы или нос слишком остер... Как бы это прояснило и облегчило все, как бы заткнуло глотки подлым людям, поднимавшим руку на индустриализацию страны и возвышавших свой голос против решений наступательных партийных съездов. Этим людям не только бы не дали тогда появляться на трибунах, но и... Продолжите сами эту фразу, а то запишут еще в какой-нибудь неподходящий разряд потомки тех, кто

и теперь не всегда добросовестно пользуется трибунами. И если уж мы коснулись этого рецидива прошлого, то позволим себе уклониться из «Моего края» в мою Москву...

Мне иногда бывает до скрежета зубов досадно, что мы и в наш сегодняшний день так общно и отвлеченно говорим о завтрашнем дне. У нас есть немало фантастов, обстоятельно пишущих о далеких мирах. И это нужно и, наверно, необходимо. Но у нас мало литераторов, которые пусть не очень исчерпывающе, пусть не точно, но с достоверностью, не лишенной погрешностей, рассказывают людям, как они будут жить в ближайшие годы. Каким будет распределение благ. Какими станут города, дороги, транспорт, досуг, семья, труд, отдых... И не в общих словах «вырастет во столько-то раз» или «увеличится на столько-то процентов» или того менее представимо — «на душу населения, не считая общественных фондов потребления...» и так далее. Не лучше ли раскрыть эти скобки и расшифровать конкретно и наглядно запланированное.

Видящий дальше, смотрящий вперед, шире шагает и веселее одолевает нелегкий путь.

IV Не легким был путь индустриализации на Урале, но его с честью одолел рабочий класс — главная опора партии и организующая сила народа.

Когда новая домна стоит, дымит и выдает чугуна вдесятеро больше, чем ее прабабка, бесполезны самые ухищренные наветы и припугивания крахом. Когда Уралмаш и его родные братья заводы тяжелого машиностроения оживили младшую сестру — легкую промышленность и когда продавец из лица распределяю-

щего превратился в торговую фигуру, тогда вдруг оказалось, что все верили в индустриализацию и давали отпор сомневающимся в том, что все это неминуемо будет.

Ленинизм восторжествовал.

Первые большие победы индустриализации стали еще большими победами в людском сознании. И теперь никого не надо убеждать, что количество вытканного ситца стоит в прямой зависимости от выплавленного металла. А это несложное выяснение взаимосвязи подобного рода было труднейшим рубиконом, который нужно было перешагнуть значительной части населения Урала.

Здесь уместно вспомнить о том, что именно в эти годы была торжественно похоронена на Урале старая злобная карга-безработица. Даже в лучшие времена подъема промышленности не так-то просто было попасть на завод, рудник, в шахту. Кланялись подношениями, денежной мздой тем, от кого зависело взять или не взять на работу. Теперь же только давай... И матери не нужно было вздыхать, куда-то и как-то устроится ее сын или дочь.

Впервые в истории появился свободный выбор профессии. Не по нужде, а по призванию, по своим наклонностям и способностям. Смерть безработицы и потребность в рабочих руках породили профессионально-техническое обучение. Этого не было на Урале. В старые годы одиночек обучал одиночка. И далеко не всегда передававший свой трудовой опыт был мягким и добрым наставником. Нередко, чтобы стать токарем или забойщиком, нужно было не бояться синяков и соленой брани. А теперь...

Теперь лучшие мастера и лучшие люди стали пре-

подавателями школ новых фабрично-заводских профессий. Разве это не счастье — без подношений и унижений получить мастерство, а потом в трепетных руках принести плачущей радостными слезами матери первую полочку.

И это было новым и неслыханным. И уже не было угрозы оказаться за воротами завода. Только работай добросовестно, и у тебя будет все, как и у всех.

Реконструкция уральской промышленности получила широкое признание во всех странах мира, но только потом, в годы Отечественной войны, стало понятно, какой далекий стратегический загляд заключала в себе индустриализация Урала. Урала, станового хребта обороны не по одному крылатому определению, но и по всем его данным и резервам производственных возможностей. От тяжелой промышленности с ее многосторонним машиностроением до швейных фабрик. От разбуженных недр до стальных коней нового крупного сельского хозяйства.

Приезжающий на Урал после долгой разлуки с ним приезжает в страну новых заводов и городов. Он воочию убеждается, каков этот становой хребет, к которому приросли многоотраслевые ребра значительной протяженности.

Это уже не «стальной шов», а широкая индустриальная полоса, измеряемая в поперечнике сотнями километров. Это великая индустриальная держава, безраздельно слитая со всей нашей землей, незаметно переходящая в Сибирь с одной стороны и еще менее заметно и различимо теряющая свое название с другой, западной, стороны.

Трудно четко очертить границы Урала, особенно индустриально-экономические. Да есть ли они вооб-

ще внутри нашего отечества! Если, к примеру говоря, взять Горьковский автомобильный завод или Харьковский тракторный, то мы увидим, что их границами вовсе не являются заводские ограды. Тракторы и автомобили создаются на множестве заводов, производящих электрооборудование, резиновые изделия, стекло, краску, ткани, пластические массы, и все эти заводы тоже, имея свои ограды, свою «суверенность», являются как бы цехами и Горьковского автомобильного завода и Харьковского тракторного.

Вот так же и Урал. Где бы ни была его граница, он тоже универсальнейший из цехов нашего социалистического народного хозяйства, и нет в стране завода, нет колхоза, нет даже квартиры, домашнего хозяйства, где бы хоть как-то не был представлен мой край. А он представлен не только металлом и производимым из него, но и множеством неперечислимостей и неперечислимым множеством.

Колоссальные станки, гигантские машины, шагающие экскаваторы, быстроходные автомобили, самые тонкие и самые толстые трубы, прокат от проволоки до балок — это одно. Но ведь возьмешь телефон или почтовый конверт, и на них значится город Пермь. Радиотовары, точные приборы, эмалированная посуда, железнодорожные вагоны, камская и вишерская бумага, удобрения, химикалии, моторы, суда, спортивный инвентарь, велосипеды, строительные материалы, чудесные превращения нефти и сама нефть, производные из дерева и само дерево... Редкие издания книг и большие тиражи учебников. Изделия из стекла... Я чувствую, что вам уже хочется остановить меня, и я бы это сделал, но не знаю на чем.

У В самом деле, на Урале даже своя обувь, свои фабрики одежды и своя галантерея. И все же предприятия, дающие металл и предприятия, превращающие его в машины, остаются сердцевиной этого станового хребта, опорного края нашей Родины.

Уральские мальчишки, как шутят у нас, в мартеновскую печь заглядывают до букваря. И я отлично помню, как труден и опасен был прокат металла в пруты, полосы или листы. Раскаленная болванка, катясь меж валами туда и сюда, становилась листом, рельсом. Рабочий «каталь» выхватывал клещами из прокатного стана раскаленную слепящую болванку и стремительно возвращал в промежуток другой пары валов, тянущей ее обратно. И так до тех пор, пока не будет достигнуто нужное по сортаменту проката изделие.

Прокатчикам в качестве специальной обуви выдавали лапти, потому что сапоги быстро сгорали. Прокат укорачивал жизнь рабочего. Высокая температура, огромная перенагрузка сердца и сам по себе изнуряющий физический труд. Помня картины проката, я с трудом мог поверить, что каторжная работа прокатчика может быть облегчена. И признаюсь, был поражен, побывав на Челябинском трубопрокатном заводе.

Металлические трубы всех сортов и сечений в наши дни получили такое широкое применение, что их общая протяженность уступает разве только электрическим проводам. Миссия металлических труб, как универсального «транспортёра» тел жидких и газообразных на любые расстояния беспримерна, очевидна, начиная от городских подземных коммуникаций и кончая многотысячекилометровыми газо- и нефтепроводам.

Урал — один из крупнейших поставщиков труб. И

трубные заводы здесь не менее значительны, чем машиностроительные. Это первоклассные заводы во всех отношениях.

Вот один из них — Челябинский.

Я видел, как стальная болванка почти без прикосновения рук рабочего отправляется в печь, нагреваясь там до свечения, перемещается на вагонетке к стану, превращающему ее в муфту, затем к другому стану, вытягивающему и выковывающему ее в трубу. В трубу, какие мы видим при прокладке газопроводов.

И кажется, все так просто. А между тем эта простота стоила многих усилий, находок, изобретений и, конечно, капиталовложений.

Только один фундамент под станами, производящими цельнокованные трубы, равен нескольким этажам дома.

Труба — сложнейшее из всех изделий проката. И коли ее куют и тянут автоматические кузнецы-станы при незначительном участии рук, можно предположить, что все остальное в сортаменте проката (лист, прут, полосы, балки, рельсы) нашло новую технологию своего появления на свет. Впрочем, зачем предполагать, когда можно увидеть.

Вот большой и довольно пустынный цех. Рабочих очень мало. Вдоль цеха протянулась длинная роликовая дорожка. Ее правильнее назвать роликовым транспортером и еще правильнее одним словом — рольганг. В центре находится прокатный стан с валками, меж которыми прокатывается раскаленная плита, курсируя по роликовой дорожке. И с каждым ее прохождением меж валками она, утончаясь, удлиняется, превращаясь постепенно в длинную тонкую полосу. И когда завершается прокат, она катится по

роликам транспортера в последний раз и также автоматически сматывается в кусок. Как ткань, как обои. А в это время поступает новая плита и так же совершает свои «прогулки», чтобы стать тонким листом. Прокатчик, рядом с которым в кабине сижу я, наблюдает за самопрокатывающейся полосой и в случае надобности корректирует при помощи приборов процесс превращения слитка в тонкую металлическую ленту.

Прокатчик теперь стал не при стане, а над ним. Кстати говоря, над ним не только в смысле командном, но и в прямом. Кабина управления, хочется сказать — рабочий кабинет, находится над станом. И бывший раб этого стана теперь повелевает им.

Эта немаловажная технико-технологическая подробность как бы уравнивает «тяжелые» и «легкие» индустриальные профессии.

Не далеко то время, когда нам придется выяснить, кого из работающих на подобных станах и производственных линиях следует относить к рабочему классу, а кого нельзя. И особенно трудно будет определить, если работающий, по анкетным данным, — специалист с высшим образованием, а по работе — прокатчик, управляющий автоматизированным прокатным станом. При дальнейшем совершенствовании машин и трудовых процессов может оказаться, что большинство работающих в цехах будет так называемым инженерно-техническим персоналом.

Где же рабочий класс, спросит демагог грядущих дней, да и не только грядущих...

Мы уже и сейчас «анкетно» обедняем количественно и качественно рабочий класс, уводя из него, по крайней мере статистически, тех инженеров и техни-

ков, которые непосредственно в цехе производят материальные ценности.

Рабочий класс преобразовал машины, а машины в свою очередь преобразуют его. Преобразуют так же неузнаваемо, как неузнаваемо преобразовал он их.

VI Отечественная война заставила искать и находить новейшие способы производства. И в годы войны создавалось такое, что потом в мирные послевоенные годы поражало и самих создателей.

Я помню, как уральские рабочие падали у станков и как, поднимаясь, снова становились к станку. Нам должно быть очень стыдно, что все еще мало монументальных произведений о героизме уральских рабочих в годы войны, гвардейцев тыла: мужчин, женщин и подростков.

Я помню, как в Тагиле за двадцать восемь дней поднялся огромный цех. По плану мирных лет, даже при ускоренном темпе строительства он требовал года работы. А тут, в нестроительный сезон, в ноябре, в год, когда еще не было современных сборных железобетонных конструкций, стремительно наращивая стены, днем и ночью рос цех. И пока он рос, внутри его уже велись монтажные работы.

В Челябинске строили еще быстрее. Не по вертикали, как обычно, с фундамента и до кровли, а по горизонтали. С торца до торца цеха. По отсекам. По звеньям.

Закончив первый отсек, где шел монтаж оборудования, возводили второй и начинали третий. И когда в этом третьем отсеке стены выводили под крышу, первый уже давал боевую продукцию фронту, а во

втором устанавливали станки. И так звено за звеном весь цех.

Отечественная война после реконструкции тридцатых годов заново переродила Урал. Не только уральскую промышленность, но и весь край, все его звенья и звеньшки.

Военные годы вполне можно назвать второй реконструкцией уральской промышленности. Удвоились, утроились и даже учетверились многие заводы. Здесь осели и возродились эвакуированные предприятия из краев, оккупированных тогда фашистскими ордами.

Появились отрасли промышленности, которых не было прежде на Урале. Война заставила в кратчайшее время возводить от фундамента до крыши сотни новых предприятий. Теперь, оглядываясь в недавнее, сомневаешься, проверяя по газетам тех лет,—так ли это было. Может быть, память преувеличенно запечатлела, как в таежной глухомани, близ месторождения редчайшего ископаемого строился необычный металлургический завод. Стены его цехов рубились из бревен, чтобы потом, когда будет время, им стать железобетонными. Невероятно: плавильные печи в деревянных цехах. Правда, эти печи были небольшими по объему, потому что в них выплавлялись драгоценнейшие стратегические руды, счет которых вели малыми весовыми единицами. Но все равно это был огневой металлургический завод. И этот небольшой завод значил так много в обороне страны.

На войну работали все предприятия. Нужно было не только вооружать, но и одевать армию. Урал изыскивал и находил дополнительные ресурсы там, где, кажется, их не могло быть. Примером этому может

служить подвиг Свердловской, Пермской и Челябинской областей.

В конце 1942 года все предприятия Урала работали особенно перенапряженно, каждому хотелось приблизить победу. Для этого нужно было как можно больше оружия, превосходящего количественно и качественно оружие неприятеля. Поэтому все, от академика до подручного слесаря, отдавали все свои силы победе над врагом.

Шла борьба не только за каждый танк или другую боевую машину, но и за каждую деталь. И кажется, уже наступал предел и больше чем производилось было невозможно сделать руками и станками.

И вот в это время у свердловских коммунистов родилась идея создания и вооружения особых уральских танковых частей сверх государственных заданий и фронтовых заказов.

Печать объявила о формировании Уральского танкового добровольческого корпуса, и в первые же дни в военкоматы поступило более 110 тысяч заявлений от добровольцев, желающих вступить в него. Десятки миллионов рублей собрали граждане уральских областей на создание своего корпуса. Началось военное обучение отобранных добровольцев. Скоростное военное обучение по двенадцати и более часов в сутки.

Весной 1943 года танковые бригады Свердловской, Челябинской, Пермской областей составили корпус. Корпусу были приданы мотострелковая бригада, авиационные и другие подразделения, предусмотренные структурой танкового соединения.

Проводы корпуса на фронт превратились в многолюдные демонстрации свердловчан, челябинцев, пер-

мяков. В торжественных и строгих народных наказах сынам Урала были такие слова:

«Родные наши сыны и братья, отцы и мужья!

Исстари повелось у нас на Урале: провожая на ратные дела своих сынов, уральцы давали им свой народный наказ. И никогда не отступали сыны Урала от наказа народа. Никогда не краснел и не стыдился Урал за дела своих сыновей. Никогда не позорили они русскую вековую славу».

Это из наказа челябинцев. Свердловчане напутствовали своих воинов так:

«Пусть на весь мир прогремит слава Уральского добровольческого танкового корпуса! И знайте, дорога назад к родным очагам, к вашим женам, детям и друзьям лежит только через полную победу».

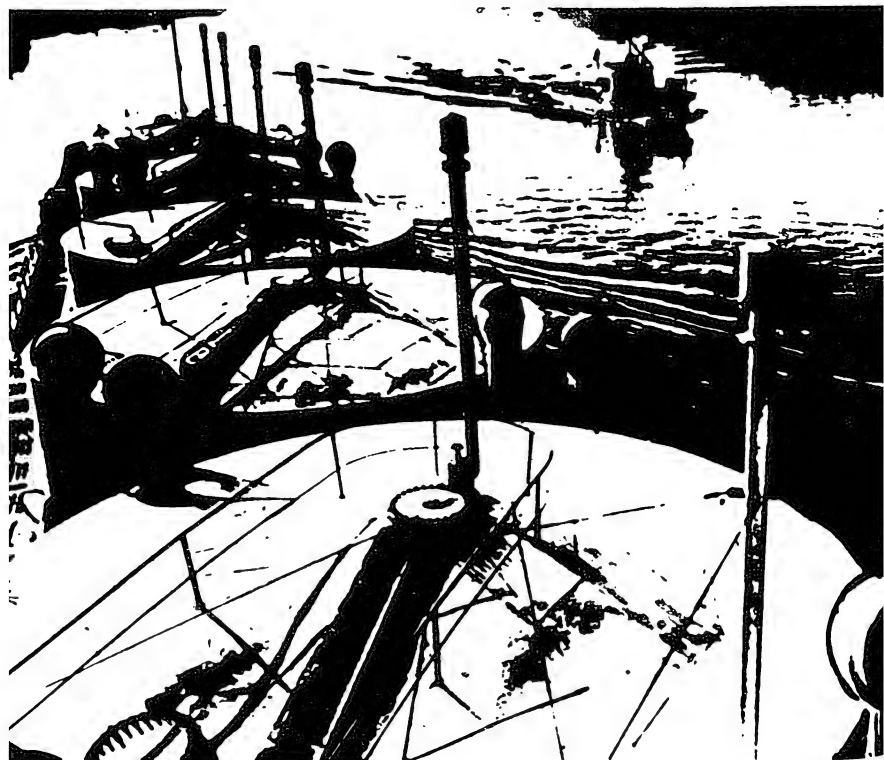
И танкисты ответили клятвой вернуться на родной Урал со знаменем славы. И они были верны своей клятве. Это громадное воинское соединение стало легендарным, пройдя победоносный пятитысячекилометровый путь от Орловско-Курской дуги до Берлина и Праги. Боевое знамя корпуса украсили тремя боевыми орденами. Свыше чем сорока тысячами орденов награждены уральские гвардейцы-танкисты. Тридцать восемь человек удостоены Золотой Звезды Героя Советского Союза. Дважды удостоен этого звания командир Челябинской танковой бригады и впоследствии командир корпуса М. Г. Фомичев.

Слава корпуса неувядаема в веках и сердцах народа. Это великая заслуга Урала. Заслуга наиболее очевидная и известная. Но есть заслуги и безымянные. На танках не пишут, где и на каком заводе он сделан. Даже наоборот, скрывают это от слишком любопытных глаз. Никто не скажет, сколько тысяч танков

сделано на Урале, однако всем известно, что Урал дал фронту значительную часть танков.

А разве Урал давал только танки? Время придет, и будет названо, чего и сколько дали уральские заводы. Я не знаю этих цифр, но верю, что они заслуживают восхищения и глубокой благодарности.

ПЯТАЯ ТЕТРАДЬ

I Всякий край, всякая страна славятся своими богатствами, достижениями, редкостями. И это очень хорошо. Мне понятна гордость Голландии ее известнейшим сыром, изумительными тюльпанами, популярность которых общеизвестна. И если тюльпаны и сыр создают славу страны, то уж, конечно, золото, платина, самоцветы тоже заслуживают особого внимания. Правда, они не первостепенные достоинства Урала, но все же, как обойдешь это второстепенное.

Вот об этом-то второстепенном по удельному весу богатстве края я и попытаюсь рассказать так же выборочно, субъективно, как и до сих пор. Так, впрочем, делает всякий пишущий о виденном или, на худой конец, слышанном, зная, что вино можно оценить по глотку, вкус арбуза по куску, а многообразное целое, по тому малому и характерному, что, на взгляд автора, кажется наиболее выразительным.

Приехав в Свердловск на несколько дней, я узнал, что там живет и работает друг моей юности Таша Макарова. Теперь она, став Татьяной Аркадьевной, заведовала школой-интернатом глухонемых детей. Кончив специальное высшее учебное заведение, она нашла свою счастливую профессию, которая делала счастливыми других. Я помчался на окраину города, где находилась эта школа.

В школе меня встретила не очень приветливая сто-

рожиха, выяснив, кто я и зачем приехал, она сказала:

— Татьяна Аркадьевна моют с ребятами золото, так что придется обождать. Они не любят, когда их травмируют.

Далее я узнал, что школьники решили пополнить свою библиотеку новинками и наметили это сделать при посредничестве добытого ими золота.

Огорчившись, я все же решил не возвращаться. Не за тридевять же земель находятся их золотиносные копи. Впрочем, они могли уехать и на поезде. И я принялся выпрашивать сторожиху, как добраться до тех мест, где они работают.

Сторожиха, помолчав, неохотно ответила:

— Добираться вам никуда не надо. Скоро обед. И как только я позвоню в колоколец, они явятся. Садитесь пока на скамеечку.

Чтобы не затягивать рассказа и развязать его в этом же абзаце, скажу, что золотиносный прииск находился рядом, за надворными постройками школы. И этот прииск имел второе, куда более знакомое название — школьный огород, почва гряд которого перед посадкой должна была пройти через бутару.

Бутара — это простейшее старательское золотиноспромывочное сооружение. В нее-то школьники и насыпали лопатами огородную землю и, таская ведрами из колодца воду, вымывали ею крупицы золота, которые, будучи тяжелее воды, оседали в бутаре.

Почва огорода была не столь золотиносна, но, как сказала мне потом Таша, и не столь бедна. Школьная игра в золотиносдобычу помогла приобрести не только множество книг, но и лакомства для юных стахановцев.

Говоря об этой, можно сказать, «артельной» добы-

че золота на школьном огороде, нельзя упустить «старателей»-одиночек. Мне случилось видеть на берегу мелких уральских речушек женщин из круга далеко не старательского, вымывающих из речного песка золото способом куда более примитивным, нежели только что описанный. ~

Одна из таких добытчиц в легком платье и элегантной соломенной шляпке, пристроившись на берегу, переливала из миски в миску песок и воду. В результате этой почти кухонной операции (так иногда промывают крупу для каши), на дне миски оставался золотой осадок.

— И как велика ваша удача? — спросил я тогда очаровательную старательницу.

Она весело поощебетала:

— Золотоискательство бывает и спортивным. Таким же, как ужение рыбы. Шубы, конечно, в этой речонке не намоешь, а так кое-что в порядке отдыха... Впрочем, — сказала она так же весело, — случаются и сюрпризы.

Она права. Сюрпризы встречаются.

В Свердловске рыли котлован для фундамента. У землекопа лопата наткнулась на какое-то препятствие. Он ругнулся, полагая, что это камень, вырыл его. Камень оказался самородком золота. Мне называли его солидный вес, размеры, но это не запомнилось.

На Урале золотой «фарт» не редок. Правда, нередко там и старательские небылицы. Но все же ищущий всегда находит золото. Ему посвящено достаточно страниц видных писателей и просто ловцов литературных удач. И я хотел когда-то написать рассказ «Золотое поле», в котором юные уральские следопыты прознали, как некий хищник и скрытник золота в 1919 году

рассыпал по пашне не один пуд золотого песка и переборонил землю, надеясь, что в лучшие для него времена он перемоет свои десятины и вернет до крупинки хитро спрятанное богатство. И конечно, сметливые мальчишки, долго, сложно и настойчиво преодолевая препятствия, на радость читателю находят золотое поле.

Мне эта история показалась художественно неправдоподобной, хотя к такому способу прибегали многие «золотые кулаки». И такие золотые поля есть, очевидно, и теперь, как и тайные ямы с кладами.

II Старатель — добытчик золота — фигура теперь уходящая и даже, пожалуй, ушедшая, если не считать старательских артелей. Одну такую артель я знал близко, и по ней, мне думается, можно судить и об остальных меньших или больших.

В годы войны я познакомился с поселившимся на Урале веселым, жизнерадостным татаринцем Минахметом Ахметзяновым. Рабочий-булочник и не думал, что ему придется добывать золото. Минахмет встретил здесь соплеменника, который ему показал, как близко лежит золото, и Минахмет стал на путь удач и разочарований. Но земля вскоре оказалась доброй к нему. Он нашел золотую жилу. Рыть шахту вдвоем — безнадежное дело. Появилось еще шесть человек. И возникла артель. Дело пошло хорошо. В артель пришли новые старатели-одиночки, одержимые искатели-неудачники и просто желающие попытать счастье. Артель выросла до семидесяти человек.

Кайло, лопата, конная тяга, ручной варварский ворот над стволом шахты не удовлетворили добытчи-

ков. Решено было механизировать шахту. Государство помогло.

— У нас теперь своя электрическая железная дорога,— добродушно похвалялся Минахмет и показал мне электровоз, собранный из частей машин всех фирм мира.

Затем была показана обогатительная фабрика, пневматические перфораторы и все, чем гордился бессменный председатель артели.

В минувшую войну Минахмет Ахметзянов отдал на построение самолета два килограмма золота.

Какой же план добычи артели? Мне была названа цифра в пудах. Я переспросил, где надо. Не преувеличивают ли?

— Да что вы,— заверили меня.— Прибедняются.

И если добыча артели измеряется пудами, то можно представить, в каких цифрах выглядит добыча государственных предприятий. Одно только «вылавливание» золота как спутника меди дает поразительные результаты, будто это не редкий благородный металл, а свинец или олово.

Шахта ахметзяновской артели хотя и внушает уважение, но все же она миниатюра по сравнению с государственными шахтами. Например, если взять Березовский золотой рудник имени Кирова и назвать только протяженность горных выработок, составляющих семьдесят километров, то не трудно представить, какой это подземный город с улицами, переулками, тупиками, гротами, камерами...

Сюда же приплюсуйте электрическое освещение, вентиляцию, водоснабжение и водооткачку, подземный транспорт, машины для проходки, дробления, погрузки, очистки забоев, и мы увидим большое подзем-

ное механизированное предприятие по добыче золота. И таких разрабатываемых месторождений довольно много. От юга Урала до его северных широт найдены жилы и россыпи этого 79-го элемента знаменитой таблицы Менделеева.

Золота на Урале добыто много, и нужно думать, что его добудут еще больше. Современникам всегда кажется, что ими почти все найдено и разведано. После них потомки находят еще больше. Сколько раз на моей памяти запасы какого-либо ископаемого определяли в цифрах, к которым потом прибавляли нули!

III Какими бы тоннами ни измерялась добыча золота, все же этот рыжий властелин мировых бирж уступает первое место менее эффективной, но не менее ценной землячке. У нее особая и весьма своеобразная судьба.

Не так уж давно, на памяти наших дедов, на восточном склоне Среднего Урала нашли подозрительное серебро. Оно выглядело хуже настоящего серебра. Оценивалось оно совсем недорого, но добывать его и кормиться этой добычей было можно. Что ни говори, не охра какая-нибудь, не мрамор, который другой раз и на мостовую не берут, предпочитая булыгу.

Так трудились, старались, добывали новое серебро, а потом — бац! — прелюбопытнейшее известие: оказывается, это второсортное серебро ценится дороже золота и впредь должно именоваться платиной.

Началась бешеная скупка, перекупка, продажа и перепродажа платины. Одни верят, другие трусят, боятся надувательства. Бывало и такое. А вдруг хотят подсидеть и обанкротить скупщиков. Бум!

Долго ли он длился, много ли, мало ли нажили перекупщики, пусть останется для другого автора. Кто-то когда-то воспользуется этим острым сюжетом. А в нашей книге мы скажем, что в XIX веке в двух платиноносных районах Урала, а именно в Висимском и Исовском, стали добывать от 94 до 96 процентов всей мировой добычи платины. То есть из каждых ста пудов платины в названных районах добывалось 94—96 пудов, а во всех остальных краях и странах мира только 4 или 6 пудов.

Мы же добавим к этому: если б на Урале добывалась в таком количестве только одна платина, то и ее было бы достаточно для всемирной славы моего родного края.

Мне доводилось видеть дневную добычу одной драги, и даже от этого количества исчезает почтение к родовитому металлу. Я был не раз свидетелем того, как платиновый улов запросто выгребают из чрева драги и заполняют им плотные, двойного или даже тройного тканья мешочки, опломбировав их, пишут вес, номер и все положенное, а затем грузят в вагон и отправляют по назначению без всякого почтения. Как будто в этом мешке заключены не десятки школ, не сотни автомобилей, станков, а бобы какао или зерна кофе.

Впоследствии я привык к этому. И теперь, когда мне показывают платиновое ювелирное изделие, скажем, колечко или часы, которыми гордятся их обладатели, не забывая сказать с придыханием — «это платина», — меня разбирает смех.

Живущий среди банановых рощ, вероятно, никак не может принять всерьез, что где-то бананы подают к столу как десерт. Поэтому, наверно, кроме коронок

на зубах, у меня не было и теперь уже не будет золотых вещичек. Разве что перо с золотым наконечником, но, говорят, ирридиевый долговечнее. Ирридия на Урале, кстати говоря, тоже хватит для наконечников всех «самописок», какие только есть и будут на земном шаре.

Теперь несколько слов о способе добычи платины на Урале.

Мы спускались по отлогой горушечке, поросшей молодым пушистым сосняком. Тропа вывела нас к воде. Озеро не озеро, пруд не пруд. Лето, а деревья по пояс в воде, как весной.

На бирюзовой водной глади еле заметно двигалось довольно большое судно, напоминающее землечерпалку, какие работают на реках по прочистке фарватера.

Это была драга, о которой я столько слышал, а увидеть довелось ее впервые. Она, как и землечерпалка, скрежеща большими стальными ковшами, укрепленными на бесконечной ленте, вгрызалась в каменистое дно.

На лодке нас доставили на драгу. Чисто, как на хорошем пассажирском пароходе. Надпалубное застекленное помещение очень напоминает дачную веранду. Много света, хороший обзор. В кресле восседает управляющий движением ковшей, направлением по водной поверхности драги, пуском, остановкой и всей ее работой.

Драга, добывающая драгоценные платиновые крупинки, чешуйки, а иногда и маленькие самородки, отличается от землечерпалки тем, что добытый со дна грунт не сгружают в шаланды, а пропускают через ее нутро. Грунт проходит, мельчится и промывается

сокрушительными струями воды, бьющими под немалым давлением. И происходит то же, что в бутаре, только в огромных масштабах. Пустая порода вымывается за корму, а платиновые крупы остаются в чреве драги. Драга обычно перемывает золотоносное дно рек, озер. В данном случае она плавала и вела добычу платины на искусственно залитом водой плато.

Это вызвано тем, что добывать платину экскаваторами, доставлять вынутый грунт автомобилями-самосвалами на промывку стоит значительно дороже, нежели образовать искусственное озеро. По нему легко передвигается плавающий многоковшовый экскаватор, оно дает и сохраняет промывочную воду и, наконец, исключает трудоемкое перемещение грунта.

Смена, работающая на драге, куда меньшая, чем штаты иных учреждений, добывает за свой рабочий день ценности, которые в переводе на франки, фунты, иены, туманы, доллары, могли бы покрыть годовые бюджеты некоторых городов.

Платина → это, как сказал бы Козьма Прутков, если бы он побывал на драге, — не нечто, а значительно большее...

IV Если вы устали от благородных металлов, нам никто не мешает перейти в волшебный мир камня, в сверкающее и таинственное царство Хозяйки Медной горы. Однако заранее предупреждаю, что мне не под силу, да и под силу ли кому-то описать несчетную, несметную, неперечисляемую затейливость красок, расцветок, росписи уральских камней. Алмаз и александрит, меняющий окраску в разные часы суток, топазы и аквамарины, орлецы, яшмы и мраморы. Все

они — цветы уральских недр. И кто знает, какие из них прекраснее. Те ли, что стоят дорого, или те, что почти не стоят ничего, как полевые цветы, а завораживают вас так, что будто и впрямь в их изумительной росписи есть что-то волшебное.

Рисунков одних только яшм хватило бы на многостраничный альбом. Я не видел двух одинаковых росписей яшмы. И если малахит всегда чем-то схож меж собой и его можно подразделить на считанные комбинации узоров, то яшма в этом отношении — бесконечность. Она предстает то пылающим закатом, то взволнованным небом, то праздником красок смешанного леса в дни бабьего лета или вдруг дохнет северным пейзажем уральских гор.

Конечно, камень нужно не смотреть, а рассматривать, как и срезы древесных пород, которые тоже достаточно прелестны. Недаром же находились и находятся люди, мистифицирующие камень, наделяя его чудесными свойствами. Лечебными. Любовными. Злыми и добрыми чарами. Они уверяли, что камни могут приносить радость и несчастье, успех и неудачу, слезы и смех...

Для меня камень — чудо природы, и мне почему-то никогда не хочется объяснять, какие геологические трансформации породили его и какие химические процессы окрасили.

Мое первое близкое знакомство с камнем началось на полотне железной дороги. «Подушка», на которой покоятся шпалы, а затем рельсы, как вы, наверное, знаете, состоит из балласта, легко пропускающего влагу. В каждом краю свой балласт. На Урале это неразобранная и непронумерованная коллекция камней. И мне потребовалось немного времени, чтобы вы-

полнить школьное задание и собрать, а затем назвать собранные камни.

Природа Урала во времена ее геологической юности не отличалась последовательностью в распределении своих даров. Ей скорее были свойственны взбалмошность и сумасбродство, которые потом наделали много хлопот исследователям, ищущим объяснения, почему драгоценные камни оказались скопом, чуть ли не навалом на небольших пространствах. Например, в Ильменских горах или на сравнительно небольшой площади, получившей теперь всемирную известность под названием Мурзинского месторождения.

Встречаются драгоценные камни и в других местах Урала, но реже и не столь обильно, будто они второпях рассыпаны там и сям без всякой «геологической логики». Поэтому драгоценный камень на Урале можно найти в самых неожиданных местах.

А иногда вдруг открывается чуть ли не преднамеренное аккуратное захоронение камня, педантично закопанного по прямой. Например, полудрагоценный минерал берилл «похоронен» в довольно широкую «борозду», тянущуюся точно вдоль меридиана километров на двадцать пять.

Изумителен этот камень во всех отношениях. Внешне он похож на приплюснутые шестигранные карандаши разной толщины. Берилл таит в себе изумительное свойство. Расплавив его, можно получить легчайший из всех легких и твердейших из всех твердых металлов, названный по имени своей «руды» бериллий. Он, как алмаз, режет стекло. Одна часть бериллия, сплавленная с десятью частями другого металла, например алюминия, придает ему твердость

стали, а также позволяет сплаву очень долго не «уставать» в напряженной работе машин.

Приятен для глаза этот чудесный кристалл, окрашенный от туманно-белесого цвета до зеленого. По мере позеленения и увеличения прозрачности берилл меняет названия. Просто зеленый, слегка затуманенный берилл в просторечье называется зеленью, которая добывается многими килограммами как сырье для эмалей и вывозится в Индию, где она очень популярна. Прозрачно-зеленый берилл называют более знакомым именем — изумруд. Тут уж вес идет на караты. Изумруды цвета весенней травы, изумруды марочных сортов от «экстра» до третьей марки соперничают с бриллиантами. Правда, цена на них подымается и опускается в зависимости от моды. Но это уже область торговли. Наш интерес к бериллам попутно-мимоходный. Мы привели их на наши страницы как типичный пример залегания драгоценных камней по сортам.

Небезынтересны в этом отношении и другие специализированные кладовые. Вот одна из них.

У Искательство на Урале чуть ли не наследственная черта старожилов. Оно имеет под собой почву. Почву в прямом смысле. Здесь поиск всегда вознаграждается, хотя и чаще всего находят вовсе не то, что ищут. Но все равно радость открытия вознаграждает за труды.

Почти все выдающиеся открытия подземных тайников были делом случая. То пашню пахал — платину выпахал. То курицу прирезал, а в ее желудке золотые крупички обнаружил. Или корчуют пни, ворошат ло-

гово зверя, а там редкие камни. Да и теперь, во времена большого расцвета геологической науки, случайность тоже не редкость. Потому что эта случайность находок не случайна, а закономерна. На Урале едва ли есть гектар, перекопав который можно ухитриться ничего не найти.

Мы понимаем, что находка находке рознь. И дело даже не в самой находке, а в умении оценить ее, задуматься над ней. Можно и дорогой минерал не заметить. А можно и не раз виденное многими разглядеть заново.

Таким, мне кажется, было лет двести пятьдесят тому назад открытие подъяремного демидовского мужик Согры. Он, как гласит предание, расположившись отдохнуть на горушке Шелковой, заметил выход на поверхность золотистого камня. От нечего делать Согра отковырнул малую толику и увидел, что этот рыхлый, с золотистым отблеском камень, похожий на кусок белесого переваренного мяса, легко распадается на нити. Разглядев одну такую нить и размяв ее, Согра обнаружил белое волокно. Тоже не диво. Мало ли всякого волокна вокруг, начиная от тополиного пуха и кончая льняным. Но Согра задумался: всякое волокно дает растение или животное. А тут гора. Камень. И если это каменное волокно, лежа в горе, не гниет, не преет, так, может быть, оно и не горит. Проверить не долго. Прядь в огонь, и вся проверка.

Волокно не боялось огня. Это уже чудо. Это уже серьезное открытие.

Так это было или нет, никто не знает. Но принципиально это было так, а в каких вариациях, не важно. Если бы волокно не показалось Согре редкостным, то зачем бы он пошел с ним к Демидову. Кур смешить?

Рисковать быть выпоротым за беспокойство по пустякам властителя земель и заводов.

Демидов стал владельцем нового клада уральской земли. Будучи человеком предприимчивым и не лишенным юмора, он приказал спрясть из каменного льна нитки, а из ниток соткать скатерть. Что и было сделано.

Сотканная на Урале скатерть вскоре была преподнесена царю Петру. Подарок, посланный на пиршественный царский стол, Демидов залил вином и жиром. Деланно огорчась, он продолжил представление по задуманному еще в Тагиле сценарию. Скатерть была брошена в пылающий камин, а затем, «выстиранная» огнем, лишившись и признаков пятен, снова оказалась на столе.

Правда это или нет, тоже не существенно. Иногда яркий вымысел бывает правдивее правды. Короче говоря, каменный лен не мог найти применения и до конца XIX века служил для забав и фокусов. А с конца XIX столетия карьера этой горной кудельки началась так головокружительно, что оставалось только разевать рты и разводить руками.

И это понятно. Появились паровые, а затем тепловые двигатели. Теплотехника требовала надежной изоляции. Горный лен, названный асбестом, оказался незаменимым материалом, получившим сотни применений. Спрос на него возрастал с каждым годом. Вскоре оказалось, что Урал — главный поставщик асбеста, что его здесь больше, чем где-либо. И опять старый рефрен...

Если бы на Урале был только асбест и больше ничего, то в этом случае... и так далее...

Теперь вырос огромный город Асбест, на базе, как

принято говорить в деловых докладах, ископаемого того же названия.

И вот мы ходим по котловану карьера ночью. Не то что страшновато, а не очень уютно при свете луны, мертвенно озаряющей уступы карьера. Кажется, что асбестовые слои светятся сами по себе, а не отражают свет луны. Тишина. Небольшие электровозы спят. Горное оборудование замерло на ночь. Ходишь и думаешь о Согре, которого одни называют Фомой, другие Софроном. Даже не сберегли имя. Я уже не говорю о памятнике, обелиске или хотя бы колонне с его именем на центральной улице города. Ведь он, Сogra, предтеча всего, что связано с асбестом. А связана заметная отрасль промышленности, превращающая асбест в изделия. Их тысячи. Начиная с асбофанеры или шифера, этого самого распространенного кровельного листа, огнестойких тканей, труб специального назначения, множества жароупорных прокладок в двигателях, без которых нельзя представить двигателя. Асбест и в быту. В электроприборах. Если бы можно было попросить асбест: отзовись, подай голос! Я думаю, что на планете послышался бы канонадно-шумный отклик.

На Урале теперь несколько месторождений высококачественного асбеста. Из них главные: Баженовское, Красноуральское, Алапаевское, Сысертское.

Сogra, как бы его ни звали, обессмертил себя асбестом. И мне кажется, что любить свой край большой и глубокой осознанной любовью нельзя без уважения до нас живущих людей, подобных Согре. Как и реки без истока, я не представляю без них полноводие нашего времени. Не уважать истоки, зна-

чит, ничего не уважать. И себя, и свое достоинство тоже.

И теперь, заканчивая эту асбестовую главу, я невольно вспоминаю о другом, воронежском «Согре», о Бокареве. Его имени тоже не сохранили потомки. Только фамилию, а ведь он из желтоголового вертлявого цветка, вывезенного из-за моря барами для садов, впервые выжал подсолнечное масло и подарил его миру. Наверно, тоже можно было бы в слободе Алексеевке высечь хотя бы мемориальную доску в честь земляка, фамилия которого вошла в энциклопедии.

Это к слову и в блокнот благодарным потомкам.

VI Каждая новая глава создает новый прецедент.

Рассказал об асбесте, рассказывая и о другом месторождении с мировым именем и мирового значения, например о верхнекамском подземном царстве калийных солей, по уникальности ничуть не уступающих любому из нерудных ископаемых Урала. Калийная соль — это хлеб, а хлеб — скот, а скот — мясо, молоко, масло и все прочее...

Начал о металле, как можно пройти мимо меди, марганца, алюминия, свинца, олова, хрома, никеля, серебра, титана, кобальта, ванадия, вольфрама, цинка, иридия и ста других металлических, неметаллических сопутствующих и соседствующих базальтовых, тальковых, известняковых и других именитых выходовцев из недр, пришельцев знатных, разных, но полезных, достойных внимания и популяризации, хотя бы перечислительно, как это делается в некоторых докладах, когда докладчик стремится как можно

больше назвать имен и этим самым избежать нареканий.

И я, не желая, попадаю в положение человека, решившего собрать на дружескую встречу всех своих знакомых и пришедшего в ужас от своей затеи, потому что и половина гостей даже стоя не уместится не только во всех комнатах его новой квартиры, но и в соседних, пока еще не заселенных.

Площадь моей книги, как вы знаете, не беспрельна, и я покорнейше прошу вас ограничиться тем обществом моих знакомых, которых я сумел пригласить на эти страницы.

А сейчас нам предоставляется возможность отправиться в гости к одной сравнительно молодой и очень важной, страшно богатой особе, величие которой вполне обоснованно звучит как величество.

* * *

Я много раз слышал страшные сказки об огненной воде. Эта огненная вода, естественно, была черна, как черны сами черти, потому что она не от бога, а от самого сатаны из преисподней.

Был нефтяной эпос и мягче. Говорилось о гномах, которые хотят и еще не могут дать пермской земле нефть. Но все равно рано или поздно гномы пророкут выход для нефти, и тогда сколько хочешь, столько и зажигай керосиновых ламп. И билеты на пароходы будут куда дешевле. Нефть заменит дрова, и ее не нужно будет привозить из далекого Баку в вагонах-цистернах.

Были и более обнадеживающие сведения. Говорили, что под Уфой еще в прошлом веке нашли нефть, да не сумели наладить добычу. Этому не очень вери-

ли. Если бы нашли, так докопались бы... В Баку докапываются.

Мы, мальчишки, тоже искали нефть и «находили» ее, проходя с грибными корзинками через болото. Нас останавливало каждое радужное пятно... Может быть, Кама в разлив занесла его. Может быть, утка принесла на крыле или охотники разводили керосином костер... Эти предположения нас не устраивали. Нам казалось, что нефть проступает через тонкие и глубокие щели земли.

Поиграв в поиски нефти, мы забыли о ней. И вдруг...

Вдруг сенсация. Рукоплескания. Пермскую газету «Звезда» рвут из рук. В чусовских городках под Пермью найдена первая нефть. Эта находка радовала всех, и тех, кто ничему не удивлялся.

Я помню, какие восторженные оды и оратории писал я для пермских театрализованных газет того времени в честь нефти. Однако вскоре оказалось, что оди славословий чусовской нефти значительно больше, чем ее самой. Хотя нефть чусовских городков и была высокой летучести, богатая всяческими фракциями, чрезвычайно пригодная как сырье для парфюмерии, все же о ней стали говорить глуше и тише. А я, переселившись в Москву, как-то перестал интересоваться нефтью, а если и вспоминал, то с обидой на обманутые надежды. А потом хлынула нефть там, где ее и не искали.

Конец Бора, так называлась пристань, где останавливались далеко не все пароходы. Это берег и лес, о которых можно отзываться только восторженно. Не эти ли места вдохновляли великого лесописца Шишкина? Здесь мы бегали, упиваясь ароматами хвои, ягод, трав и просто самой земли.

Хорошо было встречать пароходы и провожать те,

что проходят мимо. Мы махали руками, но с пароходов не отвечали. Да и просто некому было отвечать. Пассажиры сидели по каютам или читали на палубе. Им не на что было смотреть. Лес и лес. Мало ли его по берегам Камы. Тогда никому не приходило в голову, что через несколько десятилетий пароход будет крениться в сторону этого берега, потому что неподалеку отсюда будет город Краснокамск и Краснокамский бумажный комбинат. Гималаи бревен. Внушительные корпуса, где рождается бумага. Причалы, суда и...

И лес нефтяных вышек. Это неожиданно для всякого нового глаза. Городская улица и вышка, или «качалка», сосущая из недр нефть. Вышки на территории бумажного комбината? В чем дело?

А дело обстояло очень просто. Когда строительство Камского бумажного комбината близилось к концу, выяснилось, что при всем многоводии Камы нужна питьевая вода. Принялись бурить скважину. Бурили ее бурили и вместо ожидаемой воды выбурили нефть.

Радость? Скорее испуг. Дело в том, что на Урале, до того как что-то строить, обязаны досконально разведать недра, чтобы не возвести город или завод на золоте или хотя бы на угле. Такое бывало. И золотом попуститься невозможно, невозможно и город оставлять в зоне обрушения и оседания подземных выработок.

Кончилось тем, чем всегда кончается — торжеством победителей, которых обычно не судят.

Пермь получила не какое-то подземное озерцо нефти типа Чусовского, а перспективное месторождение длительного звучания.

И вот я снова на знакомом и неузнаваемом берегу.

Вот он, какой конец Бора, ставший теперь началом бумажной ленты длиной в много миллионов километров, которая потом превратится в громаднейшие тиражи книг, газет, журналов, учебников и школьных тетрадей.

Так вот ты каков, мой великий земляк Камский бумажный комбинат, одевающий драгоценнейшим листом, даже не скажешь какое множество городов, издательств, редакций. И сразу же в святое святых, туда, где еловое бревно превращается в бумагу, увековечивающую и величайшие творения и преходящую надобность, тоже отпечатанную в типографиях.

Описание производственных процессов мне всегда казалось интересным для читателя. Жизнь показала, что я несколько переоценил этот вид литературы, по крайней мере в той части, которая имела отношение к моему перу. Но и Карл Маркс восхищался бумагоделательной машиной. Она и в его не сверхиндустриальные времена была прообразом автоматического потока, на котором тонковолокнистая деревянная каша постепенно, без прикосновения рук человека превращается в плотный, звонкий и теплый бумажный лист-ленту, сматываемую на рулон-роль внушительной ширины.

VII Бумага ворвалась в главу о нефти так же неожиданно, как нефть ворвалась на Краснокамский бумажный комбинат и в город Краснокамск.

Краснокамск — новый город, родившийся вместе с бумажным комбинатом. Рождаясь сразу городом, он не проходил стадий своих старших собратьев, начинавшихся с поселка, потом ширясь, ломаясь, перестраиваясь и постепенно, годами, десятилетиями, а то

и веками становившихся городом. Краснокамск подымался сразу. Жилые дома, административные здания, школы, театр, библиотеки, скверы и все, что составляет современный город, росло, как (простите за упрощенное сравнение) растет семья груздей, этих дружных коллегияльных и уважаемых на Урале грибов. Кинематографисты-документалисты могли бы снять потрясающий фильм о росте новых советских городов на примере Краснокамска. Для этого лишь нужно было установить киносъёмочный аппарат на какой-то из вышек (а их тут тьма) и каждый день, в течение, скажем, года снимать по несколько кадров с одной и той же точки.

И мы бы увидели на экране, как выглядит строительный год. На наших глазах были бы вырыты котлованы, заложены фундаменты. На наших глазах подымались бы стены, рождались улицы, а вместе с ними и город. Но еще не поздно снять такой фильм. Города продолжают рождаться и становятся взрослыми куда скорее, чем наши дети.

Краснокамск — очаровательный город. Этому немало способствует хвойное окружение и, конечно, Кама, не похожая ни на одну из рек европейской части РСФСР. Серьезная река. Полноводная, величавая и, я бы сказал, горделивая, она чем-то отражает характер уральских женщин, а может быть, они повторяют собою свою реку.

«Крестные отцы» города хотя и не затруднили себя поиском для него имени, так же, как, впрочем, и другие, давшие названия городам: Красноуральск, Красновишерск, Краснокутск, Красноильск, Краснознаменск, Красносельск, Краснослободск, Краснотав, Краснотурганск, Краснотуринск и т. д. — все же не лишили этим

Краснокамск самобытной свежести и своего лица. В Краснокамске немало черт, общих для всех новорожденных городов. И главная из этих черт — молодость. И вполне естественно поэтому, что Краснокамск не избежал некоторых детских болезней, свойственных многим ускоренно рождающимся городам. Строители искали новое, хотели необычного. В городе, например, есть дома «аэропланы» с фюзеляжем, крыльями и всем присущим самолету, рассматриваемому сверху. Подобная архитектура может вызвать улыбку, тем более что это вполне пригодные для жилья дома, ничем не отличающиеся от домов, построенных в виде букв П, Г, Е, Н и даже просто тире. Но в своем подавляющем большинстве Краснокамск состоит из домов как домов, со всем комплексом удобств. Некоторые дома поставлены не параллельно к улицам, а углом к ним. Это я видел в Краснокамске впервые. А потом, спустя многие годы, в Москве на Юго-Западе и в других районах. Такая планировка преследует равномерность солнечного освещения для всех квартир.

Побывав в Краснокамске, мы как бы побываем во многих новых городах, в каждом из которых, разумеется, есть свои «аэропланы», но во всех главное — забота о жителях.

А если сюда приплюсовать хороший транспорт, то живущий в Краснокамске почти что живет в Перми. И Краснокамск, как, впрочем, и некоторые другие, как бы города-спутники, продолжившие с небольшим разрывом окраины широкой и длинной Перми.

Нефтяные вышки и «качалки», сосущие нефть на улицах города, наверно, свойственны только Краснокамску. Их так много и они так неожиданны, что удивляешься, почему нет «качалки» в партере городского

театра. Эти качалки с легкой руки Алексея Максимова Горького называют «богомолками». И впрямь, они похожи на кланяющихся щедрой уральской земле, вознаграждающей за каждый поклон хорошей порцией нефти.

Теперь, при наклонном бурении, стало возможным качать нефть из-под Камы. Впрочем, обильная нефть Краснокамска всего лишь преамбула многих разведанных и разведываемых скопищ этого, как его называют и как не хочется уже называть, «черного золота», которое при многократном употреблении девольвировалось как метафора, так же, как и термин «второе Баку».

— Этих вторых Баку,— сказал мне один школьник,— теперь до того много, что не знаешь, которое из них первое.

Так много самоцветных, сверкающих сотнями алмазных граней слов в русском языке, обогащенном лексическими корнями языков множества народов и народностей. Мне иногда кажется, что наш язык переобогащен, но мы (и я в том числе), так ограничено пользуемся им. Кроме «черного золота» да «второго Баку», мы не нашли лучших величальных слов при встрече с долгожданной, долгоспавшей, всемогущей смуглой чаровницей. Она впервые удивила нас, сгорая керосином в лампе без копоты и чада. Потом она, отдав свои легкие, наиболее летучие фракции, сделала самодвижущимся экипаж. Затем позволила взмыть в заоблачные выси громадным искусственным птицам. А теперь мы забываем, а иногда и не знаем об ее превращениях. Речь идет не о маслах, мылах, парафинах, вазелинах и прочем косметическом многообразии. Мы нередко носим нефть на своих плечах, обуваемся в нее,

выращиваем при ее помощи ранние цветы, ранние овощи. Ее многоликость воистину неперечислима в изделиях из пластических масс.

Был ли такой добрый и такой щедрый оборотень хоть в одной сказке мира. И только ли одним качалкам-«богомолкам» должно кланяться ее нарастающему пробуждению, может быть, не зазорно поклониться и нам, нами же разбуженной и поставленной на службу всем людям дочери наших недр.

Открытие Пермских и Башкирских месторождений нефти вскоре стало своеобразным прологом нескончаемой эпопеи.

Нефть Башкирии произвела, без преувеличения, коренной народнохозяйственный переворот в республике. Ей будут уделены особые главы, и в них мы увидим, что значила нефть в подъеме промышленности, культуры, жизненного уровня и всего, чем славна теперь Башкирия.

Это в Башкирии, где жили люди, где была промышленность, где была цивилизация. А вот...

А вот Тюменская область, ее северо-восточный край, край болот, озер и коварных топей, проходимый главным образом зимой, это не просто подземное море нефти, а — океан. Океан, еще неизмеренный до конца, как вширь, так и вглубь.

Мои друзья, живущие в рождающемся городе Нефтяганске, свидетели и участники открытий тюменской аномалии, говорят:

— Это такое богатство, что не можем поверить своим глазам.

И далее, рассказывая, они все время добавляют: «Но это лишь только частица» или «Это всего лишь начало».

В одной из только что вышедших книг тюменскую нефть называли «третьим Баку». Скромно и оригинально. Такого еще не было.

Это «третье Баку» таит в себе миллиарды тонн нефти и триллионы кубических метров газа. Первый Шаимский нефтяной фонтан давал до тысячи тонн нефти в сутки. Газопровод Игрим—Серов — это 10 миллиардов кубических метров газа Уралу ежегодно.

Старожилы шутят:

— В Тюменской области много воды, а нефти еще больше.

VIII Две пятых территории Тюменской области принадлежат воде, зато остальные три пятых — суша. Суша, превышающая по всей площади в полтора раза Францию и в три с небольшим раза Великобританию. Хотя эти сравнения и заезжены до изнеможения, все же они дают представление о тюменской земле, северный край которой находится за Полярным кругом, а юг на 55-й параллели. Так что здесь все зоны, от полярной до степной.

Мне посчастливилось повидать тюменскую землю и сохранить в памяти темные северные леса, сочные луга и хорошие пашни. Правда, не столь многочисленные, потому что слово «целина» здесь применимо куда более, чем к самой целине, которую мы подняли в Казахстане.

В небольшой компании людей любознательных и милых мне довелось совершить путешествие на фрегате о двух веслах без единой мачты и надпалубных надстроек, если не считать таковыми домотканый половик, который скорее принадлежал к средствам,

собирающим воду, нежели предохраняющим от нее. В разговорной речи наше судно называлось лодкой, под которой можно было спать трем пассажирам, без предоставления укрытия их ногам.

Стартовав в Тюмени, мы отплыли под флагом, сшитым из трех полос, из которых одна олицетворяла собою романтику, вторая жажду знать и третья — легкомыслие, без чего едва ли бы наш флаг полно выражал внутренний мир плывущих под ним.

Река Тура, как и все реки восточной стороны хребта, непоправимо ошибочно текла на север. Сразу же за Тюменью мы оказались в первозданной тишине и картинной смене красот берегов, изредка напоминавшей о населявших их; то стогами сена, то кольями с развешанными на них сетями, перевернутыми на берегу, а чаще привязанными к коряге лодками и редкими деревнями.

Тура судоходна. Пароходы мешали нам преувеличивать ее девственность. Зато стоило выйти на берег и сделать несколько десятков шагов, как мы чувствовали себя первооткрывателями, ступившими на землю, где осыпается никем не собираемая смородина, где грибы и не думают прятаться от глаз, а птица чувствует себя так, будто ее родиной был московский зоопарк и сюда она прибыла на дачный период. Утки и те подпускают лодку до того близко, что кажется, на них можно охотиться камнем, а подпустив, не улетают, а уплывают ускоренным аллюром, словно показывая этим свое безбоязненное небрежение к нашим персонам.

Тура отдает свои сравнительно ленивые воды Тоболу, впадающему в Иртыш и чем-то подражающему ему задолго до впадения.

Тобол мне показался пустынным, его берега сказочнее. Прошу извинения за злоупотребление этим словом. Там нас поразила лес без подлеска. Будто ухоженный парк. Он состоял из деревьев, похожих и на тополь и на осину. Лес как театральная декорация. Лес, просматриваемый и продуваемый. Его листва звонкая и говорливая, будто она вычеканена из какого-то зеленого металла. Это не тайга и не бор. Это скорее заповедник, возникший сам по себе. И нам кажется, что все это только видится после бессонной ночи. Лес манит вглубь, но нам немножечко жутковато заходить под его колдовскую сень. Дальние деревья выглядят еще толще, но и на береговой опушке они в обхват долгорукого человека. Наверно, это черные тополя, о которых мы так много слышали и впервые встретились с ними.

Как бы много я потерял, не побывав в этом уголке моего края.

Ближе к устью Тобола чаще встречаются татарские деревни. Татары различают несколько ветвей. Здесь, видимо, ветвь сибирских татар, прямых потомков тех, кто некогда полнил орду Кучума.

Меня всегда поражала чистота татарских жилищ, а здесь она доведена до клинической стерильности. Непривычно русскому человеку разуваться перед тем, как войти в избу. А здесь это происходит само собой.

Тобольские татары, как, впрочем, и казанские, немножечко замкнуты, но гостеприимны.

Женщины только делают вид, что они «белом» (не понимают) по-русски. Но стоит русскому показать свое расположение, находятся не только улыбки, но и слова.

В татарских семьях я всегда чувствую себя немножко татаринком. Это происходит, наверное, потому, что мы, уральцы, с татарами жили бок о бок в одних городах, на одних улицах, а иногда и того ближе. Не говоря по-татарски, я иногда понимаю, о чем идет речь. Это, наверно, происходит потому, что в детстве уральские дети познавали язык татар в игре. И теперь, если взять на поверку, то множество слов уральского обихода уходит корнями в татарский язык.

Татарская АССР находится за пределами Урала, а следовательно, и за полями этой книги. И мне не предоставится возможность рассказать о сынах этого братского народа особо. Поэтому я скажу об уральских татарах на этой странице.

Татария представлена на Урале многими селами, деревнями, улицами городов и поселков, которые в прошлом так и назывались — татарскими улицами. Татарская улица — частная принадлежность коренных заводов обоих склонов гор и Прикамья. Смешанные браки, особенно за последние полвека, совсем не редкость в наших местах. Сплошь и рядом можно встретить мальчика Ваню с лицом татарина или белокурую голубоглазую девочку, типичную северянку с татарским именем и татарской фамилией. Татарин на Урале не гость и не пришлый, а коренной житель многонационального края.

Поэтому в родном краю ты всюду дома. Разноязычие уральцев не мешает им оставаться сынами-братьями родного края, любовь к которому, общность труда, истории, борьбы и всей жизни сильнее национальных различий и традиций.

Простившись с добродушными хозяевами, мы на-

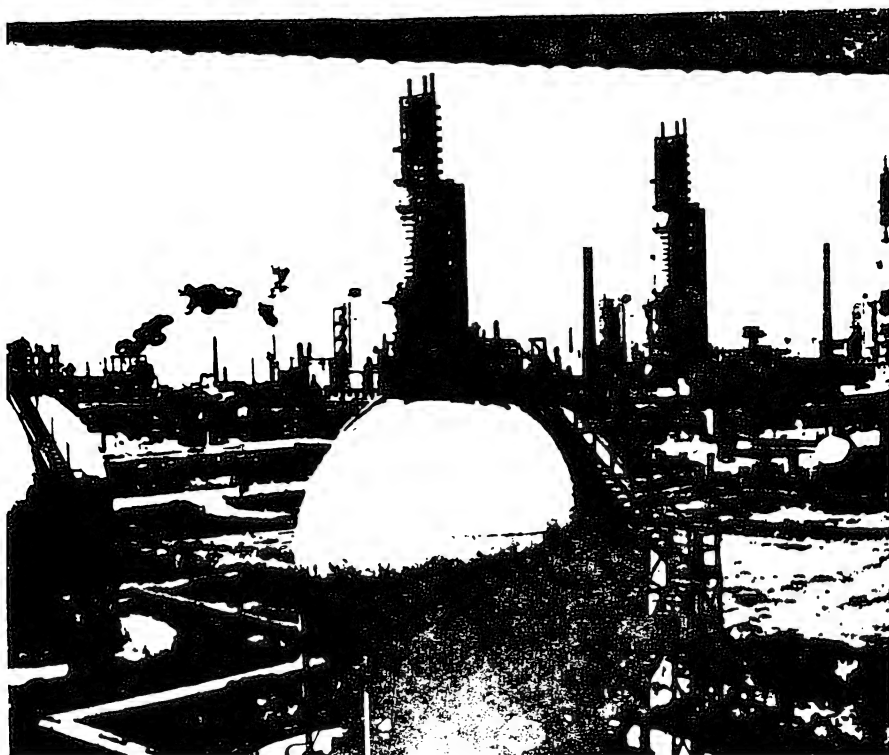
правляем наш ковчег к Тобольску. Здесь, в Прииртышье, Урал остался за кормой.

Тюменская область вправе по геолого-географической справедливости называть Урал своим отцом, а Сибирь — родимой матушкой, а себя — Урало-Сибирской областью. И мы уже в Сибири.

Вот здесь-то северо-восточнее Иртыша и распростерлась нефтеносная земля Тюменской области, через которую проходит граница Восточного Приуралья с Сибирью. А где она проходит, мне кажется, не скажут ни сибиряки и ни уральцы, и тем более я, даже приблизительно не сумею провести этой раздельной линии. И где бы, кто бы ни провел ее, от этого ничего не изменится. Однако где-то здесь мы должны остановить свое перо и не давать ему описывать в уральской книге принадлежащее сибирякам. Мы и без того расширили свои пределы вторжением в приобьские месторождения нефти и газа. Но это был всего лишь краткий поверхностный обзор энергетических и сырьевых истоков, питающих уральскую промышленность. Этого требовала сама справедливость. Это было выражением глубочайшей любви, уважения и больших надежд.

Урало-Сибирская Тюменская область пока еще в грядущем. И это грядущее не в веках, а в ближайших десятилетиях.

ШЕСТАЯ ТЕТРАДЬ

I Мне милы и родны все уголки Урала, и даже те, о которых я знаю только по книгам, фотографиям, кинофильмам. И как-то по-особенному мне дорога Башкирия, еще со времен заочного знакомства с ней. Она не может быть в обиде на литературу. Написанное только русскими, только известными писателями представляет собой фолианты, которые, кстати говоря, уже существуют в изданном виде под названием «Башкирия в русской литературе». И особенно много, как известно, писал о Башкирии Сергей Тимофеевич Аксаков, так воспевавший и самое обыкновенное, как охота, рыбная ловля, вода...

Река Белая до встречи с ней мне представлялась невестой в белом платье, в белой и тонкой вуали утреннего тумана. Она такая и есть. Белизна ее воды обращает внимание всякого, особенно при впадении ее в Каму.

Заочное литературное знакомство перешло в настоящее, большое, очное и тоже литературное. Как-то случилось так, что главными знакомыми в Башкирии оказались ее литераторы.

Башкиры для меня давно были россиянами, разговаривающими на другом языке, точнее — на двух языках, потому что русские жили, как я уже говорил, с башкирами и татарами не только рядом, но и вперемешку. Башкиры и удмурты поселились на Урале, что называется с незапамятных времен.

Жизнь башкирского народа в послепушкинские времена и до 1917 года почти не изменялась. Разве что увеличилась оседлость населения, да появилось несколько десятков школ, где на арабском языке преподавались азы корана и учили, как лучше молиться богу.

Татары в этом отношении намного опередили башкир, и Казань кое-что печатала для исповедующих ислам и живущих в разных краях Российской империи: в Средней Азии, в Киргизии, в нынешнем Казахстане. Но это были главным образом религиозные листовки, сфальцованные вчетверо, ввосемь, выглядевшие брошюрками.

Башкиры до революции не знали своей письменности, поэтому все, что относилось к литературе, либо пересказывалось и жило как устное творчество, либо печаталось по-арабски.

Нередко повествующие о Башкирии говорят, что она была известна только липовым медом, кумысом и резвыми конями. Так можно сказать и о Туле, что она была известна только самоварами да печатными пряниками, забывая о том, что кустарное производство самоваров, выпечка пряников, как и липовый мед и тем более кумыс, составляли незначительную долю жизнедеятельности. Кто может оспаривать, что по аромату, вкусу и всем другим качествам липовый башкирский мед не знает равных, как и кумыс, обязанный своими достоинствами разнотравью Башкирии.

До революции здесь выращивалось немало зерна, технических культур. Велись, пусть хищнические, но обширные лесоразработки, была, пусть отсталая, но своя промышленность, своя металлургия. Например, цветная металлургия началась с середины XVIII столетия и к середине XIX достигла заметных успехов. Так,

Белорецкий металлургический завод существует более двухсот лет. В Уфе к 1913 году действовало около сорока промышленных предприятий, на них хотя и работали всего лишь три с половиною тысячи человек, но по тем временам это немалый отряд рабочего класса.

Особенно была развита пищевая промышленность и, конечно, винокуренная. Где хлеб, там и водка. Другое дело, что все это было на низком, а иногда и сознательно низком уровне. Дешевые рабочие руки. Нежелание вкладывать капиталы в обновление предприятий. Зачем это все, когда без того текут миллионы в карманы наживщиков. А наживщиков было предостаточно. За бесценок скупаемые леса и земли пускали по миру одних и делали магнатами других. Документы рассказывают, как при содействии властей, особенно полиции, аферисты покупали землю по неслыханной цене. По восемь копеек за десятину.

Присоединение Башкирии к России было явлением прогрессивным, но колонизация Башкирии была чудовищной. Ее начало было положено еще в грозненские времена. Великий государь милостиво принял башкир в свое верноподданство, щедро наградив их принадлежавшей им же землей, и тут же обложил народ данью. Это еще можно было терпеть. Как-никак государственное устройство хотя, и плохонькое, требовало расходов на содержание государевых людей. А потом...

Потом башкир лишили всего и даже названия страны именем ее коренного населения. Отсюда и частые бунты, начиная с Пугачевских боев и кончая революционными годами, когда башкирская и русская беднота рука об руку добывали свободу для всех людей, свержая действительных врагов и русских и башкир.

II История Башкирии, как суверенной страны, как национального государства началась с провозглашения ее автономной республикой в 1919 году.

Возникла своеобразная небольшая «федерация» внутри РСФСР. На территории Башкирии живут русские, татары, украинцы, марийцы, мордва, удмурты... Более тридцати национальностей населяют нынешнюю Башкирию. И для всех, живущих в ней, были созданы самые благоприятные условия для всестороннего развития. А развитие нужно было воистину всестороннее. Я помню старую дореволюционную Башкирию. Невозможно представить, что произошло в Башкирии за эти считанные годы, из которых необходимо вычесть годы войн и разрухи.

Может быть, у меня глаза на сыром месте, но, приезжая в Башкирию, я волнуюсь до слез, когда встречаю докторов наук, известных певцов, прославленных писателей, крупных артистов, образованнейших общественных деятелей, архитекторов, композиторов, инженеров, исследователей, вышедших из среды тех, кого и не называли никакой средой, а просто какой-то безликой массой.

Видимо, одаренность народа, стремление к росту, к свету, к знаниям, копившиеся веками, вдруг прорвались как гигантская плотина неслыханной высоты, и до этого запертая, стоячая вода оказалась бурной, буйной, стремительной, сильной, кипящей, ликующей, сметающей все препятствовавшее ей.

Башкирский народ талантлив, трудолюбив и жизнедеятелен. И это правда. Правда, подтверждающаяся скачком, чуть ли не от общинно-родового уклада в социализм. Молниеносно. Ракетно. Невыразимо.

У каждого свои воспоминания, свои друзья. Был

у меня в Зауральских степях один дружок юности. Моего одноклассника звали Салтан. Спали мы с ним вместе на одной кошме, под одним одеялом, если им можно газовать дерюжную ватолу. Зимой ночи длинные, особенно, если керосиновая лампа пуста, а масляный жаровник чаден. Салтан меня просвещал по части электрификации. Откуда он узнал о ней, до сих пор не могу объяснить. Я, русский, хорошо грамотный парень, в тот 1921 год о ней услышал впервые. А он, не знавший ни буквы, мечтал об электрификации. Мечтал слишком упрощенно и смешновато, но в правильном направлении.

— Ты понимаешь, Шень,— шептал он под одеялом,— когда будет электрификация, все будет.

— А что все-то, Салтан? — спрашивал я.

— Свет гореть будет. Хлеб будет молотить электрификация. Лошадь запрягать.

— Какую лошадь, Салтан? Ты что?

— Да хоть нашу. Из пригона выведет электрификация Рыжку. Обуздает. Хомут наденет. В оглобли заведет коня электрификация. Дугу в гужи вставлять будет. Супонь затянет — раз-два. Чересседельник подтянет. Вожжи привяжет. В колокольчик позвонит. А ты выходи. Садись в кошевку. И только — айда, пошел, куда надо. Ай, как хорошо!

Как бы заливисто и радостно смеялся Владимир Ильич, если б ему рассказали об этих мечтаниях башкирского парня, нелепых по своей конкретности видения и очень дельных по прицельности.

...С тех пор прошло четыре с половиною десятка лет. Мы с Салтаном давно потеряли друг друга. Но мне всегда кажется, что этот башкирский парень теперь ходит в больших и уважаемых деятелях.

Не такими ли же Салтанами были тогда многие из моих башкирских друзей, приятелей и знакомых, когда они начинали свой путь в технику, науку, искусство, в большую государственность.

Только представьте, несколько десятилетий тому назад не было башкирской письменности, а теперь, скажем, произведения великолепного поэта и драматурга Мустая Карима переводят на двенадцать языков. И одного ли его. Плеяда башкирских поэтов, прозаиков, литературоведов. Могучая писательская организация Башкирии.

Такой успех, такое рождение доподлинной цивилизации народа нужно вписать в актив великих достижений моего уральского многонационального края, опорного края державы, по всем его делам, творениям и созданиям. А взлет Башкирии — лишь часть общего подъема Урала, правда, часть наиболее наглядная. Потому что там кривая роста культуры начиналась чуть ли не с нуля.

III Литераторов, артистов, художников, музыкантов называют чаще, чем тружеников других, не менее уважаемых профессий, в том числе ученых, докторов, кандидатов наук. Их, к слову сказать, в Башкирии более восьмисот. Столько их не было в недалеком прошлом во всей Российской империи. Все же, если говорить об интеллигенции Башкирии, то самым большим по численности будет отряд так называемой технической интеллигенции, и среди них нефтяников и химиков больше всех. И это понятно. Башкирия, став страной большой нефти, а затем большой химии, вырастила свои инженерно-технические кадры. Как я не

люблю употреблять это слово, но чем заменить его, когда оно почти не имеет синонимов.

Башкирская нефть, как и прикамская, как и татарская, как и все значительные месторождения, побывав в обязательном звании «второго Баку», теперь стала звучать без псевдонима, а сама по себе. Стоит только сказать Башкирия, как, не задумываясь, скажешь — нефть. Нефть стоит за названиями городов Ишимбай, Салават, Туймазы, Октябрьский, Нефтекамск, Учалы...

Каждая шестая тонна нефти, добытая в нашей стране, принадлежит Башкирии. Нефть построила и подняла республику. Оговоримся, не сама по себе нефть, а люди, нашедшие, добывающие ее и превращающие буквально в тысяча и одну самых неожиданных производных, встречаясь с которыми и не думаешь об их первоисточке.

Не спорим, что тюменская и башкирская нефть — это океан и море. Но разве бур разведчиков нефти в Башкирии сказал последнее слово? Кто знает, что находится глубже. И уж во всяком случае за Башкирией, как и за Татарией, пока остаются преимущества, ибо нефть там приручена, обстроена и обжита во всех отношениях.

У нас не будет возможности побывать на всех или даже на многих предприятиях по нефтепереработке, но достаточно и одного Салаватского нефтехимического комбината, на котором нам не хватило дня даже для очень беглого осмотра. Он, как и большинство подобных ему предприятий, «весь в себе». Точнее — в трубах и резервуарах. Здесь нельзя, как на металлообрабатывающем заводе или на текстильном предприятии, видеть превращение одного в другое, потому что это превращение скрыто от глаз.

Салаватский нефтехимический комбинат громаден и неразговорчив, как большинство аналогичных, ранее виденных мною заводов. Тут видишь только внешность оборудования да приборы, по которым специалисты узнают о происходящем в стальных венах и артериях этого могучего нефтеперерабатывающего организма.

Никогда я еще так не чувствовал своей ограниченности, как за воротами проходной Салаватского комбината. Вспомнился другой комбинат, где я тоже видел только трубы и котлы. Ясно одно, что на предприятиях этого рода рождаются все сорта бензина всех фракций, старый друг — керосин, минеральные масла, дизельное топливо, множество разновидностей минеральных масел, битум, мазут и различное сырье для нефтехимии и... кокс. Детище антрацита теперь стало детищем нефти.

Жаль, что кое-где не вся нефть перерабатывается, что ее остатки, ее хвосты вынуждены сгорать. Но, говорят, этим хвостам гореть не так долго, и они тоже пойдут в дело.

Прошу извинить за главу, дающую только общее представление о нефтеперерабатывающей промышленности, которая вбирает бурный нефтяной поток, и он, укрощаясь здесь, переходит в дельту из множества рукавов, питающих авиацию, автомобильный транспорт, дорожное строительство и предприятия химической промышленности, которые для меня остаются и по сей день научно обоснованным чародейством, впрочем, не всегда исчерпывающе понятным и самим чародеям-химикам.

Газ, родной или двоюродный брат нефти, появился из тьмы и молчания недр башкирской земли вместе со своей темнолицей кузиной. И я мог бы пересказать

свой старый «Сказ про газ», который здесь, как и везде, называют «жирным» и, конечно, «голубым» топливом. Как трудно сейчас стало находить новые слова для не столь уж старых даров земли. Газ, состоящий из таких компонентов, как этан, бутан, пропан и пентан, называют «жирным», или высококонцентрированным.

Как ни печально, но еще совсем недавно использовалось немногим более половины газа, остальной сгорал в факелах или бесполезно, вернее, очень бесполезно выпускался в атмосферу.

Повторилась безвыходность удачливого грибника без корзины. Но газ не грибы. Он требовал куда более сложной тары и транспортировки. Сделать газ достоянием промышленности можно было при наличии газосборных сетей, компрессорных станций и сложного комплекса сооружений для «упаковки» и переотправки этого летучего спутника нефти. Что потребовало средств, сил и времени.

Теперь газ получил достойные апартаменты и разветвленные пути следования для трансформаций до того неожиданных, что и он сам, если бы мог, не узнал себя, становясь то жидким, то твердым, становясь, как и нефть, тысячей и одним изделием многих отраслей промышленности и, конечно, в первую очередь — химической.

IV Не приуменьшая прошлое Уфимской губернии и не преувеличивая настоящее Башкирской АССР, только перечисление отраслей ее промышленности может вызвать уважение и восхищение. Злая зависть тех, чей образ жизни, так усердно рекламируя радио — голос различных тембров и звучаний, — теперь не мо-

жет противостоять достижениям народа, некогда обреченного на исчезновение, а ныне цветущего и преуспевающего.

Кто не верит, может проверить. Глаза не уши, их нельзя ввести в заблуждение.

Нефть, газ, химическая промышленность — это главные, но не единственные отрасли народного хозяйства Башкирии.

Своя черная металлургия. Своя угольная промышленность. Своя электроэнергетика. Промышленность строительных материалов. Машиностроение и металлообработка. То есть своя тяжелая индустрия.

Это не слова, а заводы, значащиеся на экономической карте республики.

Далее: цветная металлургия, лесная, деревообрабатывающая промышленность, стекольно-фарфоро-фаянсовая, ожерелье предприятий легкой и пищевой промышленности, сюда же прибавьте полиграфию, художественные промыслы, ковровые предприятия, керамические, предприятия, обслуживающие пчеловодство, и прочие, которые тоже в общем балансе имеют свой вес и свою цену.

И уж, конечно, сельское хозяйство в некогда аграрной губернии не уронило, а подняло свою репутацию. Зерна, по сравнению с благополучным и наиболее показательным для достижений прошлого 1913 годом, стало почти вдвое больше. Удесатерилось выращивание картофеля. Почти в сорок раз возрос урожай подсолнечника. Не было посевов сахарной свеклы, а теперь они породили сахарные заводы. Из года в год растет животноводство и все сопутствующее ему.

Не забыт и прославленный башкирский мед. Пчелы не только почти в каждом колхозе и совхозе, но есть

и специализированный пчеловодческий совхоз. Создан особый пчеловодческий заповедник, для охраны, изучения и размножения диких зимостойких, устойчивых против заболевания башкирских пчел.

Ничто не потеряно башкирским народом и даже кумыс, породивший кумысолечение как отрасль медицины.

В Башкирии есть что повидать и есть чему поучиться. Именно такой Башкирию и хотел видеть Владимир Ильич, бывавший в ее столице, когда она числилась городом средней руки и небольшой значимости.

У Праздные люди, располагающие свободным временем, нередко пускаются в домыслы относительно происхождения названий городов. Особенно свойственно было показывать свою ученость ушедшим на покой служителям культов. Так, например, один из них убеждал, что город Ирбит назван так потому, что на этом месте была сеча и хан ИР был БИТ и в память этого появилось слово из двух слов ИРБИТ.

Не менее затейно объясняется название волжского города Кинешма. Не то влюбленная княгиня или боярышня на свидании со своим милым высказала печальное предположение в манере церковно-славянской лексики:

— Кинешь мя!

И он кинул ее. И в память этого прозорливого предвидения был опущен мягкий знак, окончание «я» для благозвучности заменено буквой «а», и город назвали КИНЕШМА.

Очень много версий напридумано о происхождении города ЖИТОМИР. Одни утверждали, что так он на-

зван потому, что там жизнь (жита по-украински) была мирной, другие говорили, что от князя бежал его весовщик, называвшийся в старину житомером, или по-украински житомиром. Сбежавший основал на речке Тетерев город, названный именем своей профессии — ЖИТОМИР. В этом есть какая-то убедительность, если принять во внимание третью версию, что здесь был некогда торговый пограничный пункт, где проверяли и мерили жито. Подмосковный город Мытищи тоже получил название от слова МЫТО, или подать, которую здесь взимали с проезжающих в Москву торговых людей.

Искали корень названия и города Пермь. Искали не где-то, а в... пельменях, утверждая, что они ранее назывались ПЕРЬМени. Впрочем, другие, спохватившись, говорили, что пельмени (перьмени) произошли от названия города.

Куда как неожиданно досужая молва объясняет происхождение названия столицы Башкирии Уфы.

Шел старик башкир с кладью в гору. Поднялся на нее с трудом и произнес радостно:

— Уф-фа!

И город стал в честь этого радостного восклицания называться УФА. Второе «ф» вылетело со временем за ненадобностью. Не будем доискиваться и опровергать домысел, хотя мы вправе предположить, что река Уфа так называлась до того, как возник город. И вспомним, что многие великие и малые города назывались по рекам, например Москва, Вологда, Сытва, Тавда, Ижевск, Белорецк, Царицын... Впрочем, вы и сами, наверно, знаете, что и город Ирбит стоит на реке Ирбите, названной так, очевидно, задолго до появления безвестного хана Ира и ханов вообще.

Это все опять же к слову и как антракт.

Город Уфа расположен на горе, омываемой реками Белой, Уфой и Демой. Образовался полуостров, береговая линия которого стала городской чертой. Это очень живописно и вместе с тем прискорбно, потому что город вытянулся более чем на пятьдесят километров, при ширине, точнее при ужине некоторых его районов в несколько сот метров. Так случается со многими населенными пунктами, когда география оказывается сильнее градостроителей.

Идеальными принято считать города, приближающиеся к кругу, квадрату или не столь вытянутому прямоугольнику, многоугольнику, словом, такие, окраины которых равномерно удалены от центра города. Это дает массу преимуществ в смысле экономии прокладки коммуникаций, внутренних дорог города, и главное, меньших затрат времени и сил для передвижения жителей. Теперь же живущему в дальнем конце Уфы для поездки в центр нужно затратить около часа, даже при наличии скорого автомобильного транспорта. И виной этому отсутствовавшие мосты через реки. Будь они возведены до роста города или одновременно с ним, Уфа застраивалась бы равномерно во все стороны от центра, став, пусть отдаленным, уральским подобием Ленинграда. Такой она, очевидно, и будет впоследствии, потому что, хотя и позднее, строительство мостов ведется теперь ускоренно и капитально, так как восторжествовала народная мудрость, рекомендуемая до того как отрезать — семь раз примерить.

А в остальном Уфа — прекрасна и безупречна. Я, кажется, не встречал более зеленого города. Посадка деревьев, кустов, закладка парков и скверов в Уфе стали обычаем горожан, обсаживающих новые улицы до того, как новоселы зажгут огни в своих домах.

По городу-парку, по городу-саду приезжие предпочитают пешую прогулку всякой другой. Город хорош во все времена года, но весна, лето и первая половина осени здесь превосходны. Река Белая, к сожалению, текущая пока не через город, а вокруг него, оживляет Уфу. Уходят и приходят суда, множество катеров, яхт, моторных и гребных лодок... Сидишь на берегу и невольно вспоминаешь Пермь, где то же самое, только укрупненное и по-северному строже. Здесь мягче климат, добрее ветры и щедрее зеленый мир. Да и Белая ласковее величественной Камы, пытавшейся за компанию с Печорой стать северной — текущей на север рекой. Но благоразумные ее притоки, стремясь на юг, где-то около 61-й параллели склонили Каму сначала на восток, потом на юго-восток и, наконец, своим сильным течением оказали неоценимую услугу пермякам, заставив Каму катить свои воды через наши края в Волгу. Что, кстати говоря, будет сделано и с Печорой, неизвестно для чего кинувшейся на север, и без того богатый влагой.

Не обеляя и Белую, тоже нужно заметить, что она, родившись как река, текущая на юг и юго-запад, неожиданно близ южной границы Башкирии вероломнейше свертывает на север и течет точно вдоль меридиана, будто он ее русло. И только при слиянии с Камой, Белая, теряя свое название, теряет и направление.

VI Уфа, говоря без комплиментов и реверансов,— вполне столичный город, город старых и новых зданий. Зданий, архитектурно уживающихся друг с другом, но иногда и явно конфликтующих, что, впрочем, случается и в других городах, где рядом с творе-

ниями зодчих прошлого и недавнего прошлого вдруг подымаются многоэтажные новейшие дома. Они так эффектно выглядят в ансамбле себе подобных зданий и так иногда неожиданно высятся в окружении своих предшественников, как пришельцы из иных веков. Надо полагать, это закономерно, хотя еще пока и не привычно для глаз. Отдавая дань справедливости, скажем, что зодчим Уфы редко изменяет вкус, и новая архитектура, вписываясь в старые кварталы, не нарушает гармонии улиц и площадей города.

И это, наверно, правильно, если судить по Москве. У Черемушек одно лицо, у площади Восстания другое, у ансамбля университетских зданий на Ленинских горах — третье и т. д.

Уфа — средоточие культуры. Здесь прославленные театры, где даются представления на башкирском и русском языках. Здесь концертные залы, дворцы деятелей науки, техники, искусства. Здесь филиал Академии наук, республиканские творческие союзы, редакции многих газет, журналов, книжное издательство, комплекс лечебных и оздоровительных учреждений, университет и отраслевые вузы.

В Башкирии 5000 общеобразовательных школ. Пять тысяч. Эту цифру, приняв к сведению, можно забыть на следующей странице. Но можно и задуматься над ней. Если представить нашу самую обычную, рядовую школу и мысленно увеличить ее в пять тысяч раз, не трудно будет увидеть, что стоит за этой четырехзначной цифрой 5000.

Славен прекрасный, цветущий, не перестающий расти столичный город Башкирии Уфа. Завидно его будущее. Но есть у него и прошлое. Его сыны вписали немало ярких революционных страниц в историю, на-

чиная с пламенного борца за счастье народа Салавата Юлаева. Ни время, ни деспотизм царей, ни казни, ни тюрьмы не сломили силы и воли народа. Неугасимая вера трудового люда в освобождение от векового гнета особенно сказалась в начале нашего столетия, в годы нарастающего и организованного рабочего движения, в годы зарождения ленинской партии.

Владимир Ильич Ленин в 1900 году дважды приезжал в Уфу. Здесь основоположник нашей партии провел памятное совещание социал-демократов Урала и Поволжья. Здесь Владимир Ильич создал один из опорных пунктов газеты «Искра». И потом, находясь в эмиграции, Владимир Ильич поддерживал постоянную связь с уфимскими искровцами, сыгравшими важную роль в создании большевистских организаций на территории будущей Башкирской АССР.

Устремленному вперед городу есть на что оглянуться и есть чем вспомнить свое революционное вчера.

Некогда в российских губерниях можно было говорить только об одном городе. О губернском. Он пожинал и пожирал доходы губернии, жил за счет других, в частности, уездных городов. Этого нельзя сказать о наших республиканских столицах, краевых и областных городах. Вокруг Уфы возникли новые красивые города. Я не берусь описывать их все, остановлюсь на городе Салавате, примечательном со дня его закладки. Строители начали, как и должно быть, с коммуникаций: дорог, канализации, водопровода. Здесь, кажется, были запланированы и киоски и ямы для посадки деревьев, до того как с чертежной доски город стал переходить на строительную площадку. И

город вырос таким, что центром можно считать все равноправные по благоустройству улицы, и центр Салавата всего лишь территориально-планировочное понятие.

Салават — образец, достойный подражания. Город, который, увидев раз, не забудешь никогда.

Город Стерлитамак, второй по населенности после Уфы с 1920 по 1922 год был столицей Башкирии. Городу двести лет, хотя доподлинным городом он стал совсем недавно.

Сюда же следует отнести новый город Ишимбай, старый город Бирск. Города Мелеуз, Камертау и все городское созвездие индустриальной, трижды орденоносной республики. Награжденная двумя орденами Ленина, Башкирская Автономная Советская Социалистическая Республика в год своего пятидесятилетия удостоена ордена Октябрьской Революции.

Этот орден для Башкирии не только высокая награда и справедливая оценка заслуг ее народа. Орден Октябрьской Революции для Башкирии символичен. В нем отражена сама республика, рожденная Октябрьской революцией и взращенная в ее лучах.

Не стремясь к велеречивости, хотя высокий слог не только закономерен, но и обязателен, когда мы говорим о самом сокровенном, я смею думать, что орден Октябрьской Революции, по всей исторической справедливости, можно приравнять к государственному гербу республики. К гербу неслыханно богатой, несказанно счастливой, блистательно расцветшей страны-волшебницы, страны-легенды...

СЕДЬМАЯ ТЕТРАДЬ

I Вы, наверно, давно заметили, что эта книга грешит неравномерным вниманием к тем или иным местам, явлениям и процессам. Об одном говорится слишком подробно, а о другом — мало или совсем ничего. Признаваясь в этом, я все же ищу смягчающие мою вину обстоятельства и утешаю себя притчей.

Притчей о том, как некий король послал своих сыновей за тридевять земель, чтобы увидеть там изумительную и непревзойденную во всех отношениях птицу, а потом, вернувшись, рассказать о ней. Так и было сделано. Один сын, захлебываясь, рассказал отцу о красоте птицы и переливе ее перьев. Другой живо описал ее полет, парение, грациозную посадку и величественную поступь. А третий, видимо, был меломаном. Он не заметил радужной окраски птицы, ее способностей летать стремительней стрижа и дерзновеннее орла, замечать в лазури, как жаворонок, но почти лишился разума от пения птицы. И так хорошо перепел ее песни, что отец простил сыну пробелы в смысле перьев и полетов. Четвертый сказал, что в этой птице не меньше пуда мяса, и, судя по всему, оно должно быть нежным, белым и быстро жариться на вертеле. Отец, поблагодарив сыновей, пожалел, что у него нет пятого сына, тот бы, наверно, заметил, чем питается эта чудо-птица и где она вьет гнездо. Тогда бы о ней можно было узнать еще больше.

Такая притча может оправдать не только меня, но и других, видящих и рассказывающих по своим способностям, наклонностям и возможностям.

Если вы согласны с этим, то мы можем отправиться в дальнейшее плавание.

Любить свой край вовсе не означает обожать его до самоослепления и не видеть того, на что нельзя закрыть глаза.

Меня, например, всегда радовал рост новых городов, и мне всегда было жаль те старые города, которые еще в прошлом веке оказались не то в тени, не то в забытии, и уж во всяком случае в состоянии малого и тихого роста по сравнению с другими.

Мне никогда не доводилось бывать в Чердыни и так много слышать о ней от родившихся, живших или живущих там.

Чердынь в старину называлась Пермь Великая. Она была столицей громадной земли того же названия. О Чердыни я сужу и по тем некогда знаменитым старым городам, таким, как Верхотурье, славившееся как торговый и административный центр, через который проходил путь в далекие страны Азии. Это был город на «большом слуху». А потом слава отшумела, знатность отошла и наступила заштатная тишина провинциального городка Российской империи. С приходом Советской власти начали новую жизнь эти старые города. За эти годы в них очень много сделано, создано, построено, возрождено, расширено, возведено вновь... И кажется, не о чем говорить, но почему-то хочется еще большего...

Жаль мне было Тобольск. Жаль как старого учителя латинского языка, так хорошо знающего антич-

ный мир, так выразительно читающего наизусть сочинения Цезаря и декламирующего Virгилия, вложившего в головы сотен людей латынь, мать всех европейских языков. И однажды... Однажды он стал не нужен, как не нужна была одно время его специальность. И он применил себя в аптеке. А потом его вдруг позвали, восхищались его знаниями, и он снова ожил.

Это не очень точное сравнение, но у всякого свои ассоциации.

Словом, я всегда желал Тобольску, как можно счастливее найти себя.

Елабуга, Чистополь, Сарапул нашли же себя. Зазвучали, а вот... Тобольск. Знаменитый Тобольск, построенный на месте ханского столичного города Сибири, давшего название огромной стране, город, который я знаю как город Менделеева, Алябьева, автора знаменитого «Соловья», город, где родился Конек-Горбунук, проскакавший по всему свету. Бывший губернский город, какова его дальнейшая судьба? Ведь если ты любишь новый башкирский город Салават, как ты можешь не любить старый русский Тобольск и не хотеть ему ничуть не меньшего. И однажды все развязалось очень хорошо. Или по крайней мере начало развязываться так радостно для меня, что чуть ли не в ночь, нет, в считанные часы родился сюжет нового романа. А может быть, он давно дремал во мне, как «бесперспективный», а потом проснулся, будто спящая почка дерева, и стремительно пошел в рост. И я готов был бросить все дела, помчаться на аэродром, чтобы «привязать» задуманное к действительному и проверить заодно свой замысел. Но нелетная погода и предатель грипп сначала остановили, а потом остудили мои намерения, и повторились знакомые слова:

«Суждены нам благие порывы, но свершить ничего не дано»...

II Ах, какой светлый, жизнеутверждающий роман можно было бы написать. Вы только представьте, что в Тобольске живет героиня романа, скажем, Машенька. Она, получив высшее педагогическое образование, вернулась к матери в родной город, отрезанный зимой начисто, если не считать зимней дороги из Тюмени, которая пребывает чаще в заносах, нежели в удобопроезде виде.

У этой Машеньки есть мать, не желающая расставаться с городом, где похоронены предки, где прошла ее юность, где зацвела ее первая и последняя любовь. Мать Машеньки можно назвать Марией Ивановной и тем самым подчеркнуть приверженность автора к этому имени.

Дом, в котором хочет дожить свои годы Мария Ивановна, принадлежал ее предку-декабристу, прославившему свое имя на Сенатской площади Санкт-Петербурга. И с этим домом невозможно расстаться старой женщине, а Машеньке невозможно оставить свою мать и соединить жизнь с человеком, не пожелавшим поселиться в далеком, отрезанном от железных дорог Тобольске, хотя...

Хотя нынче никому не заказаны самые краткие и скорые воздушные пути. Но... какой роман пишется без препятствий вымышленных или действительных. Короче говоря, годы шли и вместе с ними уходила и надежда, что в один из дней прискачет на сером волке Машенькин Иван-царевич и тогда оживет старый дом. В нем зазвучит мужской голос, а вслед за ним и дет-

ский... Но... (Не обвиняйте меня в однообразии переходов через «но», которое я очень люблю, потому что оно всегда чревато сюрпризностью.) Но в город не прибывали молодые люди, а совсем наоборот — убывали. И вдруг прошел слух, что Тобольск будет соединен железной дорогой с большими магистралями. И сверх ожидания между слухом и его свершением расстояние оказалось куда короче, чем между Тобольском и Тюменью.

И далее, продолжаем мы пересказ ненаписанного романа — город зажил... Нет, он зацвел и буйно и обнадёживающе. И кто-то, допустим старый-престарый, уже знакомый нам бывший учитель латинского языка молитвенно произнес кратчайший из наикратчайших афоризмов: «Виа-вита», что означает в переводе с русской транскрипции латинских слов на русский язык — «Дорога — жизнь».

В зацветшем городе появилось много новых лиц разнообразнейших профессий и, конечно, строительных. Лиц молодых и еще не начинавших вить гнезда.

Однажды прискакал и Машенькин вероломный царевич-королевич, объяснивший свою долгую задержку защитой диссертации и подготовкой таковой. И... (Не «но», а «и» — я тоже стремлюсь к разнообразию и обновлению речи).

И ожил пустынный дом Марии Ивановны. Его стены оказались нужными и счастливыми. Стены стали такими многоголосыми. Они так отчетливо воспроизводили чей-то лепет, что вызывали слезы умиления, заставляли радостно биться сердца тех, для кого счастье ближнего частица своего, личного.

Далее потребовались бы умеренно-сентиментальные аккорды финала, и роман вполне можно бы опу-

бликовать в журнале «Москва» или в журнале «Нева», где не признают краевой ограниченности произведений, так как знают, что всякий пишущий о своем крае пишет обо всех и для всех краев и областей.

Машенька! С законным счастливым браком! С началом новой жизни! Будь счастлива, Машенька, в своем древнем Тобольске!

Не предсказывая, можно сказать, что древний город Тобольск, несомненно, вернет и умножит свою славу. И это особенно стало вероятным, после того как туда прошла железная дорога, которая пойдет дальше, и Тобольск станет, подобно Перми, важной оживленной точкой пересечения водного пути с железнодорожным.

Это будет могучий порт ближайших, считанных и уже значащихся в народнохозяйственной перспективе лет расцвета, забытого богом и географией исторического города. Города рыбы, города леса, города перевальных грузов, а теперь и нефти.

III Все, что относится и будет относиться к Тобольску ближайших лет,—не новая история, а ускоренное повторение биографий многих, если не всех уральских городов. Таких, как Челябинск, Тюмень, Уфа. Да и сама Пермь, числившаяся, как уже было сказано, в губернских городах Российской империи, была не более чем большая северная слобода с каменным центром в тесном окружении бревенчатых, одно- и двухэтажных домов без особых удобств или, точнее,—без всяких удобств, если не считать таковыми керосиновое освещение и относительную близость водоразборных будок. Асфальт в Перми мне запомнил-

ся как новшество. Он заменил деревянные тротуары нескольких кварталов центра, да еще запечатлелся дорожкой шириной в аршин, наискось пересекающей главную Сибирскую улицу от дома губернатора до парадного подъезда губернской управы.

Как жаль, что фотография не оказала тогда неоценимой услуги молодым историкам наших дней и просто молодым людям, чтобы глаза могли сравнить то, что не может сохранить память и что увековечивает добросовестнейший из свидетелей и самый беспристрастный рассказчик — объектив. Все же кое-что запечатлела из прошлого хромо-серебряная бумага, и мы можем предъявить это для обозрения в двенадцатой тетради.

История Перми и ее губернии — история Среднего Урала. Ведь нынешняя Свердловская область была частью Пермской губернии. Судьба Перми не схожа с судьбой Тобольска, но и она знавала периоды застоя. Застоя, говорю я, чтобы не сказать — упадка. Когда возникла большая Уральская область, размерами чуть ли не четверть РСФСР, Пермь из губернского города превратилась в окружной, а потом и в районный. И территория, административно подчиненная ей, сократилась во много раз. Уменьшились бюджеты, урезались сметы. Правда, город по-прежнему оставался университетским, не тронута была уникальная центральная библиотека, сохранился оперный театр, Камский порт не сбавил грузооборота, равно как и железная дорога, но все же «окружной» — это не «губернский» и не «областной» город.

Граждане Перми, несмотря на их высокую сознательность, все же затаили «обиду» на Свердловск (как будто он был в чем-то виноват). Некоторые из

них переехали в Свердловск на работу в областном масштабе. Но все, как нам известно, течет, все изменяется, и все имеет свой конец. География помогла истории: Пермь произвели в областные города. Реванш был взят, и город и Пермская область стали так расти, что вскоре никому и в голову не приходило, что когда-то Пермь была не в той чести, к которой она привыкла с давних лет. Отставание Перми пришлось наверстывать стремительно и бурно. И тот, кто знал Пермь 20-х и 30-х годов, теперь приедет в другой город, и только по некоторым домам-ориентирам восстановит в памяти пошедшее на слом и в Лету.

Пермь стала краше во сто крат, а будет — в двести. Если взять ее Комсомольский проспект, нетрудно будет увидеть в нем Пермь ближайших десятилетий, когда бревенчатые стены, отжив свой век, уступят место камню и бетону.

Пермь — по-прежнему город студентов и высших учебных заведений.

Здесь первый университет на Урале. Он в 1966 году отпраздновал свое пятидесятилетие. Альма Матер тысяч птенцов, ныне оперившихся и оперяющих других в большой жизни. Значение и роль Пермского университета на Урале, даже преувеличивая, не преуменьшишь. Он был первой кузницей новой интеллигенции Урала. Нет города в Пермской, Челябинской, Свердловской областях, в Башкирии, где нет воспитанника Пермского университета — врача, агронома, педагога, фармацевта, которых я вправе называть коллегами и братьями, поскольку, так сказать, я тоже в некотором роде сын этой Альма Матер. Пермский университет теперь не только Матер, но и Патер нескольких самостоятельных институтов города: сельскохозяйствен-

ного, педагогического, медицинского, фармацевтического, политехнического с девятью факультетами, на которых учатся немного-немало — четырнадцать тысяч студентов. Вот какой это отец и каких сыновей.

Как тут не вспомнишь наскоро сочиненную песенку университетской живой газеты 1928 года:

Гей! студенты,
Мы цементом
Будем в стройке наших новых дней.
И для стройки этой
Мало нам планеты,
Космос песнями залей.

Пермь в самом деле не старящийся город, потому что у него нет для этого ни экономических, ни каких других предпосылок. Кама теперь не замерзает в черте города даже в сильные морозы. Вы скажете, причиной этому Камская ГЭС, стоящая выше Перми. Да, это верно. Но ведь Камская ГЭС — это молодость края. Не так ли? Об этом и речь. Ее, как и одну из главных улиц города — Комсомольский проспект, — можно называть комсомольской, если не на карте, то в подтексте.

И только ли Камская ГЭС символ молодости. Разве не молодо здесь машиностроение, большая химия, металлургия, бумажная промышленность, добыча и переработка нефти, о которой уже говорилось, лесоразработки, измеряемые двадцатью пятью миллионами кубометров деловой древесины в год, и, наконец, омоложенное и преобразенное сельское хозяйство — все, из чего завязаны новые индустриальные узлы Западного Урала.

О пермских алмазах тоже говорилось, но не грех и повторить. Они тоже молодость края. И вообще за-

падные склоны хотя и обживались до восточных склонов, но разведаны меньше. Видимо, это произошло потому, что в традициях так называемого Строгановского Урала уделялось внимание более наземному, нежели подземному. На Демидовском Урале меньше уделялось благам на земле, их видели только под землей.

На Западном Урале из подземных богатств славятся главным образом калийные соли, уголь и теперь нефть. Но не может быть, что катаклизмы, породившие Урал, вывернули из недр главные их богатства только на одну восточную сторону. Западный склон несомненно еще выдаст геологам свои тайны, и, может быть, я еще успею дорассказать о них в новом издании.

Не верьте маловерам от геологии — Урал весь в будущем. Так утверждают геологи-оптимисты. А научный оптимизм всегда, везде и во всякой отрасли побеждал людей малого дыхания, боящихся дерзать и ошибаться, ошибаться и снова дерзать. Дерзать и находить. Так что у молодой Перми еще вся жизнь впереди. Она еще увидит небо в алмазах, коли увидела в них свою землю.

IV Вчерашний день, как мы не раз имели честь утверждать, кончается только в календаре, но не в жизни. Он сказывается в нашем сегодняшнем дне, как и наше сегодня не померкнет в завтра.

Что там ни говори, а Пермь была губернским, следовательно, губернаторским и в какой-то степени дворянским городом и уж, конечно, купеческим и предпринимательским. Городом фабрикантов, пароходчиков, городом значительного чиновничьего слоя и городом

епархиальным. Значит, и городом духовных учебных заведений. О них тоже можно судить по-разному. Случается, и передовое светское учебное заведение выпускает мракобесов, а бывает, что и семинарии порождают передовых людей. Пермскую семинарию закончили гениальный изобретатель радио Попов, крупнейший певец Урала Мамин-Сибиряк, создатель блистательных уральских сказов Бажов и другие самородки, чьи имена не столь знамениты, а их большие или малые дела бессмертны.

В старой Перми жилали Герцен, Мельников-Печерский, Короленко, Решетников, Салтыков-Щедрин, Чехов, Горький... Бывал здесь и художник Шишкин и знаменитый путешественник Гумбольдт. Много ли, мало ли прожили они в Перми. Но каждый из них что-то сделал, чем-то был полезен. Например, величайший химик Менделеев здесь побывал проездом, и это ему не помешало стать одним из инициаторов создания высшего учебного заведения в Перми.

И все, кого ни назвать, ни перечислить, формировали уральский Петербург, как уральский центр знаний, просвещения, искусств, литературы.

Не случайно же возник значительный музей, хороший оперный театр, богатейшая библиотека, различные общества и клубы.

Словом, Пермь к 1917 году пришла не самым отсталым городом из всех губернских городов, и этого не нужно забывать, когда мы говорим о достижениях культуры наших дней. Она не без корней, не без традиций, как и сам город.

Театры и оперу Перми вы, конечно, видели по телевидению, которое так сблизило все города страны. Поющий на Урале, поет теперь в Ростове-на-Дону, в

Воронеже, в Полтаве и за рубежом. Телевидение открыло для нас все двери. И пермская телестудия в этом отношении новаторски ищет и находит интересное, полезное и нужное для всех. Наверно, кто-то скажет, что это все мною говорится по знакомству. Святая правда. Здесь нет слова, которое написано не по знакомству, и как же можно без знакомства писать такие строки.

По знакомству я говорю и о крупнейшей на Урале библиотеке имени Горького, где столько моих друзей и добрых знакомых, как здравствующих ныне, а также продолжающих свою жизнь после ухода из нее на книжных полках. Как не воздать хвалу городским властям, которые переселили библиотеку в новый прекрасный дом. Значит, вместе с другими и я справил новоселье.

Спасибо городскому Совету и за оперный театр. Он был приземист, когда я еще мальчиком слышал в его стенах, как звучит музыка Чайковского, чье имя носит теперь так выросший театр. Выросший не только фасадно, но и вокально-музыкально.

Как жаль, что не звучит бумага. Мы могли бы услышать его оркестр и голоса певцов.

Из всех зрелищ города самый зрелищный музей, где непревзойденные «пермские боги» стяжали мировую славу.

О них глава. Не помешало бы и две.

У Эту главу я в различных вариациях писал и пересказывал если не миллион раз, то — двадцать, и каждый раз мне не хотелось повторяться, потому что она посвящена уникальнейшей коллекции дере-

вянной скульптуры, которая, с какой стороны к ней ни подойди, рождает новые и новые мысли.

Там, где сейчас распласталась Пермская область на шестьсот километров в длину и на четыреста в ширину, севернее ее, восточнее и западнее жили люди, которых называли самыми различными, нередко оскорбительными именами, а потом сошлись на едином, более менее терпимом, но тоже достаточно шовинистическом названии — «инородцы», или народы и народности иного рождения, нежели русские.

Так вот эти самые «инородцы»: пермяки, манси, ханты, коми, удмурты и другие поклонялись богам, ими же вырубленным и раскрашенным. Олимп этих богов был обширен, и, наверно, у каждого племени были свои, отличные от других идолы.

С приходом в эти края православия деревянные боги пошли на костер, и взамен их появились плоскостные изображения Христа, девы Марии, Саваофа, ангелов, угодников, великомучеников, представленных на иконах. Рисованные боги не вызывали доверия. Поэтому недавние идолопоклонники решили внести в православие коррективу, заменяя икону резной деревянной скульптурой. То есть такими же идолами, но из другого культа и под другими именами. И сразу же начала укрепляться вера, обращенные в православие стали куда как набожнее, посещения храмов усилилось, авторитет веры поднялся. И это я утверждаю не умозрительно, а по собственному опыту.

Собор, куда я впервые пошел на исповедь, где я впервые когда-то молился и отстаивал первые обедни, поверг меня в трепет, после того как я за престолом главного алтаря увидел деревянную раскрашенную

скульптуру Христа. Он восседал в затемненной, окрашенной в цвет неба нише. Свет и тени от колеблющегося пламени свечей меняли выражение его лица. И он издали выглядел живым, настоящим богом, которого можно бояться и чтить и которому нужно молиться. Это не картина, на которой всего лишь изображение бога, а сам бог, который может разгневанно подняться с трона и выйти к людям из алтаря.

Статуя сидящего Христа в дни пасхи облачалась в парчовые царственные одежды, а в страстную седмицу Христос предстал в своем естестве. То есть в том виде, в каком его распяли.

И мне, возвращаясь в отроческие годы, теперь не трудно представить темного пермяка или манси, для которого объемное изображение усиливалось его наследственным суеверием и православная религия становилась близкой, соответствующей настрою его внутреннего мира. К тому же скульптурное изображение Христа, как, впрочем, и девы Марии и Магдалины, чудотворца Николая Можая, резалось по образу и подобию молящихся ему. То есть в одних случаях это был Христос-пермяк, в других — Христос-манси, Христос-удмурт... То он был скуласт, с косым разрезом глаз, с черными как смоль волосами и жидкой монгольской бородкой, то он был белокур или рыж... Словом, люди хотели видеть бога себе подобным. Это, кстати говоря, относится не только к народам, населявшим Урал и Прикамье. Христос у православных африканцев тоже несколько другой, нежели в православной русской церкви.

Но потом, когда я подрост, запрестольные Христы вдруг исчезли. Мне казалось, что их уничтожили физически, тем же способом, как уничтожали идолов.

Их не стало потому, что объемное изображение святых запрещалось догмами православной церкви, и, если она была вынуждена пойти на уступки бывшим идолопоклонникам в первом периоде утверждения их в новой вере, то потом, в последующих поколениях, деревянная скульптура постепенно изымалась из церквей.

А как ее изъять? Куда деть? Можно, скажем, поставить в ризницу, спрятать в церковный подвал или куда-то еще... Не очень многие даже ортодоксальные священнослужители отваживались сжечь запрестольного Христа. И только благодаря боязни уничтожить церковную скульптуру, остатки ее дошли до нашего времени. Об этом я узнал гораздо позднее, уже позабыв знакомую соборную статую Христа и другие, которые я видел в прикамских храмах.

И однажды, в типографии города Перми, что была на улице Карла Маркса, где издавался наш журнал «ЖГТ» («Живая театрализованная газета»), я встретил высокого, довольно полного человека и познакомился с ним у талера печатной машины, где он придирчиво рассматривал через лупу оттиски клише.

Оказывается, этот человек, Николай Николаевич Серебренников, под Пермью открыл склад, лучше выразиться точнее — свалку церковной деревянной скульптуры.

Познакомившись с Николаем Николаевичем, я узнал, что в этой типографии печатается его книга «Пермская деревянная скульптура», ставшая теперь уникальным изданием.

Случайная находка породила экспедиции, а затем единственную в своем роде коллекцию деревянной скульптуры, состоящую более чем из четырехсот про-

изведений. О ней не раз писалось, вещалось, передавалось по телевизору, и все же редчайшее собрание деревянной скульптуры еще не получило той известности, которую оно заслуживает, как, впрочем, и подвиг Н. Н. Серебrenникова.

На фотовкладках приводятся некоторые снимки «пермских богов», как их назвал А. В. Луначарский.

Вероятно, еще не поздно умножить коллекцию пермских деревянных скульптур. По логике вещей они должны быть где-то замурованы фанатиками и приверженцами деревянных идолов. И, наверное, следопыты, пустившись на новые поиски, могут поделитьсЯ своими удачами с музеями других городов.

Коллекция «пермских богов» разговаривает выразительнейшим языком скульптуры. Разговаривает и вызывает глубокие размышления, а иногда и потрясения умов.

VI В большинстве областей после заглавного города есть второй по значимости и размерам город. И не возникает споров, что это второй, а не третий город после областного. Таким вторым городом в Свердловской области следует назвать Тагил, в Тюменской — Тобольск, в Челябинской — Магнитогорск.

В Пермской области, сколько я ни раздумываю, ни прикидываю, мне не удастся найти города, который бы я, не сомневаясь, назвал вторым. Потому что вторых городов в Пермской области не несколько, а много. Новых и старых. Это всемирно известные города Соликамск, Березники, прославившиеся калийными и азотными удобрениями. Главной пермской солью, солью земли-кормилицы, без которой невозможен был бы

крутой подъем плодородия страны. В сказочно-богатой верхнекамской кладовой почти треть калийных запасов мира. Почти треть мировых разведанных запасов. Это в одной области, в одном ее Верхнекамском бассейне. Не так трудно представить, какой патетический роман о людях, породивших особые предприятия горной химии, лежит на самой поверхности, дожидаясь, когда трудолюбивое перо перенесет его на камскую бумагу и оставит потомству.

Один старик режиссер сказал, что есть такие пьесы, которые стоит положить на суфлерскую будку, и они будут играть сами.

Верхняя Кама сама по себе фантастическая фее-рия чудес, и так жаль, что они пока еще не положены на «суфлерскую будку».

Отнесешь ли старую мать пермских городов Чердынь и новый Красновишерск к «третьим» городам? Они, как и турбогенераторный город Лысьва и, конечно, нефтебумажный Краснокамск, не «кружки на карте генеральной», а, можно сказать, отраслевые округа. Такой город, как Чусовой, металлургический город-округ с законченным циклом, славился еще при царях и капиталистах-акционерах своими мастерами огневых дел. Я еще мальчиком знавал этот завод и молитвенно произносил: «Чу-со-ва-я!..» Тогда его называли в женском роде.

По справедливости нужно особо выделить город Кудымкар, столичный город Коми-Пермяцкого округа, город старший по возрасту среди большинства уральских городов, и в том числе Перми. Это город-абориген пермской земли. Он и его национальный округ возник как чудо из жизни предельно отсталой, помня которую, не веришь своей памяти. Пусть я при-

страстен, но мне трудно представить более сердечный, добрый и трудолюбивый народ. И эти его изумительные качества так расцвели, когда солнце стало светить и ему равноправно и неугасимо.

Лес по-прежнему главное богатство коми-пермяков, но не остались прежними способы заготовки и обработки леса. В страну топора, деревянной сохи, волокуши или телеги без колес пришла волшебница машина. Округ воскрес. Другого слова и не подберешь для затерявшегося в прикамских лесах коми-пермяцкого островка, ставшего суверенным национальным округом. Появилась своя промышленность, а вместе с нею и все, что есть у больших и малых по численности народов, уравненных во всем нашей конституцией, основным законом законов.

Коми-пермяков без преувеличения и восхваления справедливо назвать народом-легендой. Народом-легендой с древнейших времен его жизнестойкости и до последних дней его неустанного восхождения. И как бы высоко ни поднялся этот народ-брат, давший имя огромному краю и его главному городу Перми, все же это только начало большого цветения.

А чем Кизел, отпраздновавший десять лет тому назад 150-летний юбилей своего угольного неоскудения и трудовой шахтерской славы, не центр бассейна коксующихся углей.

Древняя земля Перми Великой и теперь может так называться не по царевым жалованным велеречивым грамотам, а по существу масштабов деятельности и объемов производств.

Извините меня, если я обижу прошлое славного города Кунгура. Кунгур в прежние годы знали главным образом по Кунгурской ледяной пещере. Слов нет —

эта пещера изумительна по красоте своих гротов, таинственных ходов-переходов, скала у ее входа еще полвека назад была исписана сонмом имен туристов всех мастей и сословий. Посещение пещеры, я думаю, и теперь очарует всякого. Но все же эта слава весьма незначительна. Правда, и тогда Кунгур был приятным торговым, кустарно-промышленным, купеческим городом, но не более значительным, чем другие уездные города. Иногда достаточно одной детали, и через нее видишь очень многое. Например, узнав, что в Перми количество автобусов перевалило за тысячу, можно составить представление о размерах города и его населении.

Когда черным по белому сказано, что в Кунгуре ежегодно производится более 7 000 000 пар различной обуви, уже ничего не надо объяснять. И будь еще пять Кунгурских пещер, самых развеликолепных, все же главной славой города останется 7 000 000 пар обуви. Это без трикотажной промышленности, без крупномолочных предприятий, Кунгур славен и досточтим.

Лысьву мы называли турбогенераторным городом. Турбогенераторы — это ее мировая слава. И, скажем, эмалированная посуда, которую давно вырабатывает Лысьва, отходит как бы на второй план. Турбогенератор и эмалированная кастрюля вещи довольно несравнимые, как и электрические утюги. Тоже не то звучание. Но стоит сказать, что электроутюгов Лысьва выдает в год около четверти миллиона штук, а эмалированной посуды двадцать одну тысячу тонн, — как миска и утюг начинают выглядеть не менее почтенно, чем 7 000 000 пар кунгурской обуви.

Какому из этих городов отдашь предпочтение? Возьмем молодой город Чайковский, славящийся не

только звучнейшим именем, но и крупнейшим комбинатом искусственных шелковых тканей. Они и будут его славой. А название придаст еще большую известность.

Теперь на карте Пермской области проступили и те населенные пункты, которые я знал совсем беспросветными деревнями и селами. Я вспоминаю Чернушку или Куеду и, вспоминая, вижу, что и нечего вспомнить. Лапти разве, да деревянную соху. Соломенные и в лучшем случае тесовые кровли. А теперь Куеда и нефть стали рядом. Появилось слово «Чернушканефть». Это значит промыслы. Новые специальности, новые дома. И новые люди.

Здесь за Камой находится Удмуртская АССР. Самобытная, знатная республика стяжает большую известность своим машиностроением, станками, уникальными инструментами, оборудованием для нефтяной, горнорудной промышленности, охотничьими и спортивными ружьями. В Удмуртии своя металлургия, издавна питаемая сырьем «коренного рудного Урала».

Особенно славен многими заводами столичный город республики Ижевск. Он «торгует» буквально чуть ли не со всем светом. Отсюда теперь во все края расходятся не только знаменитые ижевские мотоциклы, но и легковые автомобили. Славен и старый Воткинский завод, ныне город Воткинск, как и город на Каме Сарапул, некогда уездный городок, превратившийся из мещанско-купеческого захолустья в промышленный центр.

Удмуртия — страна лесов, сельского хозяйства, отличного льна, знаменитой гречихи, меда, кустарных промыслов. Она в разные времена была относима то к Приуралью, то к Прикамью, то к уездам, самостоя-

тельной в своем роде бывшей Вятской губернии. Теперь Удмуртия входит в состав огромного Уральского экономического района, и о ней следовало бы рассказать ничуть не меньше, чем о других землях разросшего Урала. И мне очень жаль, что «география» моих возможностей и накоплений значительно меньше экономической карты Урала. Поэтому я вынужден ограничить мое повествование рекой Тоболом на восточном склоне Урала и Камой — на западном.

Таким образом, мне ничего не остается, как, остановившись на этом пермском берегу, продолжить свои рассказы в междуречье Тобола и Камы.

В таких случаях говорят: «Повинную голову и меч не сечет». А я — винюсь...

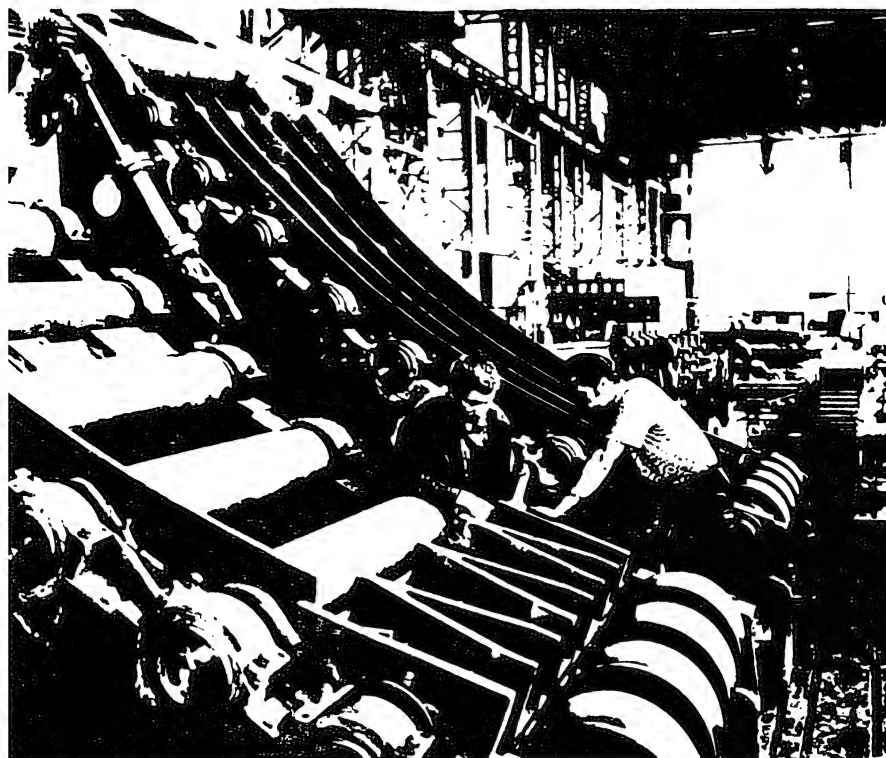
Не любить, не гордиться пермской землей всякому коренному пермяку (в смысле пермичанину, как однажды сказал телевизионный диктор) и всякому поселившемуся здесь — значит жить в отрыве от большой жизни Урала и всей нашей страны.

Со словом Пермь почему-то возникают всегда белые ночи, хотя так их здесь никто не называет. А они белые, и ничуть не темнее ленинградских. Как славно о них сказал пермский поэт В. Радкевич:

Вспомни летние ночи на Каме,
Лишь глаза на минутку прикрой,
И тебя растревожит огнями
Этот город над Камой-рекой...
...Навсегда, и в тревоге и в счастье,
Он засветится в жизни твоей, —
Этот город, распахнутый настезь,
Как сердца твоих верных друзей.

Никто никогда не уходил и не уйдет из своего края, как бы далеко он ни оказался от него.

ВОСЬМАЯ ТЕТРАДЬ

I Соревнование Перми и Свердловска (до этого Екатеринбург, а до этого Уктуса) давнее. В начале XVIII века виднейшие управители и организаторы горно-заводского дела на Урале zaloжили на берегах реки Исети новый завод, который перерос в город, названный в честь жены Петра I Екатеринбургом. Природные богатства, центральное место на Урале в окружении растущих заводов и размещение здесь главной администрации горнопромышленного Урала возвеличили город. И когда наряду с Пермской губернией была учреждена равная ей, так же с восемью уездами, Екатеринбургская, города как бы уравнились между собой. Екатеринбург получил даже свой герб. На зеленом поле серебряная плавильная печь и рудокопная шахта. Пожалуй, единственный и первый «индустриальный» герб в геральдике империи, где не доминировали звери, птицы, короны, оружие, кресты.

Екатеринбург еще в XVIII веке, в годы правления одаренного и энергичного ученого и знатока горнозаводского дела Василия Никитича Татищева, рассматривался как «столица» Урала. С падением крепостного права Екатеринбург перешел на положение уездного города, продолжая, однако, расти и оставаться главным промышленным центром Урала.

Он им остался и теперь по своей промышленной и экономической основе, став флагманом всех ураль-

ских городов, городом Свердловском. Здесь сосредоточены крупнейшие заводы тяжелой индустрии. Свердловск — главный на Урале узел железных дорог, который можно сравнить, пусть отдаленно, с московским. Свердловск — узел дорог, так называемых межезаводских, из которых многие имеют значительную протяженность.

Обстоятельства сложились так, что областной город Свердловск становится межобластным центром. Здесь Уральский филиал Академии наук СССР, многие научно-исследовательские отраслевые институты, проектные организации, имеющие общеуральское, а иногда и более широкое значение.

В Свердловске происходят межобластные слеты, совещания, олимпиады. Свердловск стал и культурным центром Урала. Здесь киностудия художественных, документальных и хроникальных фильмов. Уральская Государственная консерватория. В Свердловске самое крупное на Урале Средне-Уральское книжное издательство, общеуральский литературно-художественный и общественно-политический журнал «Урал» и другие межобластные журналы. Это и многое неназванное делает Свердловск центральным городом Урала, таким же, как и Новосибирск для Западной Сибири. Это неизбежно потому, что не все можно дробить на областное, что может существовать только в большом межобластном масштабе.

Например, та же киностудия, те же отраслевые общеуральские научно-исследовательские институты и даже литературный журнал, не могут быть расчленены ради того, чтобы в каждой области было свое областное. И с этим нужно не только соглашаться, но и всячески укреплять.

На примере Свердловска, Новосибирска мы видим, что сама жизнь выдвигает межобластные города-центры, города-флагманы (дело не в названии), которые, не претендуя на административную подчиненность своих собратьев, областных городов, сосредоточивают в себе «штабы» культуры, науки, техники, искусства, высшего образования и многое другое. И надо полагать, чем дальше, тем больше будет возникать потребность в укрупнении и усилении учреждений, институтов, обществ межобластного значения, а не в мельчении их. Что бы стало, скажем к примеру, с известным, прославившим себя журналом «Сибирские огни», если бы его разбросывали на областные сибирские журнальчики и альманахи.

Несомненно, не всякое укрупнение дает хорошие результаты, но там, где оно их дает, нельзя пренебрегать им. Таким образом — Свердловск стал центральным городом Урала, или, как я, может быть, не очень точно выразился, городом-флагманом, не по чьей-то предприимчивости или, того нелепее, проискам и желаниям, а по всей сумме преимуществ, авторами которых были: история, география, недра, развитие промышленности, пути сообщения и все то объективное, что порождает и формирует города, огромными, большими, средними и маленькими...

Не трудно представить, каким мог бы стать Свердловск, если бы через него проходил (допустим такое) водный путь из Европы в Азию. А такая фантазия, впрочем, не столь фантастична. Коли собираются повернуть течение некоторых рек вспять, то почему не предположить, что одна из них завернет в Свердловск.

Невероятного становится меньше и меньше.

А сейчас хотя бы бегло познакомимся с городом,

что, скажу я заранее, очень не легко. В бытность города Екатеринбургом все было как на ладони, а теперь, когда смотришь на город из окна самолета, его трудно уложить в поле зрения даже с высоты.

Это, конечно, не Москва, но все же ее седьмая часть.

Большой город Свердловск составил из нескольких городов. Это отчетливо видно сверху. Такова, видимо, неизбежность роста больших индустриальных городов. Однако...

Однако опустимся на землю. На земле как-то привычнее.

II Когда задумывается строительство завода, то чаще всего его выносят за черту города. За чертой города Москвы не так уж давно был, например, бывший завод Гужона, ныне «Серп и молот», а теперь? Теперь черта города далеко за этим заводом. Так же и в Свердловске Уральский завод тяжелого машиностроения был не просто за городом, а мне кажется, очень далеко от него. И даже Втузгородок тоже был бы самостоятельный городок. И уже нечего говорить про Верх-Исетский завод. Его даже на карте показывали самим по себе. То же следует сказать и про другие заводы и при заводские поселки, которые называли соцгородками.

И вот эти соцгородки и просто городки, поселки, ширясь, приближались к городу Свердловску, а город к ним. И, наконец, когда разрыв стал равен ширине улицы, городки либо лишились своих названий, став Свердловском, либо, сохранив их, стали районами города.

Свердловск в бытность свою Екатеринбургом, насколько я помню, был городом одноэтажным и деревянным, с вкраплением каменных домов о двух этажах и редко о трех. Знаменитый дом Харитоновых, где разворачивается действие романа «Приваловские миллионы», тоже трехэтажный, как и некоторые особняки удачливых золотопромышленников и фабрикантов.

Надо сказать, что среди особнячков, рубленных из бревна, были очень затейливые в архитектурном смысле дома, и их следовало бы побережь, как своего рода памятники. Уральские деревянные дома очень долговечны, потому что их строили не на скорую руку, а на многие годы. Не брали дерево с синевой, не брали сухостой, делали точные прирубки лап и пазов, заботились о вентиляции, о непротекаемости крыш, о сухости дерева, идущего на косяки, балки, двери, рамы. Поэтому можно и сейчас встретить дома, срубленные до рождения Мамина-Сибиряка.

В большом Свердловске как бы растворился старый Екатеринбург, чиновничий, обывательский город и другой, представленный деревянными домами, без затей, без резьбы, без деревянных кружев, кафельных печей и парадных крылец. Это улучшенные избы, увеличенные до двух и трех комнат. Это дома рабочих, ремесленников, кустарей. Некоторые из этих старых домов живут потому, что еще живы.

Свердловск начался с новых домов в первую пятилетку. Это преимущественно кирпичные дома с толстыми стенами, с излишним запасом прочности перекрытий, словом, потомки того кирпичного Екатеринбурга, который строился теми же десятиниками.

Одного такого знал я лично, потому что и мне в Свердловске приходилось строить, вернее, надстраи-

вать этаж для нашего молодежного издательства. Этот десятник строил по канонам старины. Внутренние перегородки он требовал перед штукатуркой обивать войлоком. И никакие доводы, что строительный войлок — рассадник моли, его не убеждали. Размеры оконных переплетов и толщина рам могли быть только от и до. Засыпка междуэтажных перекрытий могла быть только земляная, расчеканка стыков канализационных труб требовалась только свинцовая, и никаких замен, хотя бы более совершенных.

Подобные строители, боявшиеся, а может быть, презиравшие новое, вогнали в копеечку новые дома Свердловска и построили их не столь изящно, как хотели бы их заказчики.

В 30-е годы в погоне якобы за простотой и, конечно, удешевлением, в поисках нового стиля, понастроили дома вне всякого стиля, вне простоты и, что печально, — все равно дорого. Они были похожи на корпуса текстильных фабрик с аскетическим, точно повторяющимся чередованием простенков, почти квадратных окон, с взаимно перпендикулярными переплетами, секущими окно на четыре равных унылых прямоугольника. Слава богу, таких домов мало. Свердловчанам сразу стало понятно, что это не то, не так.

Начались поиски нового. В одном из домов поиски довели до того, что жить в нем было нельзя. Нельзя потому, что он был домом-окном, домом-витриной, чуть ли не со всех сторон, и даже в условиях юга Италии в нем было бы прохладно. А в Свердловске, где нередко и сорок ниже нуля, такой дом пришлось перестраивать.

Архитектура принадлежит к тем видам искусств, где экспериментирование и его издержки обходятся

дважды дорого: затраты по возведению и не меньше расходы по сносу. Это не музыка, не литература, дающие произведение в законченном виде, до его «пуска в производство». Не получилось — клади на полку, и вся недолга. Произведение архитектуры иногда очень заманчиво выглядит на бумаге, особенно в аксонометрическом исполнении. Но на бумаге оно — миниатюрная картинка, которая, переходя на площадь или улицу, вдруг увеличенно обнаруживает те пороки, которые нельзя было предположить на чертеже.

Об этом я говорю не только применительно к Свердловску, а скорее, в связи с ним. Архитектура современного Свердловска в своем подавляющем большинстве — это группы и целые ансамбли строений, которые не умалили бы красоты любой из столиц.

Город рос ввысь, потому что рост вширь всегда удорожает строительство, требуя удлинения всех коммуникаций, начиная от водопровода, канализации и кончая телефоном. Мы также знаем на примере Уфы, что главное «удорожание» возникает потом, когда живущие далеко начинают терять время на проезды. В этом смысле Свердловск наиболее компактный город Урала.

Время пройдет, и окончательно сгладятся стыки центра с окраинами, архитектурно «отредактируются» некоторые отстающие улицы и площади, город получит больше зелени, которая здесь не в избытке, станет больше водоемов, фонтанов, очень нужных в знойные месяцы.

Но и теперь всякий вновь приехавший полюбит этот не останавливающийся в росте самый большой и очень красивый город Урала.

III В недавнем прошлом на Урале и в Прикамье была разновидность, и немалая, населенных пунктов, называвшихся заводами. Например, Тагильский завод, Невьянский завод, Алапаевский завод, Очерский завод и так далее, еще сто или двести наименований. В понятие «завод» входил не только собственно завод, но и заводской поселок. И если человек говорил, что он родился в Невьянском заводе или живет на Юго-Камском заводе — это не означало рождение или местожительство в цехе.

Завод считался неким средним населенным пунктом между большим селом и городом. Живое этому подтверждение, скажем, такая фраза: «Она из деревенских-то заводской стала, совсем почти что городской».

И заводские жители, не считая себя деревенскими, не считали и городскими. Заводское население Урала составляло как бы особый слой населения, который нельзя отнести полностью к рабочему классу, но в котором рабочий класс решительно преобладал.

Свердловск по справедливости можно назвать городом-заводом, или лучше — городом заводов, хотя бы уже потому, что свыше пятой части всех промышленных рабочих области живет в Свердловске.

С Свердловском связывают обычно один завод тяжелого машиностроения — Уралмаш. А разве он один? А Уралхиммашзавод, а Уралэлектротяжмаш, а остальные... А вся цепь предприятий, металлургической, химической, электротехнической, нефтяной, горной и других отраслей и даже крупнейшее предприятие по изготовлению обуви. За ними не только солидные названия, но и дела. Цифры. Вот некоторые цифры для подтверждения сказанного.

В Советском Союзе 75 процентов руды добывается

машинами, выпущенными свердловскими заводами. Более 80 процентов нефтяных и газовых скважин бурится оборудованием, изготовленным на свердловских заводах. Этими же заводами экипировано свыше 90 процентов агломерационных фабрик и 70 процентов доменных печей Советского Союза.

После этого резонно спросить других и себя, какая же из черт города является главной? И резонно ответить — индустриальная, заводская. В чем состоят главные приметы жизни свердловчан? В этом же. Раскройте газету «Уральский рабочий», «Вечерний Свердловск», «На смену». Главная тема — промышленность.

Вы в гостях, гости как гости пляшут-танцуют, выпивают-закусывают, обмениваются новостями, радуются жизни или жалуются на нее, и везде один и тот же заводской лейтмотив. Потому что заводские профессии, профессии большинства, и все, вплоть до здравниц, до тостов, окрашено главным — заводским трудом человека.

Этого не замечают, наверно, живущие в Свердловске, но это так отчетливо проступает для всякого приехавшего вновь или долго отсутствующего человека.

Отстаивая дальше свое утверждение, замечу, что специальное среднее образование и высшее тоже главным образом индустриальное.

Крупнейшее техническое высшее учебное заведение страны и, конечно, Свердловска — Уральский политехнический институт имени Кирова. В нем обучается более двадцати пяти тысяч студентов. В УПИ девяносто кафедр! Де-вя-но-сто!

Сюда прибавьте тридцать девять кафедр, готовящих инженеров семнадцати специальностей в Свердлов-

ском горном институте имени В. В. Вахрушева, где учатся более восьми тысяч студентов. Здесь только на одну тысячу студентов меньше, чем в Свердловском государственном университете, но и в нем из десяти факультетов два, можно сказать, тоже индустриальные: механико-математический и химический.

Затем идет Уральский электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта, с более чем семью тысячами студентов. В остальных уважаемых и прославленных институтах города: медицинском, педагогическом, сельскохозяйственном, лесотехническом и юридическом число студентов составляет едва ли треть от количества студентов технических высших учебных заведений.

У меня нет возможности рассказывать о средних технических учебных заведениях. Прошу поверить на слово — картина та же. Она и не может быть другой, если здесь уважение и тяга к заводским профессиям появляются в самом раннем возрасте, может быть, до того, как ребенок узнает первые буквы.

Свердловск и в этом отношении город-флагман Урала и Прикамья.

Бывалые люди говорят, что знакомство с городом должно начинаться с его рынка и музея.

На рынок мы не пойдём, а музеи не пропустим. В городе их много. Я коснусь редчайшего из них. Уральский геологический музей богат и славен как никакой, подобный ему. Это своего рода Ленинская библиотека, только вместо книг там камни и все, что добывается в земле. Это четыре этажа экспонатов. И едва ли есть где-то и что-то в аналогичных музеях, не представленное здесь.

По Уральскому геологическому музею можно судить о недрах уральской земли и перспективах открытий. Музей вас как бы зовет на поиск, рассказывая о найденном и заманивая каким-то глубоким подтекстом — искать, разведывать, не останавливаться.

Необыкновенный музей, как и сам край вечной неуспокоенности и неустанных дерзаний.

После самого большого музея города мне хочется назвать самый маленький. Он открылся 3 марта 1969 года. Это дом-музей Павла Петровича Бажова. Здесь он прожил многие годы. Здесь написана его знаменитая книга «Малахитовая шкатулка». Дом-музей останется и архитектурным памятником рубленых деревянных строений, меньших или больших по размерам, но типичных для рабочего края.

В этом доме перебивало множество гостей-писателей. Назову тех, кого помню: Агния Барто, Федор Гладков, Лев Кассиль, Анна Караваева, Павел Нилин, Борис Полевой, Илья Садофьев, Людмила Скорина, Алексей Сурков, Александр Фадеев, Ольга Форш, Мариэтта Шагинян... Из писателей-свердловчан бывали здесь Михаил Батин, Константин Боголюбов, Белла Дижур, Иосиф Ликстанов, Ольга Маркова, Константин Мурзиди, Вадим Очеретин, Нина Попова, Борис Рябинин, Виктор Стариков, Юрий Хазанович, Елена Хоринская... Пусть меня простят те, кого я не назвал, но чьи имена связаны с этим старым домом на углу улиц Чапаева и Большакова. Пусть хранители музея расширят мой список, дополнив его фамилиями академиков, военачальников, ученых, инженеров, общественных деятелей, журналистов, художников, педагогов, краеведов и, конечно, главных друзей и гостей хлебосольного хозяина — рабочих уральских заводов.

Много светлых огней любви и уважения к родному краю зажег Бажов в душах людей. И эти огни неугасимы...

IV По Свердловску и его область. А может быть, он по ней. А вернее всего, они друг по другу, живущие не порознь, а в едином производственном, культурном и всяком другом взаимодействии большого, многоотраслевого хозяйства. Этому способствуют природные богатства области. Области, в большей степени вывозящей, следовательно, в меньшей степени зависящей от «импорта» из других областей.

Область хорошо обжита, особенно в ее центральном, Притагильском районе и южной части. В здешних лесах не заблудишься. Речка или железная дорога вас обязательно выведут к заводу, руднику, прииску или просто к населенному пункту. Здесь густая сеть межезаводских железных дорог. Мне кажется, она гуще, чем где-либо на Урале. Без этих стальных путей трудно, да и невозможно представить себе работу предприятий, через которые проходят миллионы тонн руды, кокса, вспомогательных материалов, а потом это все уходит металлом, станками, машинами и прочими крупными, тяжелыми и громоздкими изделиями, для переброски которых самый распространенный в наши дни автомобильный транспорт слабоват и нерентабелен. Да и большие железнодорожные платформы тоже часто вынуждены доставлять по частям многое, что изготавливается в Свердловской области, и потом собирается на постоянном местожительстве. Просто ли перевезти, допустим, шагающий экскаватор, длина стрелы которого равна протяженности восьми-десяти

вагонов товарного поезда. А кабина экскаватора высотой в несколько этажей дома? И даже сама стальная шагающая нога нуждается перед транспортировкой в разборе и перевозке ее по «суставам».

Тяжелая индустрия стала куда весомее, чем она замышлялась в первые пятилетки. Тогда от нее требовалось дать станки, техническое оборудование «нормальных» заводов и фабрик. А теперь те же электрические станции городских предприятий стали сами по себе громадными городами. Да и заводы легкой промышленности тоже не ограничиваются станками умеренных размеров. Даже кондитерские фабрики, где все было миниатюрно, установили теперь автоматические линии длиной чуть ли не с бумагоделательную машину.

Самое лучшее представление о тяжелом машиностроении может дать только личное знакомство с ним. Такой старательный посредник, такой исчерпывающий пересказчик, каким является киноэкран, и тот может показать всего лишь примерную картину, не всегда позволяет представить масштабность изображенного, многого недосказывает нам.

Слова — гигантский, огромный, циклопический, невообразимый — все же только слова. Нужны какие-то наглядные сравнения, доступные всем. Я помню, когда мне, ребенку, говорили о царе-колоколе в Москве, я верил, что это очень большой колокол. Но какой именно, я представлял лишь смутно. На открытке он был величиной с перевернутую чайную чашку. Когда же мне сказали, что в отверстие выбитого звена колокола может въехать тройка и, повернувшись внутри колокола, выехать обратно — комментарии уже не требовались. И это очень преувеличенное, не соответствующее истине сравнение я запомнил на всю жизнь.

Подобные лаконичные сравнения нужно находить, рассказывая о нашей тяжелой промышленности, и сравнения не только размерные, но и всякие другие. Это кажется простым, а как дойдешь до этой простоты, она оказывается невозможно трудной, и ты прибегаешь к словам, не большим, а скорее громоздким. И начинается: площадь цеха равна стольким-то гектарам, а высота стольким-то этажам. А потом перечитаешь написанное и видишь, что красок изведено много, а картина не нарисована.

Это все говорится для самообороны на подступах к Тагилу, второму городу Свердловской области и единственному в стране, городу, где скрестились все лучи истории нашей промышленности, ее настоящего и будущего. В этом смысле город вполне можно назвать арсеналом и хранителем трудовой славы, городом исканий и находок, которые скажутся и в ближайшее время и в далекие времена.

У Тагил я знал в его бытность Нижне-Тагильским заводом, когда он еще принадлежал легкомысленным вырождакам, покинувшим свою землю и бездумно сменившим фамилию отцов, сохранившуюся в истории России, на опереточно звучащий титул князей Сан-Донато, купленный по сходной цене на тагильские деньги в землях, торгующих всем, вплоть до бумаг на отпущение грехов.

Нижне-Тагильский завод тогда был серым, деревянным, как и большинство рабочих поселков. Доменные карликовые печи, прозванные демидовскими самоварами, загружались вручную, тачками. А Высокогорскому железнору руднику в те годы еще и не

снилось, каким он будет через несколько десятилетий.

Только центр Нижнего Тагила выделялся из общей приземистости. Здесь кирпичные дома, некоторые с колоннами под «ампир». Здесь главное управление демидовских — сан-донатовских заводов, дома заводской администрации. Там же внук первого Демидова воздвиг памятник своему предку. Смешной, напыщенный, эклектический, он стоял недалеко от памятника батюшке-царю-«освободителю» Александру II. Их, разумеется, снесли, зато сохранился доподлинный памятник демидовщине — тюрьма. Это, кажется, единственная на Урале тюрьма частной принадлежности, куда сажался кабальный рабочий люд без суда и следствия.

И между тем в истории Тагила была первая в России железная дорога, первый русский паровоз, созданный талантливыми самородками из крепостных, отцом и сыном Черепановыми. Здесь применялось первое горячее дутье в доменных печах. Началась выплавка ферромарганца. Появились воздухоудная паровая машина, вододействующие молоты и молоты паровые. Был создан первый «земляной механизм», предок экскаватора, была испробована листопрокатная машина и многое другое, что для тех лет было превеликим новшеством. Но все эти талантливые изобретения и открытия появились якобы «невоблаговремение», как и асбест, как первая уфимская нефть.

Неслыханные по тем временам демидовские капиталы позволяли совершенствовать заводы. Но этого не делалось. Капиталы шли по другим каналам. Нужно было выписывать итальянских мастеров и ставить самим себе памятники, увековечивать на полотне собственных персоны, строить дворцы в России и за границей и этим поддерживать репутацию купленного титу-

ла князей Сан-Донато. Тысячи пудов тагильского металла превращались в граммы мишуры, шли на оплату дорогостоящей челяди. Что-то стоили пиры и балы, приживальщики, приживальщицы, певуны, танцовщицы и... женихи. Женихов-то ведь тоже приходилось покупать, особенно родовитых.

До реконструкции ли своих заводов было отпрыскам энергичных, жестоких, но жизнедеятельных Никиты и Акинфия Демидовых. Эти отпрыски даже потеряли свой родной язык. И если они знали что-то по-русски, так только: «Пей-гуляй, в горе Высокой руды хватит».

Менялись годы, а изменений в Тагиле почти не происходило. И вдруг...

И вдруг лед тронулся. Начался великий промышленный переворот на Урале и, конечно, в Нижнем Тагиле. Первая пятилетка, вторая... Взлет за взлетом, завод за заводом. Реконструкция старых предприятий и возведение новых...

После нескольких лет разлуки с Нижним Тагилом я приехал сюда как иностранец. Мне нужно было спрашивать и узнавать. Появился не просто новый город, а новый промышленный район. Еще в поезде из окна вагона, подъезжая к Тагилу, я увидел красное зарево. Это печи отражали на небе свет пламени. И чем ближе к Тагилу, тем ярче огни.

Здравствуй, знаемый и незнаемый Тагил! Ты ли это, старый, знакомый, соединивший в себе облик уральских заводов и остававшийся так долго собирательным и типичным уголок прошлого Урала.

Я представлял, отправляясь в Тагил, что многое изменилось там, но все же это многое мне виделось куда в меньшем объеме.

Вот новый, совсем не похожий на прежние металлургический комбинат. Он устрашающе велик. Если прежняя домна в самом деле отдаленно напоминала большой каменный самовар, то теперь нужны иные сравнения и меры, которые не сразу найдешь. И само очертание домен совсем не доменное. Это скорее громадная стальная крепость, огнедышащее соединение закованных в сталь и замурованных в огнеупоры вулканов. Это и обслуживающие их внушительные по размерам механизмы, готовящие и заваливающие пищу прожорливым печам. Это беспрестанно курсирующие шлаковозные поезда. Здесь мало рабочих и много работающих агрегатов.

Таким же высокомеханизированным вырос и коксохимический завод, где каменный уголь превращается в пористое жаркое топливо — кокс.

И ты, как это ни обидно, чувствуешь себя «мальчиком с пальчик» на этом заводе, где и малое очень внушительно по размерам.

Хорошо бы здесь, где-то в уголке доменного цеха, поставить демидовскую домну. На погляд потомству, чтобы сравнить то, что было, и то, что есть.

Теперь на Уралвагонзавод.

Уральский вагоностроительный завод и новый город его имени больше старого Нижнего Тагила и по территории и по населению. И сам завод тоже хочется назвать городом, кварталами которого являются цеха, а улицами и площадями — прогалины между цехами.

У меня уже иссякли синонимы слов «великий», «громадный», «циклопический». И мне ничего не остается, кроме как собрать все эти слова воедино и определить ими размер Уралвагонзавода. Строители,

монтажники и те словно теряются, будто не верят воздвигнутому ими. А ты уж — вовсе. И все знаемое тобой, все виденное прежде стало как-то меньше. Ниже. Сутулее. Старее. Мельче.

Перебираешь здания, которыми ты восхищался. Вспоминаешь цех, в котором ты работал. Услужливая память рисует все самое большое, и оно не то, что выглядит теперь чем-то лилипутским, но не гуливерским, каким было еще так недавно. Кажется вчера.

Каждый из цехов Уралвагонзавода мог бы вместить некоторые из тех заводов, которые я знал с детства. Стоишь внутри цехового корпуса Уралвагонзавода, прикидываешь, сколько займет в нем места твой старый цех, соседний с ним механический, листопрокатный... И оказывается, что все они, тоже как и демидовская домна, могут разместиться в одном углу большого корпуса.

В голову приходит самое невероятное. Хочется в каком-то из перекрестков заводских прогалов повторить в тех же размерах одну из пирамид Египта. Скажем, Хеопса. Для этого при наличии многотысячного коллектива рабочих Уралвагонзавода не потребовалось бы и двух субботников. Тогда мне можно было бы не искать сравнений. У Тагильского «царь-колокола» появилась бы убедительная «тройка».

Тагил, став большим городом, рос от окраин к центру. Центр долго еще оставался оазисом ветхой старины в ореоле новых многоэтажных зданий. Но теперь центр города стал достойным своих окраин и во многом превзошел их.

«Мекка» уральской металлургии обрела свои дворцы и минареты, тенистые сады и залитые солнцем пло-

щади. И когда сокращенно пишется или печатается «Н. Тагил», то «Н» можно считать как начальную букву слова Новый, а не Нижний.

VI В городе больших и передовых предприятий, а их в Тагиле более пятидесяти, немало и передовых начинаний. В годы войны здесь зародилось знаменитое движение тысячников. Первым из них был фрезеровщик Уралвагонзавода Дмитрий Босый. Его дневная норма достигла 1480 процентов, то есть почти пятнадцати обычных норм за день. Я знавал этого совсем не богатыря, очень простого и общительного человека. Д. Ф. Босый вошел в историю, как и его последователь проходчик горы Высокой Иван Завертайло.

Токарь Уралвагонзавода Александр Нефедов доводил выполнение своей нормы до 2800 процентов. Это уже нечто небывалое в истории стахановского движения.

Незабываем и такой эпизод...

Патриарх известной в стране династии металлургов Коробовых Иван Григорьевич Коробов приехал на домну Нижне-Тагильского завода имени Куйбышева. Возле одной из печей он обратил внимание на ловкого, не боящегося огня горнового и захотел узнать фамилию этого «парня». И узнал: Фаиной Шаруновой звался этот горновой. Первый горновой — женщина. Коробов был потрясен. Впрочем, он ли один? Я не знаю, сколько потом появилось горновых женщин и появились ли они. Но я знаю, что у Фаины Шаруновой оказались тысячи последователей, женщин, ставших к станкам, овладевших профессиями, которые считались до этого главным образом мужскими.

Я назвал только трех рабочих из множества, но и по этим трем можно судить, хотя бы в общих чертах,— каким было это множество, из которого составилась рабочая трудовая гвардия Урала. Разве не из этой же гвардии Илларион Янкин — бурщик соседствующего с Тагилом Красногвардейского рудника города Красноуральска. Говоря о нем, мне не нужно заглядывать в подшивки старых газет. Я своими глазами видел и всем своим существом ощутил, что значит личность, интеллект рабочего.

Илларион Павлович Янкин дома приветлив, общителен и мил. В шахте это другой человек. Ему мешают даже молча любующиеся его работой. Его неторопливая стремительность поразительна. Его медлительную расчетливость, наверно, и следовало бы назвать главным в успехе бурщика. Глаза Иллариона Павловича, будто обладая особыми рентгеновскими свойствами, проглядывают толщу породы, и бур его перфоратора находит те главные точки, которые потом позволят взрывчатке взорвать втрое, вдвое, в семь раз больше, чем на других участках, в других камерах шахты.

Он работает несколькими перфораторами, и каждый перфоратор у него на слуху. И ты невольно сравниваешь, как другой, работая лишь двумя перфораторами, мечется от одного к другому и едва выполняет одну плановую норму.

Нет, цифры не нужны там, где ты видишь разительные результаты сделанного. Илларион Янкин за годы войны выработал камеры, равные театральным залам.

Вместе с Янкиным вспоминается Шура Степанова. Она превращает в медь то, что добыто под землей Ил-

ларионом Павловичем. Совсем еще молоденькая тогда Александра Федоровна и не думала о большой славе далеко не женской профессии плавильщицы. И она, видимо, как Янкин, как Босый и как все, кто добросовестно, вдумчиво и творчески относится к своей работе, подобно герою сказа Бажова «Живинка в деле», находит те «ловкие точки», которые позволяют с легкостью «расколоть» и даже самую сучковатую, упрямую «чурку».

Тут же можно вспомнить тагильского каменщика Павла Филипповича Шумилина. Он не был так знаменит, как Янкин или Босый, но он был «академиком» каменной кладки. Старик давно нашел свои «ловкие точки» и стены клал в шесть, в восемь и в десять раз быстрее других. Работать одному за семерых, а то и более, это значит заменить собою большую бригаду.

Одно только наблюдение за работой Шумилина, говорили каменщики, повышало их квалификацию.

Мы на собраниях, в газетах, в книгах пламенно и восторженно рассказываем о героях рабочих. Это правильно и заслуженно. Но мы очень редко, с какой-то оглядкой, будто боясь жупела «местнического вождизма», говорим о партийных рабочих, подменяя имена названием комитетов: обком, горком, райком.

Однако каждый из этих комитетов состоит из людей с именами, фамилиями, характерами, достоинствами и недостатками. От них и зависит работа комитета. Зависит она и от первого секретаря.

Об одном из первых секретарей мне хотелось бы рассказать в ряду тех, кого я уже называл. Имя его Евгений Федорович Колышев. Он был секретарем Та-

гильского городского комитета партии во время войны.

Он был ровен, спокоен в разговоре, даже если этот разговор шел о решающе-важном. Для кого-то он выглядел даже медлительным, и мне, всегда спешащему и торопливому человеку, приходилось сдерживать себя при встречах и беседах с Евгением Федоровичем. А он будто показывал собеседнику, что поспешность не самый быстрый способ решения дел.

Колышев, холодноватый внешне, был партийным работником с большим и горячим сердцем, богатым внутренним миром, человеком, которому до всего есть дело.

В его поле зрения были и задувка новой доменной печи в Тагиле, и текущие дела, и нужды картинной галереи. Телефонный звонок из Ставки Верховного командования не заглушал повседневных, иногда совсем малозначащих звонков, на которые отвечал тот же ровный голос первого секретаря горкома.

Мы удивлялись, как этот неторопливый человек так много успевает сделать в годы, когда все кипело, когда часы решали год. И теперь мне кажется, что природа успехов Колышева заключалась в умении замечать «главные точки» опоры и находить основные звенья цепи, которые позволяют вытянуть всю цепь.

Ведь Босый, Завертайло и другие могли бы остаться энтузиастами-одиночками, если бы партийные организации и их руководители, подобные Колышеву, вовремя не увидели в них точки опоры, основные звенья большой цепи и не сделали бы успехи единиц достоянием сотен тысяч, может, победы в тылу дались бы нам значительно труднее.

Евгений Федорович Колышев тоже один из многих. Его исключительность не исключение. И если я на этих страницах называю только его, это вовсе не значит, что я говорю только о нем, и только о годах войны...

Жизнь продолжается, и за каждым ее успехом стоят имена коммунистов, партийных деятелей, дела которых, хотя и безымянны, но зримы, реальны и неувядаемы...

VII Нижний Тагил и теперь остается городом, во-бравшим и соединившим в себе облики многих заново построенных и перестроенных городов Среднего Урала.

Таков Первоуральск, выросший на месте деревни Шайтанки и прославившийся прокатом труб, и Каменск-Уральский, исток могучей алюминиевой реки, оказавшейся чуть ли не единственной в годы Отечественной войны.

И Краснотурьинск, Асбест, Серов, Невьянск, Ревда, Алапаевск, каждый из них на свое лицо, но, как дети одной матери, эти города схожи многими чертами. Все они питомцы последних двух-трех десятилетий нашего советского полувека.

Примечательна история города Тавды. Она вся на памяти одного поколения. В 1916 году к поселку с одной лесопилкой подошла железная дорога, и с этого все началось. Первая лесопилка могла бы стать эмблемой города переработки леса. Переработки в ценнейшие товарные экспортные пиломатериалы, в мебель, сборные дома, в фанеру. Фанера — это гордость города, его престиж, широкая известность и самый ходовой

из самых ходовых современных материалов. Будем откровенны, слово «фанера» нами произносится не с таким уважением, как слово «ткань», как, скажем, «паркет» или «линолеум». Мы забываем, какое множество вещей обязано своим рождением фанере.

Очень популярная деревоплита, спрессованная из отходов, стала общепризнанным строительным и отделочным материалом. И наконец, опилки, превращенные в гидролизный спирт, в кормовые дрожжи, тоже главы повести о том, как, начиная с лесопилки, тавдинцы завязывали промышленный узел, дающий дереву новую жизнь. И если все это показать в живых картинах, в людях, в лицах — чем не повесть. Дождется и Тавда своего места на книжной полке. Найдутся и в Тавде, в Ревде, в Красноуральске, Дегтярске, Арамиле, Ивделе, Туринске, Таборах благодарные сыны и дочери, которые так расскажут о своих родных местах, как ни один заезжий литератор. Больше придет само-собой, рождаясь из недовольства меньшим. И это будет очень хорошо. Хорошо ничуть не менее, чем то, что произошло в притче, которую я вам предложу в виде концовки этой тетради.

* * *

Один старый старик старыми руками расколол надвое сосновую чурку, сбил половинки горб с горбом, и получилась скамейка. И кто ни присядет на нее, добрыми словами старика поминует.

Но нашлись и такие, которые клянмя-клянут занозистую, нескладную, неотесанную самоделщину. Кляли они ее так, кляли да и на дрова рас-

пилили. Новую смастерили. Хорошую, настоящую придорожную скамью. Гладкую. Загогулистую. С выгибной спинкой. И кто ни пройдет мимо, обязательно посидит на ней. Посидит и старика похвалит:

— Ну, что за хитрец-мудрец старый гриб. Какую он красоту своей неказистой скамейкой молодым ребятам подсказал.

Бывает и так...

ДЕВЯТАЯ ТЕТРАДЬ

I   Когда говорят о России,
Я вижу свой синий Урал,
Как девочки,
Сосны босые
Сбегают с подоблачных скал.
В лугах,
На ковровых просторах,
Среди плодоносных полей
Лежат голубые озера
Осколками древних морей,
Богаче, чем краски рассвета,
Светлее, чем звездный узор,
Земные огни самоцветов
В торжественном сумраке гор.

Как хорошо, когда в соавторы можно привлечь поэта. Людмила Татьяничева в четырнадцати строках сказала то, что у меня не уложилось бы на нескольких страницах.

Челябинская область, которой предпосланы эти стихи, относится к Южному Уралу, как и ее западная соседка Башкирия, которой была посвящена наша шестая тетрадь. Но до того, как начать знакомиться с челябинской землей, мы должны хотя бы очень коротко сказать о ее восточной соседке, Курганской области. Она, тяготея к Сибири, выделилась из челябинских просторов и в 1943 году начала свою самостоятельную жизнь.

Здесь по административной границе областей проходит как бы и геологическая граница Урала и Сибири,

за которой уже почти нет типичных для Урала ископаемых, а только формовочные да стекольные пески, поваренная соль и глины. Может быть, и нехорошо поступил Южный Урал, не позаботившийся о рудном, угольном и всяком другом приданом, выделяя свою дочь. Но еще не известно, что таится в неразведанных глубинах области. Не всякое наследство лежит на поверхности.

На территории Курганской области есть свое машиностроение, станкостроение и третий передел черной металлургии — прокат. Это все на уральском металле. Ему же обязаны и заводы, производящие сельскохозяйственные машины, машины полиграфические, автобусы, элеваторно-мельничное оборудование и деревообрабатывающие станки. Область славится и легкой промышленностью.

Курганская область хорошо восполняет Уралу недостающие продукты сельского хозяйства. Таким образом соседи остаются довольны друг другом, и дружба зиждется на взаимовыгодных началах. Можно предполагать, что близость Урала скажется еще больше на промышленности Курганской области.

А теперь, рассказав, что находится на востоке и западе от Челябинской области, можем вступить в ее пределы. В пределы наземные и подземные. Они стоят один другого. Точнее — они друг при друге. Не было бы у челябинцев так много удач и успехов на земле, если бы они не начинались под землей. Поэтому карту области было бы справедливым давать в двух плоскостях: наземной и подземной. Накладываясь одна на другую, они бы дали о ней наиболее полное представление. Где-где, а на Урале геология и география близки не только тремя первыми и двумя последними буквами, они нераз-

дельны настолько, что не всегда скажешь, где кончается одна и начинается другая. Живой пример тому гора Магнитная, название которой одновременно является понятием и географическим и геологическим.

Челябинская земля — огромное месторождение железных медноцинковых руд, золота, никеля, самоцветов, магнезита, талька, графита, мрамора, минерального топлива. И кажется, только изобилием нефти да газа не может похвалиться она, как, впрочем, и Свердловская область. Но на Урале ни за что нельзя ручаться. Сегодня нет, или слишком мало, а завтра — некуда деть.

Челябинский угольный бассейн сам по себе область в области. Он простирается на двести километров. Геологические запасы угля превосходят полтора миллиарда тонн. Не знаю, как для вас, но для меня этот вес трудно представим: думаю, что если бы Челябинский угольный бассейн мог подняться и, распрямившись во всю свою длину, стать на землю, то послужил бы опорной колонной для постоянно действующей космической станции.

Добыча челябинского угля похожа на выдачу готовой продукции оптовой топливной базой. Грузи из недр в самосвал и без пересадки — в топки.

Уголь называют иногда «хлебом» промышленности. Значит, Челябинскую область мы можем назвать и в этом отношении изобильно-хлебной. И этим «хлебом», скажу я, забегая вперед, кормятся топки могучих челябинских тепловых электростанций. А они в свою очередь, кроме множества подопечных предприятий области, питают, в частности, крупнейший в стране Электрометаллургический комбинат в Челябинске.

Челябинские электрические станции вырабатывают ежегодно более 20 миллиардов киловатт-часов электро-

энергии. Это тоже малопредставимая цифра. Зато если мы скажем, что все электрические станции на территории бывшей Челябинской губернии в 1913 году вырабатывали энергии столько же, сколько за один час (час, а не год) вырабатывает только одна мощная турбина Троицкой электростанции, будет что с чем сравнить.

А в шахтах бассейна добывается угля в сто семьдесят раз больше, чем в том же 1913 году. Значит, шахтерам прошлого потребовалось бы сто семьдесят лет, чтобы выполнить годовую норму добычи бассейна. И еще для большей разительности сравнение: челябинские шахты, работая на уровне добычи 1913 года, могли бы завершить годовой план добычи наших дней только в 2083 году.

Область большой энергетики, первоклассных заводов могла бы оставаться знатной и богатой, если б она только добывала и продавала свои полезные ископаемые.

II Мы не касаемся челябинского золота, редких рудных и нерудных ценностей, иной раз под семью замками запертыми в каменных сейфах гор или рассеянных в песках, а иногда неожиданно сопутствующих различным рудам. Но мы не можем опустить чудес, которые в челябинской земле, как ни в какой другой, представлены обильно и разнообразно.

Здесь самая удивительная из коллекций природы. Единственный в мире естественный музей горных пород и минералов. Прошу извинить меня за то, что я так часто прибегаю к словам «единственный в мире», «самый большой или самый первый на земле». Это, наверно, нескромно звучит. Но ведь не я же придумал эту

нумерацию, и не мной сочинено фантастическое обилие и невообразимое разнообразие минералов в одном, сравнительно небольшом месте, именуемом Ильменские горы. На самом деле на земном шаре нет хотя бы похожей коллекции, позволю себе сказать, «букета каменных цветов», собранных со всех континентов планеты. Не случайно же Ильменские горы давнее место паломничества ученых всех стран.

Призову в свидетели П. П. Бажова. Уж он-то не был склонен к преувеличениям. Вот начало его сказа «Солнечный камень»:

«Против нашей Ильменской кладовухи, по всей земле, конечно, места не найдешь. Тут и спорить нечего, потому — на всяких языках про это записано: в Ильменских горах камни со всего света лежат».

Я отлично помню, как, вернувшись из Ильменских гор, восторженно рассказывала о них как о чуде Мариэтта Сергеевна Шагинян.

Многие сотни журнальных статей, научных трудов, ученых записок и публикаций, отдельных книг не дадут мне преувеличить: Ильменские горы могли бы называться минералогической столицей земного шара.

Мир камня не мой мир, но, соприкоснувшись с ним, невозможно не залюбоваться «солнечным» камнем и его собратом «лунным» камнем. Первый уводит вас в ясный день, глядя на второй, вы оказываетесь в серебряной ночи, где-то на берегу моря. Эти завораживающие камни не столь ценны, потому что они всего лишь, хотя и редкая, разновидность полевого шпата. Иное дело топазы, аквамарины, бериллы, фенакиты и другие самоцветы, ограненные рукой мастера, они становятся завидными украшениями.

Только один перечень экспонатов музея природы

мог бы стать куда большей книгой, чем эта. Ильменские камни заповедны. Заповедны потому, что еще в первые годы революции, в 1920 году, Советское правительство, обеспокоенное частыми и не бескорыстными посещениями некоторых «знатоков» камня, или, попросту скажем, хищных добытчиков, объявило Ильменские горы государственным минералогическим заповедником.

Теперь заповедник стал как бы автономной областью внутри области. Это республика охраняемой природы. Республика гор, лесов, рек и озер. У нее свои территориальные границы и даже визы-пропуска на право въезда. Законы республики строги.

Заповедник, возникнув как минералогический, вскоре стал заповедником лесным и озерным. Здесь много красивых озер с живописными заливами и «необитаемыми» островами. В заповедной республике свои заповедные речки: Няшевка, Черемшанка, Белая...

Оберегаемые горы, леса, луга и воды сохраняют и умножают мир животных и птиц. Теперь минералогический заповедник можно назвать и ботаническим. На его обширном пространстве произрастает свыше пятисот видов растений. Он стал и заповедником ихтиологическим. Рыбьим раем. И, уж конечно, раздолье здесь животным. Внутри заповедника свои пути сообщения, свои населенные пункты, научные учреждения, отраслевые службы, музей, библиотека... Большое хозяйство.

Ильменский заповедник имени В. И. Ленина — святыня, которую следует охранять, поддерживать, чтобы сберечь ее для поколений.

Мы очень часто забываем, что, создавая что-то, кажется, только для себя, для своего народа, создаем

в конечном итоге достояние человечества. Мой край никогда не был краем-собственником, краем-зажимщиком, скупым, стяжательским, самообогащающимся краем. Наоборот, это край завидной щедрости и доброты. С долетописных годин он дарил, давал, обогащал, начиная с мягкой рухляди — пушнины, цветного камня. Нет, нет, я не хочу сводить счетов и кого-то в чем-то упрекать. Мой край всегда давал, потому что было что и есть что и еще будет что давать.

Дающая рука — не оскудевает. Урал не может оскудеть так же, как не может иссякнуть Волга. И я не собираюсь перечислять полученное от Урала населяющими земной шар. Мне только хочется, чтобы люди помнили то, что нельзя или хотя бы не следует забывать.

Ильменский заповедник с небольшим преувеличением можно назвать уменьшенной Челябинской областью. Она тоже по-своему заповедна, оставаясь самой красивой по своей природе на Урале. Это не в обиду одним, и не в похвалу другим.

III В самом деле, в Челябинской области все пейзажи Урала. И горы, превышающие полторы тысячи метров, и скальные образования, как на Чусовой и Вишере. Ленивые увалы, постепенно переходящие в еле заметное отлогое волнение пеноплена и, наконец, в равнинную ковыльную степь. Здесь на небольшой территории, вдвое меньшей Пермской области, в полтора раза — Оренбургской, то есть самой малой по площади области на Урале, прелестей хватило бы на две Швейцарии.

В Челябинской области до тысячи трехсот озер. Сос-

новые боры. Смешанные леса. Долины тихих рек. Буйство горных потоков. Богатые луга. Здесь можно встретить уголки средней полосы России и уголки Крыма. Всего лишь проехавший через Челябинскую область на поезде потом долго будет рассказывать о его красотах.

На Северном Урале есть ослепительные горные ландшафты. И Верхняя Кама тоже уникальная галерея картин. Но здесь, в Челябинской области, все гуще, собраннее, разнообразнее и... обжитее. Допустим такое слово. Дикая природа хороша не на длительное время.

Южно-уральский пейзаж очень оживляется жильем. И заводы, которые как будто противопоставлены зеленому миру, тоже органически вписываются в него. Может быть, это зависит от привычки. Но право же, когда у подножия огромнейшей горы дымит завод, и тут же зеркало пруда, это и есть типичнейший кусок уральской панорамы. И сам завод, каким бы большим он ни был, всего лишь малая часть огромного зеленого массива. И это окружение лесов, озер и гор главенствует над городами, а не прислуживает им.

Осевший здесь на два-три года не покидает этих мест. Из всех областей Урала в Челябинской области самая большая плотность населения: на квадратном километре живет примерно вдвое больше, чем в Пермской области. Наверно, этому есть свои особые объяснения, не связанные с красотами природы. Но я не беру на себя смелость утверждать, так это или нет, а только говорю о том, что есть.

При завидном разнообразии ископаемых Южного Урала, от белого скульптурного, мрамора до богатых залежей углей, главное богатство Челябинской земли — руда.

Кто не знает теперь гору Магнитную. Кому не известен порожденный ею крупнейший Магнитогорский металлургический комбинат и в свою очередь порожденный им Магнитогорск, это не самый большой город челябинской земли, но самый известный ее город.

Магнитогорск украшает собою и карту области, и карту Советского Союза, который строил его руками сынов и дочерей своих республик.

Мои строки не могут прибавить и грана славы Магнитогорску, воспетому на всех языках в литературе, прославленному в живописи, театре, скульптуре, кинематографе. В нашей стране нет газеты и журнала, на страницах которых не рассказывалось бы о Магнитогорске. Редкая судьба у этого города металлургов, где нет ничего от прошлого, кроме разве названия по имени его горы-матери.

При одном упоминании Магнитогорска встают картины нашего индустриального становления, подвиги строителей и особенно комсомольцев. Магнитогорск — родина героизма комсомольцев строителей.

Посмотрите в двенадцатой фотографической тетради, каким теперь стал этот город доменных и сталеплавильных печей. Город стали. Стали самой дешевой по себестоимости.

Только за последние три года получена прибыль, на которую можно построить второй такой же металлургический комбинат, да еще останутся деньги для банкета на миллион-два персон.

Это уже не та Магнитка, какая замышлялась в тридцатые годы. И не та механизация, которая тогда планировалась. И прибыли комбината растут главным образом за счет повышения производительности, внедрения нового в технике, и, конечно, автоматизации.

В обязательствах, взятых к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, металлурги Магнитки заверили, что дальнейшее техническое усовершенствование комбината позволит им высвободить тысячу рабочих для использования в новых строящихся цехах. На прибыль можно будет построить еще один металлургический завод, равный половине магнитогорского комбината.

Магнитка за пять лет вернет государству в полтора раза больше затраченного на нее. Сколько раз за время своего существования окупил себя Магнитогорский металлургический комбинат, если вспомнить, что он дал стране более 150 000 000 тонн стали. И если это «более» составляет всего лишь один миллион тонн, то его хватило бы для выполнения годовой программы немалого металлургического предприятия.

Если Ильмены — визитная карточка природы и недр Челябинской области, то Магнитогорский комбинат — главная цитадель ее металлургии. А ее металлургия, ее сталь составляют одну шестую часть выплавки стали всего Советского Союза, то есть каждая шестая тонна стали — челябинская тонна.

Вот вам и самая малая по территории уральская область. И как можно писать о ней спокойно, когда рука счастливо дрожит, перенося на бумагу цифры, ставшие ключом второго открытия Челябинской области, первой стальной области нашей страны.

IV Челябинскую область стальной можно назвать и потому, что машины, станки, металлоконструкции, трубы, тракторы, автомобили, дорожные машины и многое другое — в конечном счете тоже перевопло-

ценная сталь. Челябинская область соединяет все отрасли, составляющие тяжелую индустрию.

Сталь — главный материал современности, без которого нельзя представить и часа жизни. Пусть вы это знаете и без меня, но не бесполезно повторять истины, которые мы иногда забываем, а то и пренебрегаем ими.

Сталь стали рознь. И гвоздь — сталь, и лист кровельного железа тоже сталь, если принять во внимание, что практически железо в его чистом виде почти не имеет применения в промышленности. Из стали сделаны и фермы мостов, и швейные иглы, и коленчатые валы двигателей, и столовые ножи. Все это разные сорта стали. И лучшие из них не так распространены, хотя бы потому, что их не просто сварить. Сталевары прошлого держали в секрете рецепты и способы изготовления высококачественных сталей. Поэтому нельзя не считать заслугой златоустовских сталеваров, что они в начале прошлого столетия сварили сталь, не уступающую, а превосходящую хваленые иноземные стали. Эта сталь получила название булатной. Потому что из нее главным образом изготавливали холодное оружие. Таким образом, мы вправе считать челябинскую землю родиной лучшей стали. Златоустовские клинки стяжали мировую славу. В Златоусте были отлиты первые пушки из русской стали.

В болях и муках, в неустанных трудовых поисках Златоуст выплавил первую нержавеющую сталь, которая из его печей потекла по всему свету и повторилась множеством других плавильных печей.

Пьеса Николая Погодина «Поэма о топоре» посвящена златоустовской стали.

Нержавеющая сталь из ранга черного металла как

бы возвела себя в ранг, равный серебру, превосходя его мягкость своею твердостью. Никто сейчас не предпочтет серебряный корпус часов нержавеющей стали.

Знаменит Златоуст и мастерами гравировки по металлу, гравировки с золотой и серебряной насечкой, с травлением и воронением. Златоустовские мастера-миниатюристы на предметах небольших размеров развешивали баталии, охотничьи сцены, пейзажи.

Положим, эти ювелирные изделия — далеко не главное достоинство Златоуста, но все же яркий бриллиант в цельнокованом венце его вековой славы.

В наши дни Златоуст — город металлургов, машиностроителей, крупный поставщик инструментов.

Красавец город эффектно возлежит у подножия большой, округлой, поросшей хвойным лесом горы Косотур, на берегу старинного пруда, большого, как и все уральские пруды.

Может быть, здесь уместнее всего вставить несколько слов о прудах Урала. Слово «пруд» у живущих вне Урала обычно рождает представление о тихом зеркале воды, о ряске, лилиях, кувшинках, о камышах, нависшей иве и мирных карасях.

Заводские пруды Урала создавались, во-первых, во-вторых и в-третьих, как крупные хранилища главной силы заводов. Ею была падающая вода. Она давала энергию заводам, воздвигаемым, как правило, ниже плотины пруда. Вода приводила в движение прокатные, плющильные станы, мехи доменных печей...

Теперь от старых прудов не требуют трудов. Они как бы ушли на заслуженный отдых, остались только украшением да местом купания, рыбной ловли и лодочных прогулок. Это маленькие моря. И без такого мик-

роморя почти нет ни одного старого уральского завода. Златоуст тоже очень старый, но капитально омоложенный завод. Конечно, по выплавке стали его не сравнишь с Магнитогорским комбинатом, не сравнишь и с Челябинским металлургическим заводом, но все же в них его старая закалка.

Старые уральские заводы и в том числе небольшие и даже маленькие, нередко таят в себе драгоценные зерна искусного мастерства.

Авторы очень интересной коллективной книги о Челябинске озаглавленной его именем, рассказывают об одном таком уральском заводике.

Этот карлик появился в начале нашего столетия. Предприимчивые граф и графиня Мордвиновы, бароны Ропп и Шуппе (почти водевильно-опереточные фамилии) задумали погреть руки возле уральского огня. Это делали многие из высокопоставленных особ, когда их расходы превышали доходы или таковых вовсе не было.

Не все из них были удачливы. Многие «приходя по шерсть уходили стриженными».

А эти «роппы и шуппе» нащупали хорошую жилу. И не подалеку от нынешнего города Сатки, на реке Большая Сатка построили плотину и небольшой заводик. Капиталовложения были ничтожны, рабочие руки почти даровыми, а надежды колоссальными. Предпринимателям никак нельзя было отказать в изворотливости. Выислав талантливых плавильщиков, завод впервые в России в 1910 году выплавил первый ферросилиций. Здесь родились первые рабочие ферросплавщики, родоначальники династий Бисляриных, Тункиных. Маленький завод давал в год 500 тонн сплавов. Сейчас это не ахти какой вес, но тогда при ввозе

ферросплавов из-за границы 500 тонн, давали доход.

Теперь это известный завод ферросплавов. Здесь обучались молодые курсанты, командированные Челябинским электрометаллургическим комбинатом. Здесь читал лекции и одновременно учился Владимир Гусаров, будущий Герой Социалистического Труда и лауреат Ленинской премии, впоследствии ставший директором Челябинского электрометаллургического комбината.

Знал ли тогда Владимир Николаевич Гусаров, что будет значить этот завод для огромного электрометаллургического комбината Челябинска.

Смотрите, как важно в большой промышленности не забывать и о маленьком заводе. Рядом с ним первоучитель сталеплавильного дела Златоуст — старейший из патриархов Южного Урала.

У Так же очень небольшим был завод фирмы «Столь и К⁰». Полукустарные мастерские под громкой вывеской акционерного завода производили плуги. Завод дожил до первых лет революции. Нельзя было махнуть на него рукой. Им занялись. Дали ему имя большевика-подпольщика, героя гражданской войны, токаря этого завода Дмитрия Васильевича Колущенко. Завод стал производить конные молотилки, новые двухкорпусные плуги.

Реконструированный завод рос и стал выпускать сменные прессы, лесопосадочные машины. Появлялось новое оборудование.

Теперь это уважаемый современный завод, выпускающий дорожные машины: грейдеры, скреперы, бульдозеры. Я не знаю, живы ли потомки господ

Столлей. Если живы, им было бы на что посмотреть в Лейпциге, в Познани, Брно, Париже, в Дамаске, Монтевидео, Тегеране. Там демонстрировались дорожные машины завода имени Колющенко, широко известные в мире.

Завод имени Д. В. Колющенко не гигант, но типичное для Урала предприятие, которое при Советской власти и благодаря ей начало вторую полнокровную большую жизнь. Да, конечно, это не Челябинский станкостроительный завод имени Серго Орджоникидзе, изготавливающий станки и машины — от токарновинторезных станков, ветровых двигателей, мощных ковочно-штамповочных прессов и до лопастей самых больших в стране гидротурбин. Центнер не тонна, но и карат имеет свой вес.

Здесь действует давний мудрый критерий: «Прежде чем говорить, сколько у тебя гектаров, скажи, какой ты средний урожай снял с одного гектара».

Там же в черте города Челябинска красуется сверстник Уралмаша, Магнитогорского металлургического комбината, так же не нуждающийся в похвалах, — знаменитый ЧТЗ. Его тяжелые вездеходные гусеничные тракторы не затрудняют себя в выборе дорог. И таежная глухомань, и заболоченные равнины, снежные просторы Севера и льды Антарктиды — знакомые пути для сухопутных кораблей Челябинского тракторного завода. Кто и где не благодарил рабочих, инженеров, конструкторов этого завода. Кем теперь могут быть названы цифры вспаханных гектаров, перевезенных грузов, пройденных путей уральскими безрельсовыми локомотивами.

Как назвать такой трактор? Слоном? Он слишком маневрен, быстр для этого сравнения с уважаемым, но

весьма не уральским четвероногим богатырем. Да и трактору ЧТЗ, пожалуй, не нужны сравнения.

Тракторостроителям ЧТЗ жизнь каждый год дает новые поручения. Для тундр, например, нужны совсем иные тракторы, нежели для пустынь. И неустанное обновление машин, «профессионализация» их и увеличение выпуска вездеходов различных назначений и есть главное направление Челябинского тракторного завода.

Еще в начале 1940 года совсем юный завод выпустил из своих ворот стотысячный трактор, уже тогда, осуществив широко известную ленинскую мечту.

Прошло не так много времени, и с конвейера ЧТЗ сошел полумиллионный трактор. 500 000-й богатырь, равный по силе двум-трем средним, наиболее распространенным тракторам.

Более чем треть века, прожитая ЧТЗ, позволяет нам надеяться и верить, что прогрессия роста количества и качества тракторов ЧТЗ по-прежнему будет бурно возрастать.

VI У больших заводов на Урале всегда были и есть резервы. На всякий случай... Мало ли превратностей в мировой экономике. Ведь мы же не изолируемся от нее. Торгуем. Ввозим и вывозим. А торговля с капиталистическими странами всегда чревата сюрпризами.

Вспомним историю с трубами больших диаметров, которые мы ввозили из ФРГ.

И однажды канцлеру Аденауэру пришло в голову, что если он запретит ввоз труб больших диаметров в СССР, то этим сорвет прокладку газопроводов и, в ча-

стности, трансконтинентального газопровода «Дружба», крупнейшего в мире газопровода из Азии в Западную Европу. И вместе с этим, нанеся материальный ущерб, господин Аденауэр скомпрометирует Советский Союз. И вскоре без предупреждения на вывоз труб из ФРГ был наложен запрет.

Пища для писак и радиокомментаторов некоторых стран была обильной. Догадок — тьма. Прогнозов — уйма. Пророчеств — еще больше. Но...

Но вскоре стало известно, что в СССР взамен ввозимых труб делают такие же свои. Но как этому могли поверить те, кому положено не верить и любой ценой опровергать и неопровержимое. И снова в эфире зазвучали знакомые слова, что это коммунистическая пропаганда, провокационная ложь, маневр для снятия эмбарго на вывоз труб из ФРГ. И был предпринят корреспондентский рейд проверки с целью уличить нас.

Двенадцать журналистов появились на Челябинском трубопрокатном заводе. Это завод, который хочется назвать не употребляемым по отношению к предприятиям словом — талантливый. А именно это слово, а не какое-то другое (оперативный, передовой, новаторский), подходит для завода, рождающего чудеса и живущего творческим горением большого актива мастеров своего дела. Если вы помните, мы уже знакомились с Челябинским трубопрокатным заводом в начале этой книги.

Так вот, эта дюжина, эти двенадцать журналистов, появившись на Трубопрокатном заводе, были радушнейше, приветливейше встречены директором завода Я. П. Осадчим, главным инженером Т. Я. Ольховичем и многими из тех, кому было поручено показать, как трубопрокатчики преуспевают в изготовлении своих

труб большого диаметра. А показав, развенчать клевету буржуазных газет и доказать, что трубы не могут быть мифом, выдумкой нашей печати, если они трубы. Журналисты могли убедиться в количестве, качестве и технологии изготовления труб. Сходить на склад готовой продукции, чтобы увидеть, что это не показательный выпуск единичных труб, для видимости, а — серийный, освоенный.

И кажется, все было исчерпывающе ясно. Засекай время, требуемое на изготовление одной трубы, определяй по нему суточный выпуск, замеряй стенки, если надо, проверяй на прочность. Фотографируй. Спрашивай все, что тебе надо. Придирайся по самым сверхкачественным мировым стандартам. И кажется, уже не оставалось ничего не выясненного, не находилось вопроса, который можно было задать.

Трубопрокатчики расстались с приезжими журналистами, как с добрыми или хотя бы объективными свидетелями, которые расскажут и подтвердят в печати увиденное, пусть приглушенно, пусть критически, но в рамках того, что есть и что нельзя отрицать, потому что оно существует. Большого и не требовалось. Можно было предполагать, что кто-то скажет, что им не нравится цвет труб или подозрительно качество стали, наконец, сомнительна термическая обработка или что-то еще... Ведь надо же оправдать командировку...

Когда корреспонденты ехали в Челябинск, некоторые из них искренне верили, что на Трубопрокатном заводе нет того, что пишут о нем в советской печати. И наверно, еще в пути кто-то из них торопливо сочинял авансом статьи, чтобы по приезде на завод дополнить написанное недостающим и, не теряя драгоценных минут, телеграфировать о блефе. Но по приезде

этого нельзя было сделать, хотя бы потому, что, кроме этой «дюжины», на Трубопрокатном побывали другие люди из других стран. Поэтому западно-германским журналистам либо оставалось промолчать, либо «свести шило на мыло».

И только один из двенадцати журналистов объективно рассказал о виденном в своей книге.

О зарубежных корреспондентах и случае на Трубопрокатном заводе не стоило бы писать так много, если бы это было частным явлением, но на Урале сохранилось немало печальных воспоминаний о некоторых посланцах зарубежной прессы. Тех, что, гостя у нас, расточают восторги, похвалы, улыбки, а вернувшись в свой мир, хамелеонеют и мажут дегтем все, что видели.

И как бы ни были распространены эти хамелеоны, все же для времени и потомства останутся журналисты, такие, как Джон Рид и похожие на него, пусть очень отдаленно, в очень малой доле. Они не затеряются в памяти народа и в мировой журналистике.

VII Что же было сделано Челябинским трубопрокатным заводом после эмбарго, наложенного на вывоз труб из ФРГ.

Директор завода Я. П. Осадчий на памятной встрече с писателями в Челябинске рассказал, как за десять месяцев был построен новый сверхплановый цех площадью в восемьдесят тысяч квадратных метров. В восемь гектаров. На которых, позволю я себе пояснить, можно было бы возвести поселок в сто дач с садовыми участками по восемь соток каждый. За эти десять месяцев было смонтировано оборудование общим весом

десять тысяч тонн и уложено кабеля две тысячи километров. Одна двадцатая меридиана. И цех стал выпускать трубы диаметром 1020, а потом и 1220 миллиметров, внутри которых может нагнувшись пройти человек среднего роста.

Эти трубы легли в траншеи двухтысячекилометрового трубопровода Бухара—Урал и трансконтинентального газопровода «Дружба».

Достижения челябинских трубопрокатчиков справедливее назвать боевым подвигом заводского коллектива и так же справедливо отдать должное командованию. Конечно, полководец не побеждает без армии. Это бесспорно, как и то, что заслуги организаторов победы далеко не второстепенны.

Не переоценивая роль одаренных и талантливых командиров промышленности нашего времени, мы можем сказать, что Урал богат теперь и выдающимися, уважаемыми, признанными организаторами производств, корифеями отечественной промышленности, вышедшими из недр рабочего класса. Осадчий, в частности, был рабочим-забойщиком шахты. Он, как и Малофеев, глава Уралмаша, как и Гусаров, директор Челябинского электрометаллургического комбината, как и Лихачев, бывший директор Московского автозавода его имени (ЗИЛ), не какие-то исключения, а типичные представители промышленного генералитета, без которого невозможно представить индустрию нашей страны.

Мы живем в годы директоров — инженеров, ученых, мыслителей. И в этом не просто особенность наших предприятий, а обязательное условие их успеха.

Не выделяя Челябинский трубопрокатный завод среди его челябинских заводов-сограждан, таких,

как ЧМЗ — Челябинский металлургический завод, Миасский автозавод и другие, я беру характерное для них всех.

Новорожденный цех в 1968 году дал примерно 2200 километров труб. Общая протяженность труб, выпущенных в 1969 году, могла бы составить газопровод от Челябинска до Орла. А далеко ли за Орел, пока не скажешь. Планы всегда перевыполняются. Но во всех случаях, если только один цех одного трубного уральского завода дает по трансконтинентальному газопроводу в год, мы можем судить о масштабах производства других заводов, растущих в тех же, а иногда и больших темпах.

Может быть, я утомляю вас цифрами, но как без них можно показать и оценить объем работы и роста заводов и городов.

Только за годы семилетки в Челябинской области построено и сдано в эксплуатацию 410 новых промышленных объектов и цехов. Появился как бы новый второй индустриальный край, почти равный по объему производства Челябинской области 1959 года.

За эти же годы в области построено 11 миллионов квадратных метров жилья, что может быть приравнено к сооружению двух таких городов, как Челябинск.

Какая страна, когда, где на протяжении всей мировой истории знала такие темпы?

Челябинцы называют свою область самой передовой по темпам. Им трудно не поверить! Но если челябинцы назовут свою область, типично индустриальную область еще и богатой житницей, это удивит всякого, а кого-то заставит усомниться. Я был в числе таковых. Но цифры не любят вступать в дискуссию. Они либо отрицают, либо подтверждают сказанное.

Челябинская область за последнее время снимает валовые урожаи зерна примерно по двести миллионов пудов в год. В первый год пятилетки валовой сбор зерна составил 203,6 миллиона пудов. Более одной тонны на душу населения области. За три года этой пятилетки область продала государству более 300 миллионов пудов хлеба.

Выводы, как принято говорить в таких случаях, напрашиваются сами собой...

VIII Какую бы главу я ни завершал, о какой бы отрасли или области ни рассказывал, у меня каждый раз возникает чувство неловкости перед читающими эту книгу и перед виднейшими предприятиями, которых не оказалось на моих страницах. И я снова, переходя к самообороне, признаюсь в своей несостоятельности даже перечислить заслуживающие особых глав. Потому что в каждой области, как на большой выставке, где так много всего, и глаза, разбегаясь, хотят увидеть как можно больше, а могут задержать свое внимание на очень немногом.

Разве не следовало бы побывать на Челябинском цинковом электролитном заводе, выпускающем редкий металл индий, на заводе металлоконструкций, где рождаются радио-телевизионные мачты, остовы домен, мартенов, гидроэлектростанций. Этому заводу многим обязан Кремлевский дворец и Останкинский телецентр. Я принимаю и заслуженный упрек от Миасского завода, населяющего страну большегрузными автомобилями, и завода, выпускающего самые маленькие машины — машины времени — часы. И уж, конечно, я грешен перед Юрюзанским заводом, дающим более ста

тысяч холодильников в год, и перед радиозаводом, который 150 тысяч семей ежегодно делает обладателями радиоприемников и радиол.

И тем более кто-то, может быть, останется в обиде, если я не без боли в сердце расскажу об одном небольшом заводе все, что я думаю о нем, о его необычной судьбе и его будущем.

Речь пойдет о Каслинском заводе художественного литья.

Каслинские мастера отливали поразительные по изяществу творения прикладной и художественной скульптуры. Начиная с узорчатых канделябров, кружевных блюд, миниатюрных копий коней Клодта, тех, что украшают Аничков мост в Ленинграде, и кончая ювелирными поделками, которые обычно производятся из золота, платины, серебра. Это перстни, броши, серьги, ожерелья, табакерки, портсигары, пользовавшиеся большим спросом на рынках мира.

Кого не поражало волшебство приручения грубого чугуна до эластичной послушности благородных металлов! И в этом было чудо и, если хотите, прелесть каслинского литья. В Париже литой чугунный каслинский портсигар ходил в той же цене, что равный ему по весу серебряный.

Невероятной казалась отливка коней так, что был виден их волосяной покров. Шерстинка к шерстинке. Кто-то назовет это натурализмом, но в данном случае он переходит в изыск жанра. Жанра литья. Я хорошо помню чугунную табакерку-махорочницу с крышкой величиной немногим более спичечной коробки. На крышке изображены Демон и Тамара. Тамара отлита рельефно, Демон же проступает «эфирно» и бесплотно, как видение, и вместе с тем отчетливо, вплоть до

выражения лица. И это все, как я уже сказал, на площади размером в спичечную коробку.

Утонченность каслинского литья можно поставить рядом с искусством Палéха, которое в свое время спас от увядания Владимир Ильич Ленин.

У Каслей судьба оказалась иной. Нашлись деятели, которые решили подыскать для Каслинского завода более серьезное направление литья, нежели прежнее. И вскоре «достойное» направление было найдено — Каслям поручили отливать мясорубки.

Трудно представить, как негодовал Павел Петрович Бажов, когда в его дом была принесена мясорубка с той же знаменитой, но во много раз укрупненной и поставленной не скрытно, а на виду корпуса фабричной маркой — КАСЛИ.

И, видимо, как протест, как защита Каслей Бажовым был написан сказ «Чугунная бабушка». Сказ начинается так:

«Против наших каслинских мастеров по фигурному литью никто выстоять не мог. Сколько заводов кругом, а ни один ровень не поставишь».

Не знаю, этот ли сказ или многие письма в защиту искусства каслинского литья изменили ход событий.

Взамен мясорубок заводу поручили отливать чугунные ограды.

О периоде, когда клеймо, прославленное на выставках в Петербурге, Москве, в Вене, Париже, Филадельфии, Копенгагене, Стокгольме, ставилось на мясорубках, можно бы и не вспоминать, если б этот длительный антракт не сказался на возвращенном заводу художественном литье наших дней.

Прервалась нить преемственности волшебства.

И теперь, как рецидив привычки, точнее — «отвычки», стали появляться невзыскательные поделки.

Возьму одну из них — настольные часы.

Часы представляют собою две довольно крупные фигуры у скалы. Одна из них Данила-мастер, другая — Медной горы Хозяйка из «Малахитовой шкатулки» П. Бажова. Они не грубы для рядовой литейной мастерской. Но это уже не Демон и Тамара на старой табакерке, где все так талантливо, изящно, а здесь так чугунно-тяжело, что кажется, будто художественное мерило произведений Каслинского завода теперь заменено тоннажно-валовым мерилом.

Мастера ферросплавщики, наследники аносовской булатной стали Златоуста, его чудодеи не растеряли дедовское искусство, а, умножая его, несут дальше и поднимают выше. Творческая природа труда везде одна. И в плавке хитрых сталей, и в изготовлении стойких лаков, и в точности измерительных инструментов завода «Теплоприбор».

Однако, умеряя свою боль за Каслинский завод, следует сказать, что и теперь там появляется удачное литье по старым образцам, а нужно-то ведь новое.

Но чтобы давать новое на тех же высоких нотах звучания, нужно вернуться к старому скрипичному ключу: к тщательной, до скурпулезности, отливке Демона и Тамары; к знаменитой скульптуре «Чугунная бабушка» неграмотного мастера Василия Федоровича Торокина. Старуха прядет чугунную куделю, все в ней живет и дышит, вот-вот с ее уст спорхнет улыбка и бабушка заговорит...

Нет слов, некоторые каслинские поделки отображают и наши дни. Но, к сожалению, отображают вне своего жанра «подробного» литья, заставляющего лю-

боваться мельчайшими деталями и восторгаться емкостью малых объемов и плоскостей.

Повторять в чугуне то, что может быть отлито из рыхлого гипса или из хрупкого фарфора,— легкий путь. Старые каслинские мастера избрали трудный. Они главным образом отливали то, что не может быть отлито из рыхлых и хрупких материалов. В этом и заключалась самобытность прочного, долговечного литья из ковких чугунов.

Скажем, вздыбленный конь на двух точках опоры тонких ног, отлитый из фарфора, едва ли долго устоит. Наверно, он, не появившись на свет, рухнет в печи при обжиге. То же можно сказать и о скользящей на одном коньке танцовщице, о футболисте, забивающем мяч...

У всякого материала свой предел возможностей. И настоящий мастер всегда работает на этом пределе, а иногда и перешагивает через него, тем самым утверждая новый предел. О Каслях этого пока сказать нельзя. Многие отливки завода как бы дублируют гипсовые скульптуры.

И сам собой напрашивается вопрос: разумно ли упрощать в тяжелом чугуне то, что в другом материале оказывается дешевле, изящнее и лучше смотрится в цвете?

К слову о цвете. Черный чугун единственный ли на Урале металл? Под боком у Каслей нержавеющая сталь, новейшие сплавы. Рядом с Каслями знаменитые граверы Златоуста, которые не скрывают секретов воронения, оксидирования, бронзирования металлов, умения придавать им устойчивое цветное покрытие при помощи окислов, щелочей, солей, а также электролитическим путем. Разве не стоит подумать об этом?

Мир перенаселен чудесами науки, техники, искус-

ства. Бери из них любое и применяй в своем профиле и жанре.

Может быть, через год-два-три каслинское литье снова будет в ореоле национальной славы и так же, как челябинские ферросплавы, станет предметом большого экспорта. Тогда, конечно, эта глава окажется анахронизмом. Но все равно, я оставляю ее в моей книге, как напоминание о бережном отношении ко всякой, даже малой отрасли вдохновенного труда, не всегда повинной в своих изъятиях.

Можно ли обвинять розовый куст в том, что он стал плохо цвести, забывая, что ты его не поливал и пересадил в тень.

IX Свердловск, Тагил, Златоуст начались заводом, прудом, как и большинство старых городов-заводов. Челябинск начался крепостью, как город-страж. Потом он стал торговым перевальным пунктом.

Большое село с каменным центром, именовавшееся Челябинском, начало расти и развиваться с появлением Сибирской железной дороги. Характерны названия его грязных пригородов (почти по Некрасову): Грабиловка, Теребиловка, Колупаевка, Чертовы бараки, Мухоморовка...

Бывая в старом Челябинске, я не мог сравнить его с Екатеринбург, Пермью, Уфой того времени, даже с Тобольском. Это уже были города. А Челябинск еще пытался стать городом и пытался очень долго, а потом в годы первых пятилеток город начал быстро расти. Он становился крупным населенным центром, окруженным заводскими островами-городами, которые, разрастаясь, объединялись в единый город.

Рассказывать о росте Челябинска, значит, повторить в новой редакции уже известную историю стремительной метаморфозы Свердловска, а с ним и других городов Урала.

Теперь Челябинск — город тысячи двухсот улиц. Они могли бы назвать известные и уважаемые имена живущих на них героев, знатных людей города, выдающихся передовиков заводов, ученых, знаменитых сталеваров, конструкторов, машиностроителей, педагогов, писателей, артистов, художников, сынов славных рабочих династий коренных челябинцев и челябинцев-новоселов, жителей города рабочего класса, города тружеников.

Многие улицы города названы именами его славных сынов, незабываемых борцов за торжество и победу Советской власти на Урале, отдавших свою жизнь в Отечественную войну, и гвардейцев труда, беспримерных тружениц, юношей и подростков, доказавших верность Родине в цехах.

Названия районов города, его проспектов, площадей, улиц, парков, школ, библиотек, предприятий, как оглавление громадной тысячестраничной книги, которая хранит в народной памяти большие дела, незабываемые эпизоды, рассказы и воспоминания, исторические были из яркой жизни большого и славного города Урала.

Здесь рождался и мужал гений полководца Василия Константиновича Блюхера. Улицы хранят память о революционерах-большевиках: С. М. Цвиллинге и С. Я. Елькине, погибших в боях с дутовцами. Помнит Челябинск замученных и расстрелянных колчаковцами С. Кривую, З. Лобкова, Л. Лепешкова, Р. Костянскую, замученного белогвардейской контрразведкой Е. А. Ва-

сенко, зверски зарубленных Д. В. Колющенко, М. А. Болейко, В. И. Могильникова, П. Н. Тряскина, Ш. И. Гоziосского.

Эта хорошая традиция увековечивания славных имен сохраняется во всех городах Урала. Челябинск бережет память и живших в городе или родившихся в нем писателей: Юрия Либединского, Валерия Правдухина, Георгия Никифорова, Александра Завалишина и...

И совсем неожиданно в этом ряду стоит имя Ярослава Гашека. Он жил в Челябинске, был партийным работником, сражался бок о бок с нашими бойцами за Советскую власть. И как знать, может быть, в эти годы рождались замыслы всем известной повести о храбром солдате Швейке. Во всяком случае Урал был для Ярослава Гашека хорошей революционной школой и, скажем, не для него одного, оказавшихся здесь в годы империалистической войны.

В изобильно зеленом Челябинске, городе садов и парков, прямых магистралей, городе, где пролегли около двухсот километров трамвайных и троллейбусных путей, приходится уже сейчас заботиться о новых гражданах второго миллиона жителей. Поэтому фигура архитектора здесь куда более предпочтительна, нежели историка и даже литератора, описывающего современный город, находящийся в безостановочном изменении своего облика.

Челябинску легче было строиться, чем Свердловску, потому что его рост начался позднее, когда появилось больше техники, материалов и опыта в возведении больших архитектурных ансамблей. И к тому же больше было незастроенных площадей и легче — сносить деревянное наследие улиц.

Вот как пересказывают авторы коллективной книги

«Челябинск» беседу, состоявшуюся в архитектурном управлении города:

«...В отличие от прошлого наши города растут значительно быстрее и меняют свой облик буквально на глазах. В этом отличительная черта нашего Челябинска. Многие писатели — скажем, Бальзак, Диккенс, могли бы и сегодня часами бродить по улицам и переулкам Парижа и Лондона, и им не пришлось бы менять описания этих городов, по которым ходили их герои сто лет назад. А вот попробуйте перенести в наш город героев книги Юрия Либединского «Неделя», написанной в двадцатых годах в Челябинске. Вряд ли бы они узнали его сегодня».

Журналисты, описывающие такие города, как Челябинск, очень скоро превращаются в летописцев, а их книги в исторические справочники. Это очень хорошо для растущих городов и не очень перспективно для книг, которые начинают стареть в типографии. Но в городах Урала не мало остающегося неизменным. И если даже дома, построенные, что называется, на века, надстраиваются, расширяются, а иные сносятся, то памятники городов не уходят в Лету.

Челябинск и Свердловск богаты отличными памятниками. И вообще городам Урала есть что показать из монументальной скульптуры. И не только областные города, но и Тагил, Златоуст, Тобольск, города Оренбуржья могли бы украсить многие страницы альбома памятников Урала. Если бы уральское издательство взяло на себя труд составить хотя бы стилистичный альбом и показать миру, да что миру, хотя бы на первый случай гражданам своей страны памятники уральских городов. Памятники, куда менее известные тех, что украшают Москву, Ленинград, столицы республик и

города, наиболее часто посещаемые приезжими и приезжающими.

Многие ли видели памятники Свердловска: героям Великой Отечественной войны, воинам Уральского добровольческого корпуса, Якову Свердлову, Серго Орджоникидзе, комсомолу Урала, Павлику Морозову... Памятник отцу и сыну Черепановым в Нижнем Тагиле, памятник героям гражданской войны в поселке Красный Камень, памятник великому русскому металлургу П. П. Аносову в Златоусте, Т. Г. Шевченко в Орске, А. С. Пушкину в Оренбурге. Памятники танковому корпусу в нескольких уральских городах. В Уфе — памятник Салавату Юлаеву, монумент Дружбы. В Тобольске — памятник Менделееву. В Челябинске среди многих превосходных памятников есть памятник безымянному юноше-воину «Орленок». Глядя на него, думаешь и о комсомольцах — бойцах гражданской войны, и о молодогвардейцах Краснодона, и о молодых белорусских партизанах. «Орленок» — памятник многим комсомольцам, известным и неизвестным, павшим и живым.

Особо многочисленны и почитаемы памятники Владимиру Ильичу Ленину. Они почти в каждом городе Урала, на главных площадях, на территориях заводов, в совхозах и колхозах.

Но самыми дорогими памятниками Ленину есть и будут уральские заводы, от громадных и до самых малых. В каждом из них торжествующее ленинское учение, осуществившиеся его мечты, его труды, его бессмертие.

ДЕСЯТАЯ ТЕТРАДЬ

I Оренбуржье — самая южная область Урала. Здесь хребты постепенно переходят в увалы, холмы и, наконец, волнистые равнины, чтобы затеряться в Прикаспийской низменности, незримо продолжаясь в ней богатствами своих недр. Богатствами разведанными и предполагаемыми.

Оренбургская область огромна. Я не буду сравнивать ее размеры с территориями европейских государств. Не всякое сравнение идет на пользу. И все же нельзя умолчать, что крылья степного и лесостепного Оренбуржья с востока на запад распростерлись на семьсот пятьдесят километров. Эта протяженность составляет ни много ни мало, как примерно одну пятидесятую часть окружности земного шара.

Природа ничем не обидела область, если не считать воды. Дожди не частые ее гости. Снег — главный источник влаги плодородной оренбургской земли, а горячие ветры-суховеи — заклятые ее враги. Поэтому зеленый мир Оренбуржья своеобразен. Но и здесь, в царстве богатого разнотравья, сказывается Урал: леса стоят в поймах рек, ложбинах и балках. Богаче леса в предгорьях на севере области. Но есть и удивительные для края зеленые острова, такие, как Бузулукский бор, площадью превышающий сто тысяч гектаров и не останавливающийся в своем расширении.

В этом бору-заповеднике дружно сожительствуют

растения тайги, степи, тундры. Сосны трехсот лет от роду с десятиэтажный дом высотой соседствуют с ягелем, главным кормом северных оленей. Здесь прижились сибирские лиственницы, сюда перекочевали амурская акация, пихта и рядом с ними степная вишня, ковыль и полынь.

Где лес, там и звери. Пятнистые олени, лоси, барсуки, лисицы, куницы, хорьки, горностаи и, конечно, белки — постоянные жители бора. Лес особенно ценят там, где его мало. Любовь к лесу здесь, в краю иссушающих ветров, несравнима. Если у нас на Среднем Урале не всегда относятся бережно к дикорастущим друзьям всего живого, то здесь дерево не только друг, но и давний союзник в борьбе за устойчивое плодородие, против коварства и бессердечия континентального климата. И даже малая лесополоса сказывается в закромах добавочным зерном.

Наверно, недалеко то время, когда избыток влаги северных областей позволит создать лесное окружение богатым черноземным землям, составляющим четыре пятых территории области. Четыре пятых! Есть что и ради чего обводнять и озеленять в этой уменьшенной южно-уральской Украине. Так можно назвать Оренбуржье не только по его черноземным почвам и щедрому солнцу, но и по народонаселению, в котором украинцы по численности занимают второе место.

Продуваемая от края до края зимой леденящими, а летом испепеляющими ветрами, Оренбургская область справедливо считается одной из богатых житниц России. Житниц, дающих сотни миллионов пудов зерна. И каждый этот трудоемкий пуд стоит двух пудов тех областей, где милосерднее небо, чаще дожди и воль-

готнее климат. Вот что писал Лев Николаевич Толстой в одном из писем о поездке в Бузулук:

«...Я был приведен в ужас тем, что я видел: поля голые там, где сеяны пшеница, овес, просо, ячмень, лен, так что нельзя узнать, что посеяно».

С тех пор произошли большие перемены. Социалистический строй принес новую технику, и все же еще нужно многое изменять в природе.

В Оренбуржье теперь около двенадцати миллионов гектаров земли, используемой сельским хозяйством. Большая часть из них занята посевами и меньшая под лугами и пастбищами. Значит, это тоже не пустующая земля, коли на ней выпасаются и ею кормятся примерно пять миллионов животных.

Это не так мало для индустриального края.

Сейчас, наверно, уместнее всего для полноты картины напомнить, что не только Оренбуржье, но и все остальные области Урала, особенно Башкирия, Челябинская область, тоже выращивают зерно, технические культуры, овощи, разводят скот и птицу.

Пока не поздно, я должен признать свою вину перед колхозами и совхозами уральских областей и принести свои извинения труженикам сельского хозяйства за то, что я, увлеченный промышленностью, так мало сказал о земле-кормилице. И это произошло не потому, что я не преисполнен уважения к труду земледельца, животновода, птичника, чудодеев, выращивавших на Урале плодовые сады. К сожалению, я знаю меньше эти отрасли труда. Но все же мне памятли встречи с мастерами, умножающими урожай, выводящими новые породы продуктивных животных и птиц. Я видел белые тучи-стаи уток на уральских водоемах, стада коров, от горизонта до горизонта засеянные по-

ля... Мне приходилось знать колхозы, равные по территории большой волости. Меня всегда радовали новые люди деревни, отличающиеся от живущих в городах разве только местом жительства да особенностями труда. И обо всем этом у меня могли бы появиться колхозно-совхозные, сельскохозяйственные страницы. Но, к сожалению, как я уже не раз оправдывал свою ограниченность описываемого тем, что каждый рассказывает о том, что ему ближе и наиболее известно.

О сельском хозяйстве Урала, о его героях уже написано немало книг и еще будет написано. Я думаю, что каждый колхоз Урала таит в себе самобытную повесть. И если о нескольких из них кто-то расскажет крупно, старательно, со знанием дела, то это станет произведением о многих различных, но и схожих судьбах людей многих колхозов.

А я, выравнивая крен моего повествования в сторону промышленности, еще раз повторю сказанное. Индустриальный Урал при всех его семимильных шагах, росте и совершенствовании заводов не перестает оставаться краем прогрессирующего и наращающего свой «вал», свою продуктивность сельского хозяйства.

II Не кажется ли вам, что рассказавший о двух братьях, рассказывает о третьем меньше и короче. А о четвертом и пятом еще меньше. И это происходит не по злой воле рассказчика, а потому, что братья обычно похожи друг на друга, и нередко сказанное о первом брате повторяется во втором и тем более в третьем и четвертом. Поэтому рассказчик, избегая повторений, касается обычно только тех особенностей и

черт, которые отличают описываемого от предыдущих.

Оренбуржье ближе и роднее областям Урала, чем каким-либо другим. То же разностороннее изобилие полезных ископаемых, как рудных, так и нерудных, примерно та же промышленность, возникшая на их запасах. И может быть, правильнее было бы мне рассказывать о моем крае не по областям, а по отраслям, Но в этом случае нам пришлось бы делать броски на тысячу и более километров с юга на север и обратно.

Оставим все как написано и воздадим дань заводам Оренбургской области по месту их рождения и прописки.

Оренбуржье сравнительно долго пребывало в звании аграрной области. Его индустриальное превосходство сказалось наиболее выразительно в годы войны и после нее. Томящееся изобилие недр настоятельно потребовало выхода в большую жизнь, и экономика страны имела не только полную возможность помочь этому выходу, но и нуждалась в нем.

Наиболее громко и настойчиво заявили о себе знаменитые Орско-Халиловские легированные железные руды, в состав которых входил никель и хром, и они как бы явились подготовленным самой природой сырьем для выплавки легированных сталей. Руды подсказали возведение завода. И впоследствии возник большой Орско-Халиловский металлургический комбинат. Это гордость области, знатное предприятие Урала и страны. Но не одним черным металлом прославил себя область. Мне иногда кажется, что главной резиденцией сказочной Хозяйки Медной горы был не Средний Урал, а его юг. Именно здесь, задолго до начала нашей эры, она показала степным племенам медь. Археологи подтверждают своими находками медных серпов, то-

поров и украшений древность металлургии на территории нынешнего Оренбуржья. Позднейшие медеплавильщики даже сбывали медь в соседние земли.

Как же не назвать эту южную оконечность Урала исконной медной землей. Именем меди назван город — Медногорск, славящийся своим крупнейшим в СССР медно-сернистым комбинатом. Крупнейшим стало Гайское месторождение медноколчедановых руд, каждая девятая тонна которой первосортная медь. Толща его рудного пласта достигает семисот метров. Здесь справедливо называют эту находку медным кладом. Гайский горнообогатительный комбинат имени Ленинского комсомола — немалый приток могучей медной реки, гордости Урала и нашей Отчизны.

В мире сказок, кроме Хозяйки Медной горы, не много подземных хозяев, добрых и злых мифических существ. Здесь потребовалось бы их очень много, и одной Оренбургской писательской организации едва ли было бы под силу населить ими разнообразные и богатые недра родного края. Сколько бы понадобилось фантастических покровителей: руд, самоцветов, золота, серебра, хрома, никеля, кобальта, пирита, асфальтита, хризотил-асбеста, туфа, яшмы, мрамора, мела, гипса, угля, нефти, газа, горючих сланцев, каменной соли, серы, гранитов, и еще сорока-пятидесяти не названных даров самого Южного Урала. Зато у них есть настоящие хозяева и хозяйки — люди. Это надежнее...

Природные богатства, если не всегда, то чаще всего, как мы могли убедиться на протяжении всей этой книги, определяют отрасли промышленности. И естественно, что никелевые предприятия, такие, как Буруктальский никеле-кобальтовый комбинат, комбинат Южуралникель, поставщики ценнейшего металла находят-

ся здесь. Здесь рождены и рождаются предприятия, позволяющие добру, лежащему неслучайно миллионы лет праздно в земле, зажить в новом, иногда неузнаваемом естестве и служить людям.

Еще в 1937 году под городом Бугурусланом фонтанирующая нефть подсказала поиски глубокой девонской нефти. Теперь Оренбуржье становится районом большой нефти и еще большего газа и, конечно, нефти и газоперерабатывающей промышленности, заводов синтетического спирта, криолитового, резинотехнических изделий и сопутствующих им. И это лишь начало нового царства коричневой королевы и голубого принца. И дай им, как говорится, бог... Такие монархи не противопоказаны и при коммунизме.

Так одно за другим достижения и открытия накапливали силы и возможности для машиностроения. В области ковыля и овец, обреченной оставаться аграрной, развивать свою пищевую и легкую промышленность, родилась не только черная и цветная металлургия, своя энергетика и производство строительных материалов, но и машиностроение.

Южно-Уральский машиностроительный завод, завод «Гидропресс», «Уралэлектромотор» и другие дают теперь более четверти всей валовой промышленной продукции области. Это сотни видов новых машин, новых типов металлорежущих станков, доменного, сталеплавильного и прокатного оборудования.

III Город Оренбург, именем которого названа область, трижды закладывался на новых местах как крепость. Оренбург многострадальный город, начиная с крестьянской войны, поднятой Емельяном Пугаче-

вым, затем хищнической, подчас кровавой колонизации края и до гражданской войны, начатой белогвардейщиной.

Нынешний Оренбург — стремительно расширяющийся индустриальный центр юга Урала, у которого большое будущее. Будущее ближайших лет. Пока пишется, а затем печатается эта книга, в ней не достанет многих строк о том новом, рождающемся, за которым успевают только газеты да радио.

По сравнению с Челябинском, Пермью, Свердловском, Оренбург не велик по народонаселению, занимаемой им территории, и по некоторым другим признакам, которые принимаются во внимание описателями городов и статистиками.

Однако не всегда значимость и слава городов находятся в прямой зависимости от количества улиц, особенностей архитектуры домов, красоты памятников, парков и других градостроительных и коммунальных достижений, хотя они в общем весе и не малая гиря. И в этом отношении растущий Оренбург тоже никак не отстает от своих уральских коллег.

Наверно, я проявляю повышенный интерес к тому, кто жил, кто родился, кто побывал в уральских городах. Но как я могу не вспомнить, что сюда, по бездорожью, мучительным гужевым транспортом осенью 1833 года прибыл Александр Сергеевич Пушкин. Прибыл, чтобы побывать в местах, связанных с Емельяном Пугачевым, встретиться с жителями, помнившими пугачевские годы. Александр Сергеевич об этом впоследствии писал:

«Я посетил места, где произошли главные события эпохи, мной описанной, поверяя мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев и

вновь поверяя их дряхлеющую память исторической критикой».

Как забыть это, как обойти, говоря об Оренбурге и Оренбуржье, что отсюда вывезена Пушкиным прелестная повесть «Капитанская дочка», незаконченная «История Пугачева» и то многое, что сказалось в последующих поэтических произведениях поэта.

Здесь же Александр Сергеевич встретился с бессмертным собирателем слов российских Владимиром Ивановичем Далем. В те годы создатель первого большого «Толкового словаря» был чиновником военного Оренбургского губернаторства.

В Оренбурге учился и впоследствии бывал здесь поэт Гавриил Романович Державин. Бывал здесь и знаменитый поэт Василий Андреевич Жуковский, отдавший дань краю в своих записках о городах и крепостях Оренбуржья.

Множество страниц посвятил горам, степям и водам Оренбургской губернии певец южноуральской природы Сергей Тимофеевич Аксаков. Несколько лет его детства и многие годы зрелого возраста прошли в Оренбургской губернии. Оренбуржцы вправе называть Аксакова своим первым писателем, влюбленным в природу края, отдавшим ей столько тепла и вдохновения. Впрочем, с таким же правом называют своим писателем его, уроженца Уфы, жители Башкирии.

Из Оренбурга вывез свое первое, появившееся в печати произведение «Два дня в киргизской степи» Алексей Константинович Толстой. Здесь же начиналось детство прославленного баснописца земли русской Ивана Андреевича Крылова. Запечатлел свое пребывание и Владимир Галактионович Короленко известным очерком «У казаков».

Не добровольно приехал сюда Тарас Григорьевич Шевченко. Долгими были десять лет ссылки для великого кобзаря. Тяжелые впечатления вывез отсюда «рядовой» Шевченко, загнанный в отдаленнейший батальон Оренбургского корпуса. Изнуряющая муштра сменялась тюрьмой и тюрьма снова муштрой. Менее четырех лет прожил Тарас Григорьевич после ужасной ссылки.

Печальным было посещение Оренбурга Николаем Гавриловичем Чернышевским, возвращавшимся под жандармским конвоем из двадцатилетней ссылки.

Зло высмеял ухабинских (читай оренбургских) богатеев и чиновников ссыльный поэт-петрашевец Алексей Николаевич Плещеев.

Когда-нибудь кто-то напишет книгу о писателях, чьи имена и произведения связаны с Оренбургской областью. Эта книга должна быть интересной, подробной и большой. Если всего лишь пересказ страниц сборника «Орденоносное Оренбуржье» занял почти полную главу, то надо полагать, что расширенное документальное повествование может быть с выдержками из произведений классиков отечественной литературы, представит несомненный интерес для широкого круга читателей и для самого автора такой книги.

Это все опять между строк или как заметки на полях.

Лев Николаевич Толстой бывал здесь до десяти раз, проводил летние месяцы, полюбив первозданную красоту тогда еще сравнительно глухих степей. Живал он и в кочевой юрте и в собственном хуторе на реке Тана-лык. Эти края обогатили великого писателя и своей красотой и ужаснули засухой, нищетой и бесправием крестьянства. Именно здесь началась активная неприязнь

Толстого к помещичьему землевладению и порабощению мужика. Из написанного под впечатлением виденного здесь особенно характерен широко известный рассказ «Много ли человеку земли нужно».

Здесь Толстой не только идейно, но и практически расстался с иллюзиями помещичьей жизни, навсегда оставив свой хутор в бывшем Бузулукском уезде.

Для меня было совсем неожиданным, когда я узнал, что национальный герой татарского народа, поэт-воин, поэт-мученик Муса Джалиль родился в оренбургском селе Мустафино (ныне село Джалиль), учился в Оренбурге, работал в Орске, таким образом здесь протекали его детство и юность. Как тут не скажешь о необыкновенном стечении обстоятельств, связавших столько литературных имен с Оренбургом и его землей.

Люди умножают славу городов. Оренбуржье знаменито героями Советского Союза. Страна знает дважды Героя Советского Союза генерала А. И. Родимцева, уроженца села Шарлык. Прославили Оренбуржье Герои Советского Союза И. П. Горбунов, Н. И. Шелухин, орский рабочий А. М. Пузиков, танкист Гафьят Арасланов. Здесь вступил в комсомол, прошел военное обучение Александр Матросов.

Более ста семидесяти пяти воспитанников оренбургских военных училищ удостоены звания Героя Советского Союза. Рядом с ними стоят Герои Социалистического Труда, труженики заводов и полей, лауреаты Ленинской премии, передовые рабочие, гордость и цвет края.

Героизм и подвиги одиночек первых пятилеток стали в наши дни явлением массовым и повсеместным. При таком положении дел всегда трудно кого-то предпочесть и тем самым кого-то забыть, следовательно, оби-

деть. Раздумывая об этом, мне кажется, что главное состоит не в перечислении достойных имен, а в сознании невозможности назвать многие сотни и даже тысячи товарищей, прославивших себя. И эта невозможность должна не огорчать, а окрылять и воодушевлять нас.

IV В больших и серьезных разговорах о краях и городах неизбежно касаешься того самобытного, которое единственно в своем роде.

Вологодец никогда не забудет о вологодских кружевах и, конечно, о знаменитом вологодском масле. Житель Кирова хотя бы между строк назовет вятские игрушки, а свердловчанин камнерезов и гранильщиков.

У оренбуржцев тоже есть в большом караване своя изюминка, не потерявшаяся в крупных делах области и теперь.

Давным-давно в Оренбуржье возник вязальный промысел, порожденный особой породой пуховых коз, дающих тончайшее и легчайшее пуховое волокно. Из него после тщательной очистки, прочески начали прясть нити, а затем вязать шали. Теплые и легкие шали вскоре стали широко известны. Возник трудоемкий, но высоко оплачиваемый промысел пуховязальщиц. Оренбургские шали или платки вскоре стяжали мировую славу. Их заметил всезнающий Лондон и присудил в середине прошлого столетия медаль лучшей мастерице-пуховязальщице Марии Николаевне Усковой. На всероссийской художественной выставке 1882 года два оренбургских платка были оценены по сто рублей.

Спрос рождал предложение, и к 1910 году пуховя-

занием занималось более двадцати тысяч женщин, преимущественно крестьянок. Шаль стоила дорого. Ее цена равнялась стоимости коровы, а то и двух.

Я отлично помню, у нас в Прикамье говорили, как о событии, о купленной кем-то оренбургской шали. Большим шиком было повязаться оренбургской обновою, хвастнуть ее кружевной каймой, а затем легко уложить довольно большой платок в чайный стакан или продеть через обручальное кольцо и, наконец, встряхнув, показать его внушительные размеры.

Дорогая шаль требовала большого труда. На вязанье платка, по свидетельству знатоков этого дела, затрачивалось свыше двухсот пятидесяти часов. То есть месяц при десятичасовом рабочем дне, за вычетом воскресений. Теперь этим занимается машина, и эксперты говорят, что при этом новом способе вязки платок, не потеряв своих качеств, стал доступным по цене. За последние годы оренбургские платки экспонировались на многих зарубежных выставках и ярмарках, в том числе в Монреале. К сожалению, при ежегодном изготовлении платков в количестве около четверти миллиона штук, а теперь, наверно, уже больше, на сто миллионов женщин (скажем округленно) — не так много. Будем надеяться, что пуховых коз и вязальных предприятий будет больше. И не в одном Оренбуржье, столь же самобытным, как и весь мой родной край, изумительный от своеобразия малых-малостей до величия грандиозного...

Разве не грандиозно, например, что под самым Оренбургом, на так называемом Оренбуржском валу открыто газоконденсатное месторождение протяженностью более ста километров, запасы природного газа которого пока оцениваются в триллион кубометров. Это «по-

ка» — в 1969 году. Но если вы будете читать эти строки позднее, проверьте эту цифру, которая предусмотрительно предваряется словом — «пока», которым, как мне теперь кажется, было бы справедливым предупредить многие цифры, приведенные в этой книге. И это я вас покорнейше прошу иметь в виду. Самые достоверные подсчеты, выглядящие сегодня чуть ли не абсолютными, а иногда и оптимальными, завтра удваиваются, утраиваются, а то и удесятерятся. Это меня радует как гражданина и настораживает как автора книги, в которой нельзя обойтись без цифр.

Газета живет несколько дней, а книга по меньшей мере — годы. В этом ее превосходство и ограниченность возможности оставаться современной во всех отношениях. Как я могу не рассказать вам, что на первом этапе добычи новое газовое месторождение Оренбурга предполагает давать ежегодно 25—30 миллиардов кубических метров газа. Но как я могу поручиться, что этот «первый этап» сразу же не станет «третьим», а то и — «шестым». Это, как вы видите, не пуховые платки. Их выработка может быть предусмотрена точно или с небольшой погрешностью. С геологическими открытиями и находками дело обстоит, по меньшей мере, сложнее.

На этом я и закончу десятую тетрадь. Рассказывающий о новом, рождающемся и растущем, неизбежно идет по лестнице, у которой есть первая, вторая, третья... десятая... сороковая ступень, но нет и не будет — последней...

Это сравнение, может быть, и не оправдывает ограниченность авторских возможностей, но все же пытается объяснить их. Думая так, я невольно вспоминаю искренние и сердечные строки моего башкирского со-

брата по перу Гилемдара Рамазанова. Он свою уральскую поэму «Разговор гор» завершает таким лирическим признанием:

Одну лишь думу в сердце я носил,
Когда слагались мною эти главы —
Воспеть Урал,
                к венку бессмертной славы
Хотя б листок добавить, в меру сил.

ОДИННАДЦАТАЯ ТЕТРАДЬ

I Мы давно уже не обращались к сказке. Возьмем ее для запева этой тетради.
Итак...

* * *

Жил был богатый-пребогатый богач. На золоте сидел, золотом владел, золотом промышлял и золотом помышлял. Ничего, кроме золота, не видел и видеть не хотел. И прозвание этому богачу было тоже золотое — Золотов.

Расхвастался как-то Золотов на пиру, куда званы были не только господа да бары, но и люди трудового сословия. Промывщики, дробильщики, штегери-егери и вся прочая горная услуга. Дело-то у нас на Урале было, потому как в другом месте оно и быть не могло. Тут все чудеса.

Набражничался Золотов и свою старую похвальбу завел. Велел он казнохранителю золотишко принести и начал:

— Захочу и повелю этому золотому слитку ростом с улитку мраморной дивой стать, и станет. А захочу, заставлю его дорогим ковром под ноги лечь, и ляжет. А если вздумаю, могу его стоверным чудо-самоваром обернуть, и будет кипеть на весь свет, самоварные песни петь. Так ли?

— Так, так, господин Золотов,— поддакивают господа.

— Сущая правда,— подхрюкивают баре.

А промывщики, долбильщики, дробильщики, штегери-егери сидят, молчат, переглядываются, на широких лавках ерзают. Не по нутру им это все. Потому что они знают, что и к чему,— на каком дереве горячие шаньги растут, на каком кусте бублики зреют. И особливо знает про это все один из них, которого и сам Золотов побаивался. Потому что у этого неказистого горщика большая сила была. Словесная сила. И он мог так говорить, что говоримое им видимо было. Зримо. Он не просто сказывал, но и показывал. Заговорит про лес, и все оказываются в лесу. Про море начнет сказывать-показывать, так аж волны шипят, в лицо брызжут, хоть не утирайся.

Вот он-то и спросил Золотова:

— А можешь ли ты то, во что золото обернулось, обратно возвратить?

А тот:

— Что ж тут не мочь, коли всякая вещь продается и золото самим собой остается. Хочешь, копи его, хочешь, опять во что надо обертывай.

Тут наш сказчик-показчик покосился на своих и сказал Золотову:

— Тогда позволь показать тебе, что есть всем началам начало и всем силам сила и под кем само золото ходит. Налей всем и себе по чарке, а я тем часом хрустального дымца напущу и для пущей видимости ясноглядным светом его разбавлю.

Сказал он так, и вдруг все стало этак хрустально, слегка дымчато, а потом сквозь стены золотов-

ского дворца начал сквозной ясноглядный свет проступать. И все кругом как на ладошечке, как на блюдечке.

А он рассказывает-показывает и велит всему, что тут есть золотовского, не спеша обертываться в то, чем оно было. И тут же у всех на глазах дом лесами обставился, на леса кровельщики влезли, маляры подоспели, стекольщики пришли. Кровельщики крышу принялись раскрывать, маляры краску обратно в свои ведерки скрашивать, стекольщики рамы расстекливать, каменщики стены разбирать принялись, штукатуры — потолки расштукатуривать, паркетчики — полы распаркечивать. Возчики тоже, как и все прочие, назад пятками прибыли. Задками и телеги-дроги припятались. И ну всякие разные материалы грузить и по ихним месторождениям развозить.

Железо обратным путем в прокатные станы ушло, а потом через летки печей в домны влилось, рудой остыло. Засыпщики эту руду в Железную гору вернули. Рудокопы ее чин-чином в штольни сложили и штольни пустой породой засыпали. Каменные колонны с кудрявыми капителями каменотесы в дикий камень перетесали и каменоломням отдали. И так до последнего гвоздя назад, да вспять, будто само колесо жизни в другую сторону пошло: солнышко с заката восходит, на восход заходит, дожди обратно в тучи уходят, доски в бревна перепиливаются, бревна соснами воскрезают... А рассказчик-показчик не останавливается — ясноглядного света добавляет. И в конце концов все стало как было, когда ничего не было.

Голое место.

Остались только люди с всемогущими трудовыми руками, которые тут же, у всех на глазах начали золотеть. И до того солнечно зазолотели, что Золотов чуть не ослеп. А когда проморгался, понял, в чем сила сил. Ясногладно понял, но не признался в этом. Промолчал потому, что нечего было ответить золотому пауку на эту правду о начале всех начал.

II О золотых трудовых руках уральцев столько написано, порассказано, что невозможно не повториться. И все же именно рукам обязан современный Урал всем. Всем, что называлось, что прославлялось в этой книге, сделано, найдено, добыто трудолюбивым, закаленным уральским человеком, подвиги которого бессмертны, начиная с давних лет и кончая делами, уходящими в завтрашний день. Потому что Урал — это не прошлое и даже не настоящее, а главным образом будущее и для будущего.

Население Урала складывалось из людей, пришедших из разных концов нашей Отчизны. России, Украины, Белоруссии, осевших здесь так давно, что многие и забыли, откуда они родом.

Уральский народ — крепкий, работающий, творческий, ищущий. Таким его сделала сама природа и труд, требовавший неустанных исканий, усовершенствований и облегчений работы.

Подтверждение этому — вся история Урала и его техники.

То, что теперь называют трудовым воспитанием, на уральских заводах, в рабочих семьях — норма жизни, потребность юнцов. Такая же потребность, как игра,

общение с природой, купание, знакомство с окружающей средой. Плохо быть белоручкой в среде маленьких работяг. И я не хотел бы себе иного детства, нежели уральское, заводское, в которое я оглядываюсь всегда с благодарностью и признательностью.

Главную часть населения, по крайней мере на Среднем и Южном Урале, составляет рабочий класс. Сюда же я отношу заводскую инженерию, принимающую участие непосредственно в трудовом процессе цехов, заводов. И заводские служащие, к слову говоря, тоже близки к рабочему классу. Они варятся в одном котле, в одном трудовом порыве, их интересы настолько общи, что заводского служащего вполне можно назвать рабочим, по крайней мере по его внутреннему складу. И не случайно в трудные годы конторский стул на место у станка заводские служащие меняли легко и просто, как будто они переходили от одного стола к другому.

Пусть я ошибаюсь, но мне кажется, самые глубокие корни у рабочего класса на Урале. Когда еще не было и самих слов, рабочий класс, трудовой люд уральских заводов формировался в заводские коллективы (можете назвать их заводскими артелями) самим производством, общностью трудового процесса, зависимостью одиночки от коллектива и, наконец, общим социальным положением тружеников завода.

Правда, заводчики и не лишенные дальновидности начальники казенных и частных уральских заводов делали немало, для того чтобы направить рабочий люд в мелкособственническое полукрестьянское русло. В соглашательское болото.

Чтобы привязать пришлого или беглого, приписанного или свободного, казна и заводчики давали неболь-

шой земельный надел, помогали или вынуждали строиться, пустить свой дым в свою трубу, а затем обзавестись коровенкой, домашней птицей и другой живностью.

Когда есть земля под огород, как ее оставишь пустовать. Свой картофель, своя капуста, а там морковь, брюква, репа, горох, бобы и прочая «овощ» — постепенно привязывали труженика к заводу и этим убивали сразу двух зайцев. Прекращалась текучесть рабочих данного завода и снижалась оплата за труд.

Резон простой: у рабочего появилось им же выращенное, выкормленное продовольствие. И во всех случаях, пусть скудно, трудно, все же он своим домашним хозяйством восполнял недополученное на заводе. И как бы ни ухудшался его заработок на заводе, рабочему трудно было расстаться со своим домком, своей банькой, своим запасом овощей и своей коровой. Как это бросить все? Куда податься? Туда, где больше платят? Но больше ли в конечном итоге, если подсчитать, что дает свой огород, свой скот и свой дом, за жилье в котором не надо платить, как где-то там, где рубль длиннее, но дороже жизнь.

Были невероятные случаи, в которые трудно поверить человеку, не жившему и не варившемуся в этой среде. На отдельных заводах, рудниках, которым угрожал крах по причинам кризиса, закабаленные своим домом, своей коровой труженики добровольно шли на снижение заработной платы, лишь бы не дать закрыться своему «кормильцу». Лучше хоть что-то получать к своему мизерному достатку, чем ничего.

А заводы закрывались, и люди видели, что это значит.

Страшная картина, когда умолкал завод, переста-

вали дымиться трубы, оставалась безнадзорной плотина, пруд и безработные люди. Обжитые дома, унавоженные огороды, домашний скот не могли прокормить семью труженика без работы на заводе.

И всего лишь слух, ложный намек, что завод может быть закрыт, держал в страхе трудовое население от мала до велика. И кажется, при таких обстоятельствах было достаточно возможностей, чтобы оппортунизм свил здесь свои черные гнезда. И он их вил.

На Урале к концу прошлого столетия и начала нашего была создана подкармливаемая верхушка рабочего класса. Я знавал рабочих, у которых были большие многокомнатные дома, богатые надворные постройки, лошади и благополучие, превышающее чиновничье и даже поповское. Такие привилегированные мастера, удачливые «щегери», «драгеры» были не столь часты, но были. Из них впоследствии вырастали меньшевики, страшнейшие по своей ядовитости эсеры и даже... черносотенные монархисты.

Но не они управляли политической погодой Урала. Большинство рабочих, хотя и живущих своим домом, своей коровой, жили трудно, работали на износ, находясь под угрозой безработицы. И эту угрозу нужно было сбросить. Молодой российский капитализм рано усвоил теорию и практику то увеличения, то уменьшения армии безработных. И пополнить собой эту армию безработных было страшно.

Предельная техническая отсталость заводов, мизерная заработная плата, вдвое-втрое меньшая, чем на заводах юга и центра России, нескончаемо длинный рабочий день породили на Урале могучее рабочее движение.

Еще в середине XVIII века начались первые завод-

ские волнения и бунты, далекие предвестники организованного революционного выступления рабочего класса, как главной силы и авангарда нового общественного строя.

К 1905 году большевистские организации Урала по численности и политической вооруженности были в числе первых в стране. Годы реакции, годы первой империалистической войны закалили большевистское подполье. И в 1917 году уральское революционное движение было уже несокрушимым, хотя и не однородным. Свой дом и своя госпожа корова, «мелкопоместность» и ограниченность кругозора некоторой части рабочих сказались в годы революции и предоставили меньшевикам и эсерам возможность темнить ясный день.

Триумфальна была победа большевиков и торжество Советской власти на Урале.

Рабочий класс, преобразуя жизнь, преображал и себя.

III Инерция мышления, пожалуй, самая консервативная из всех инерций. Стойкость привычных суждений и представлений нам часто мешает поверить тому, что есть, и мы с трудом отказываемся от того, что было, что улеглось в сознании, врезалось в память. Наш добрый друг художественная литература, не желая того, помогает нам вчерашнее принимать за сегодняшнее. Это происходит потому, что мы нередко, читая роман, повесть, забываем о времени, которое они воспроизводят, и представляем людей минувшего нашими современниками. Это происходит тоже не всегда по нашей вине, а по силе впечатляемости литературных

образов и кажущегося постоянства их облика, трудовой деятельности. И особенно это относится к произведениям первых лет революции и даже первых пятилеток.

И теперь, когда мы обращаемся к искусству того времени, смотрим картину о строительстве Уралмаша, Магнитки, мы как бы дополнительно закрепляем наши старые представления. И более того, в том же кинематографе в новых картинах кое-когда прибегают к старому типуажу рабочего. Между тем ни один из слоев нашего общества не рос так стремительно быстро, как труженики заводов, фабрик, шахт.

В маленькой книге не сделаешь подробного обзора. Позвольте мне взять всего лишь один завод, похожий на многие заводы Урала.

Не так давно редакция газеты «Известия» поручила мне поехать на Уралмаш. Там нужно было встретиться, познакомиться с кузнецом Александром Матвеевичем Верещагиным и рассказать об этой встрече в газете.

Мы познакомились с Александром Матвеевичем Верещагиным у него дома. Меня встретил еще довольно молодой, приветливый человек, которого можно было принять и за преподавателя школы и за молодого врача.

Его биография началась в училище трудовых резервов, продолжилась на заводе, затем в армии и снова на заводе. Работая, продолжая образование, живя со всеми и для всех, Александр Матвеевич вышел в ряд передовых кузнецов, опережающих время и превышающих плановые нормы своего цеха. Не сам по себе, а вместе со своей бригадой он стал известен и уважаем на заводе. Передового бригадира-кузнеца, чуткого к лю-

дям человека Александра Матвеевича Верещагина избрали депутатом Верховного Совета СССР.

И вот я у него в кругу семьи.

Мы познакомились, и разговор начался с такой непринужденностью, как будто он меня знал и ждал. И чем ближе мы знакомились, тем я больше убеждался, что его биография — готовая повесть о рабочем шестидесятых годов. Измени только имя, место действия, и ты расскажешь о сотнях тысяч таких же, как он. И ты получишь письма из других мест, в которых спросят: «А как вы узнали о моей жизни, ведь мы же никогда не встречались с вами?»

Когда я думаю о современных рабочих, представленных в литературе, мои мысли всегда возвращаются к Верещагину. Я убежден, что записанная документально и переписанная творчески художественно жизнь рабочего, подобного Верещагину и окружающих его, станет тем литературным произведением, каких, к сожалению, недостает. Мне кажется, что эти произведения в самом недалеком будущем создадут их герои, рассказывая о себе, раскрывая свой духовный мир в третьем лице. Наверняка и теперь на заводах созрели писатели, не зная этого, не замечая, а иногда и не веря в свои силы. И один, может быть, незначительный толчок, какое-то скрещение обстоятельств, может быть недовольство чем-то прочитанным сделают свое дело, и сталевар или кузнец удивит литературу. Удивит так же, как было в первые годы революции, когда появилась плеяда советских писателей, пришедших из далеких от литературы профессий.

Но оставим пока этот разговор, чтобы продолжить его на других страницах. А теперь эпизод, не имеющий прямого отношения к Александру Матвеевичу Вереща-

гину, но все же отраженно характеризующий облик этого рабочего-кузнеца.

Как-то на один из уральских заводов пришли иностранные корреспонденты, чтобы познакомиться, увидеть, познать советских рабочих.

И это было сделано незамедлительно. Состоялась встреча, обмен мнениями, рассказы о себе, о своей работе. И все шло хорошо, предельно искренне, без утайки суждений, а корреспонденты остались недовольны. Они принялись уличать организаторов встречи в том, что им вместо рабочих завода подослали на пресс-конференцию хорошо подкованных и образованных инженеров.

В ответ на это уважаемых господ корреспондентов любезнейше попросили пожаловать на другой день в цеха. И там произошла новая встреча с теми же лицами у станков, у плавильных печей, у сложнейших агрегатов, на которых работали вчерашние знакомые.

IV Общеизвестно, что рост производительности труда — обязательное и главное условие благополучия и процветания промышленности, а с нею и всего народного хозяйства и всей страны. Позволю себе напомнить, что подымать производительность труда — означает делать больше, делать скорее, лучше и экономнее. Это азы. Азбучным является и то, что производительность зависит от работающего, от его умения, навыков и, конечно, желания делать больше, скорее, лучше и экономнее. Но для этого не всегда достаточно умения, навыков и желания. Особенно в наше время, когда рабочий из придатка станка, машины превратился в их повелителя. Придатку машины достаточ-

но было навыков, на то он и придаток. Повелителю необходимо куда больше. Ему нужно очень хорошо знать то, чем он повелевает. И знать не заостенело и непреложно «это так и только так», но и в развитии, в стремлении заставить машину, станок, печь, агрегат работать лучше, скорее, производительнее. А для этого всегда необходимы улучшения технологии, трудового процесса и самого помощника, а иногда и заместителя рук рабочего — машины. Этим, в частности, и отличается творческий труд от труда исполнительского.

Творческий труд предполагает не одно лишь воображение, не один лишь полет фантазии, но и знания, без которых даже хорошие замыслы могут остаться всего лишь благими стремлениями.

Производство всегда обогащает науку, а наука обогащает в свою очередь производство. Такому взаимодействию и обязан рост нашей промышленности.

Завершая эту затянувшуюся преамбулу, я могу перейти к подтверждению сказанного практикой жизни на примере Уралмаша. Там на опыте многих лет убедились в том, что наука должна быть не просто близка к производству, а принадлежать ему даже организационно, составив с ним единое целое. Рассуждая так, уралмашевцы создали свою заводскую «академию», свой научно-исследовательский институт тяжелого машиностроения, главой которого стал директор завода, а научными сотрудниками — практические работники Уралмаша.

Институт, названный сокращенно НИИтяжмаш, взял на себя изучение старых и разработку новых технологических процессов, позволяющих повышать производительность, проводить экспериментальные работы, создавать новые типы машин, оборудования для

металлургических заводов и всего, что производит и будет производить завод тяжелого машиностроения. НИИтяжмаш вобрал в себя ранее существовавшие на заводе конструкторские и технологические отделы, лаборатории и все тяготеющее к ним.

Теперь НИИтяжмаш — большое научное технико-технологическое объединение, в котором более полутора тысяч конструкторов, примерно столько же технологов и пятсот исследователей, не считая работающих на общественных началах рационализаторов, изобретателей, групп и бригад внедрения передового опыта, рабочих-новаторов и всех, кто стремится делать больше, скорее, лучше, экономнее. Эти четыре слова могли бы стать девизом НИИтяжмаша, его кратко выраженной программой деятельности.

Ученый, являющийся одновременно и производственником, сочетая теоретика и практика в одном лице, мне кажется новым типом сотрудника НИИтяжмаша, также нового по своей сущности научного учреждения, уходящего своими корнями в цеха, непосредственно к месту работы главной фигуры завода — рабочего. Мне кажется совсем немаловажным, когда корни древа науки непосредственно и каждодневно питают живительными соками завод, для блага которого растет, цветет и плодоносит оно.

В институте завода четыре доктора и двадцать восемь кандидатов технических наук. Это хорошо. К выходу моей книги цифры по всей вероятности окажутся преуменьшенными.

Кто эти ученые? Варяги? Нет!

Доктор технических наук Б. И. Сатовский — главный конструктор горнорудных машин Уралмаша. Доктор технических наук Г. А. Химич — главный конструктор

тор прокатного оборудования. Георгий Лукич Химич — создатель многих типов машин, одна из его работ — замечательная установка непрерывной разливки стали. Она многое убыстряет и улучшает в прокате. Он же заменил нашему знакомому кузнецу Верещагину его руки механическими руками — манипулятором. Георгий Лукич — коренной уралмашевец. Он впервые появился здесь на заре тяжелого машиностроения Урала. Не думал тогда молоденький новичок-чертежник, что будет порождено его рейсфедером и циркулем. В 1968 году доктор технических наук Химич избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. Посмотрите, каков трудовой путь чертежника.

Кандидаты технических наук Г. Л. Куруклис, П. И. Яшманов и другие исследователи, конструкторы, инженеры тоже занимаются наукой без отрыва от производства или в неразрывной связи с ним.

Наука, получившая постоянную прописку на заводе, неизбежно влияет на весь коллектив, вовлекая лучшие силы в орбиту своей деятельности. И многие рабочие Уралмаша, и не предполагая того, становятся «членами-корреспондентами» своей заводской «академии». И если к примеру, из многотысячного легиона передовиков я сформирую на этой странице малую рабочую когорту и выборочно назову отличных слесарей А. А. Колозова, Н. И. Коршунова, расточника Я. Д. Липина, рационализатора Н. А. Богомазова, формовщика Б. А. Бойко, зубореза А. В. Шахматова, токаря М. Н. Ефименко, не ошибусь, назвав их нештатными сотрудниками НИИтяжмаша. Каждый из этих передовых рабочих внес свою лепту, чем-то обогатил науку технического прогресса, зарождающегося в цехах под резцом токаря, в ударе молота, в разливе стали, про-

кате, сборке, монтаже, штамповке... Всюду, где господин машины, а не раба ее, пытливно ищет и подсказывает новое, для того чтобы оно, обогащенное наукой, снова вернулось в цех.

Но, чтобы найденное, преображенное наукой стало достоянием многих, необходимо, чтобы эти многие были способны освоить возвращенное им в новом качестве и лучшем виде. И здесь мы снова приходим к тому, что рабочий должен быть образованным человеком. Без этого невозможно осуществлять созданное наукой. Подтвердим вольным примером.

Предположим, что в начале этого столетия выдающиеся ученые и сверхгениальные инженеры сконструировали космический корабль. Не такой, как «Союз-4» или «Союз-5». А попроще. Примитивнее. То и в этом случае они не нашли бы во всем мире рабочих рук и предприятий, способных осуществить даже точнее вычерченное, идеально рассчитанное.

Это же самое можно сказать и о шагающих экскаваторах Уралмаша, если бы их захотели лет сорок тому назад перенести с чертежной доски в цех.

Вот поэтому общее образование, и тем более техническое, необходимо не только для общего развития и расширения кругозора, а является жизненной, производственной необходимостью промышленности и всего народного хозяйства.

V От каждого по способностям хотим получить мы.

И чем богаче способности труженика, тем больше получит от него общество. Значит, общество должно помогать этим способностям развиваться.

Исследования показали, что общее образование

рабочего имеет прямое отношение к освоению им новой техники, повышению квалификации. Интеллектуальный уровень неизбежно влияет на рабочего и уровень производительности его труда.

Учиться, повышать свои знания стало необходимо, внутренней потребностью большинства рабочих. На Урале трудно найти завод, который бы одновременно нельзя было назвать учебным заведением. Обучение предстало теперь в стольких видах, формах и способах, что кажется, и театр оказывается учителем, не говоря уж о литературе.

Очное, заочное, вечернее, воскресное, лекционное, семинарское, кружковое, индивидуальное, групповое... Дополните сами перечень разновидностей обучения, не позабыв при этом уроки по телевидению, радио, лекции в грамзаписи, учебные кинофильмы, магнитофонные пленки, альбомы-пособия и, наконец, нашу печать. Читающий газеты, журналы тоже учится, иногда и не замечая этого. Нередко бывает, что о цензе образования человека ошибочно судят только по количеству классов, оконченных им, а не по действительному, фактическому багажу знаний. И нечего удивляться, когда не закончивший десяти классов оказывается образованным человеком. И это особенно типично для уральских рабочих среднего поколения. Сама производственная работа тоже учит. Общение с товарищами, собрания, производственные конференции обогащают знаниями. Здесь каждый как бы является одновременно и учеником и учителем. Такой, впрочем, оказывается и вся жизнь.

Уралмашзавод в этом отношении универсален. Здесь все виды обучения. Беру справку из уралмашевских обязательств:

«К концу года число рабочих, учащихся в техникумах, институтах, увеличится до 2500 человек. Мы подготовим без отрыва от производства 850 инженеров и техников. В течение двух лет выпустим из старших классов школ рабочей молодежи 2680 производственников, доведем курсовое обучение рабочих, инженерно-технических работников и служащих до 15 тысяч человек».

За цифрами обучающихся на Уралмаше стоят люди. Вот еще одна справка.

«Высшее техническое образование без отрыва от производства получили: Н. И. Рыжков — ныне главный инженер завода, А. И. Волконский — главный сварщик завода, Л. М. Журавлев — заместитель директора, И. И. Волков, И. В. Серебряков — заместители начальников цехов, И. Г. Ляхов — начальник отдела организации производства, В. Н. Домешенко, А. Н. Лаврентьев — старшие мастера. Только за год пятьдесят мастеров завода окончили институты и техникумы».

Позвольте не комментировать процитированное, а оговориться еще раз, что я Уралмаш беру не потому, что это крупнейший или исключительный завод. Говоря об Уралмаше, я говорю и о Челябинском трубном заводе, и о Тагильском уралвагонзаводе, об Орско-Халиловском комбинате, о заводах Перми, Башкирии, о сотнях и тысячах предприятий Урала, который без преувеличения можно считать и краем массового обучения.

Если только в Свердловской области обучающихся в высших учебных заведениях и техникумах двести тысяч человек, то, наверно, эта же пропорция студентов к народонаселению приложима и к другим областям Урала. Не углубляясь в статистические выкладки, можно сказать, что учащиеся высших учебных заведе-

ний и техникумов могли образовать новую, густонаселенную область Урала и назвать ее — Студенческая, а ее города именем изучаемых отраслей знаний. Их было бы более ста. И самым большим, может быть, областным городом стал бы — Инженерск. И наверно, в гербе этой Студенческой области были бы соединены эмблемы науки, культуры и спорта. Относительно спорта возникло бы немало прений, а то и столкновений, нарушающих общественные нормы. Дело в том, что одни захотели бы в гербе увековечить футбольный мяч, другие — коньки, третьи — шайбу, четвертые — лыжи, пятые — теннисную ракетку. И так бы пошло-пошло, вплоть до копий, ядер, фехтовальных рапир, и кончилось бы умиротворением посредством применения боксерских перчаток.

После этой спортивной интермедии нашей главы у нас есть все основания поговорить об Урале и как о крае спорта и физической культуры, о крае чемпионов, арене спортивных соревнований.

Кому не известны Уктусские горы под Свердловском. Здесь побывали все флаги спортивных обществ. Здесь искали свои спортивные удачи спортсмены из дальних и ближних стран. Здесь появился первый в стране трамплин для прыжков на лыжах.

Свердловск его патриоты называют столицей русского зимнего спорта. Его одна из первых прославила на катках Европы Татьяна Карелина. Она передала эстафету своей славы широко известной не только в спортивных кругах чемпионке мира Римме Жуковой. «Золотая чета» конькобежцы Валентина и Борис Стенины увенчаны лаврами мировой известности. Чемпион Борис Стенин готовит теперь новых соискателей первенства на льду.

Свердловск не единственный на Урале город чемпионов. В Перми удостоены звания чемпионов СССР десятки спортсменов. Город прославили динамовка Н. Пуханова — чемпионка Европы по баскетболу среди девушек, парашютистка М. Можая, тяжелоатлет А. Гуляев — рекордсмены мира.

Теперь новые спортсмены Перми увенчали себя и свою область новыми венками триумфальных побед.

Для спортивной славы челябинцев достаточно назвать всего лишь одно имя. Впрочем, для большей объективности и для меньших упреков автора этих строк в избытке краевой восторженности пусть его назовет корреспондент американского агентства Юнайтед Пресс Интернейшл. Вот что им сказано:

«Одна советская спортсменка Лидия Скобликова завоевала больше медалей, чем мужская и женская команды Соединенных Штатов».

Здесь не убавишь, не прибавишь и ни буквы не вырubiшь.

Олимпийскую чемпионку Лидию Скобликову справедливо называют «королевой ледяной дорожки». Справедливым также будет сказать, что рядом с «королевой» в Челябинске есть «принцесса и принцы» и не одного лишь «королевства льда», но и смежных с ним.

Спорт из забавы скучающих и пресыщенных одинок прошлого стал всенародным. Общедоступным. Объединившим миллионы людей. И эта его многолюдность позволила выдвинуться наибольшему числу лучших из лучших.

Я помню, как однажды, году в десятом-одиннадцатом, группа чиновников одного из уральских заводов задумала играть в футбол. Был выписан из Москвы мяч. Чиновники сняли пиджаки, а затем принялись го-

нять по поляне «фут-бол», так они называли мяч. Ни навыков, ни знания правил у них не было. Но если бы и были, то можно ли было надеяться, что из этих сциганских единиц могли появиться мастера футбола. Нет. Это же можно повторить и о других видах спорта одиночек. Да его почти и не было тогда.

И только теперь из миллионов людей стало возможным появление поразительных мастеров, стяжавших мировую славу. Из ста жемчужин труднее отобрать пять крупнейших, нежели пятьдесят — из миллиона. Действует старый закон больших чисел. Закон вероятности.

А вероятность появления новых чемпионов у нас в стране — большая, чем где-либо. И снова подтвердим слова цифрами.

Только на одном Уралмашзаводе общество «Труд» объединяет 14 тысяч человек. Только в одном Свердловске — 22 стадиона, 685 спортивных площадок, 152 закрытых спортивных зала, 45 лыжных баз. В Челябинске добровольные общества насчитывают более двухсот тысяч физкультурников... Пусть эти примеры выборочны и случайны, но разве нельзя по горстям земли, взятым из разных мест поля, составить о нем представление. Хотя бы примерное.

VI Пословица говорит: «Делу — время, потехе — час».

Правда, у нас потехе отводится куда большее время, особенно после введения двух выходных дней в неделю.

Свободное время — большое завоевание нашего народа. Свободное время открывает двери во все миры — искусства, литературы, науки, спорта... Седлай любого

конька своего «хобби», предавайся любимому делу, используй с пользой счастливые часы досуга.

Уралмашзавод и его общественные организации делают все, чтобы свободное время не было пустым, бесцельно прожитым, убитым, пропитым, безнадежно потерянным, невозвратно сгубленным ни за что ни про что...

Одни афиши, объявления, приглашения говорят, как много предоставлено возможностей раскрыть свои дарования, способности, заняться тем, что влечет, и даже просто потанцевать, послушать музыку, сразиться на шахматной доске или показать себя и свое новое платье, а может быть, сшить его своими руками, научиться вязать, проверить свои музыкальные способности... Пожалуйста! Все к твоим услугам.

Может быть, тебя манило драматическое искусство — поддайся его соблазну. Во Дворце культуры создан народный театр. А если тебе ближе театр музыкальной комедии — он там же.

Может быть, тебе в школе мечтался балет. И он казался недостижимым. Напрасно. Балетная студия, как и вокальные классы, созданы и для тебя. Не страдай о якобы загубленном голосе. Если он есть, ты будешь петь. Мало ли певцов из самодеятельности переходили в оперные театры.

Нет, в наше время не может потеряться ни один талант. Для этого немало фильмов, которые обнаружат даже малые способности.

Ансамбль народной песни и танца, оркестр народных инструментов, камерный и эстрадный оркестры, хоровая капелла не пропустят твою одаренность, если она есть.

Но, может быть, у меня иные склонности, может

быть, ты очарован кинематографом. Снимай, снимайся, режиссируй, придумывай сценарии, уходи с головой в мир сказочного и самого волшебного искусства. И кто знает, может быть, с узкой пленки ты перейдешь на самую широкую, с экрана киностудии своего Дворца культуры — на мировой экран.

Я верю, что художники кисти, писатели далеко не всегда проходят через специальные учебные заведения. Разве студия живописи дворца, заводское литературное объединение не школа? Разве вышедшие из печати художественные произведения Г. Бокарева, О. Старостиной, А. Иванова, О. Калининцевой не принадлежат членам литературного объединения Уралмашзавода? Разве авторы книг о рабочей жизни, сталевар Д. Д. Сидоровский, кузнец Т. Л. Олейников, слесарь-лекальщик А. М. Чугунов, токарь Ф. И. Гуляев не рабочие коренных уральских профессий? А большинство именитых профессиональных писателей Свердловска, Перми, Челябинска, Уфы, Оренбурга, Тюмени разве появились в литературе не из литературных кружков, не из газетных редакций, где они пробовали свои силы, публиковали очерки, рассказы, стихотворения?

Пробуй и ты, коли чувствуешь в себе литературное призвание. И если ты не станешь писателем, то все равно твое пребывание в литературном кружке не будет праздным, оно скажется, обязательно скажется на твоём общем развитии, на расширении кругозора.

Может быть, вам кажется, что я излишне много строк в моей небольшой книжке отдаю досугу, кружкам, студиям, самодеятельности вообще. Но ведь это все для многих вторая треть жизни, если первой считать труд, а третьей — сон.

Свободное от работы время и борьба за разумное

его использование для себя и для общества требует не страниц, а книг. Мы научились работать, нам нужно научиться отдыхать. Это не очередная задача дня, а проблема многих лет. И чем больше будет у нас свободного времени, тем шире и глубже будет развиваться все то, что помогает человеку жить интереснее и полнее.

VII Теперь мне остается поблагодарить вас, прочитавших эту книгу, поблагодарить за внимание к ней, а затем еще раз признаться, что в моих тетрадях, к сожалению, не удалось запечатлеть больше, чем я сумел. Однако же...

Однако же я не ставил перед собой энциклопедических задач. Я буду рад, если мне посчастливилось заинтересовать вас и возбудить желание знать об Урале подробнее и глубже, а затем восполнить недописанное или упущенное мною более широким знакомством с краем. Он стоит этого.

Для Урала найдено много лестных сравнений, потому что, кроме всех его достоинств, мой край — удивительная призма. Призма, в спектре которой — все цвета, все краски жизни бесконечно любимой и дорогой России.

Наш друг поэт Л. Татьяничева сказала об этом выразительно и коротко:

Как солнце в драгоценной грани,
В Урале Русь отражена.

ДВЕНАДЦАТАЯ ТЕТРАДЬ
(фотографическая)

На границе
Европы и
Азии.

Характерный ландшафт Среднего Урала.

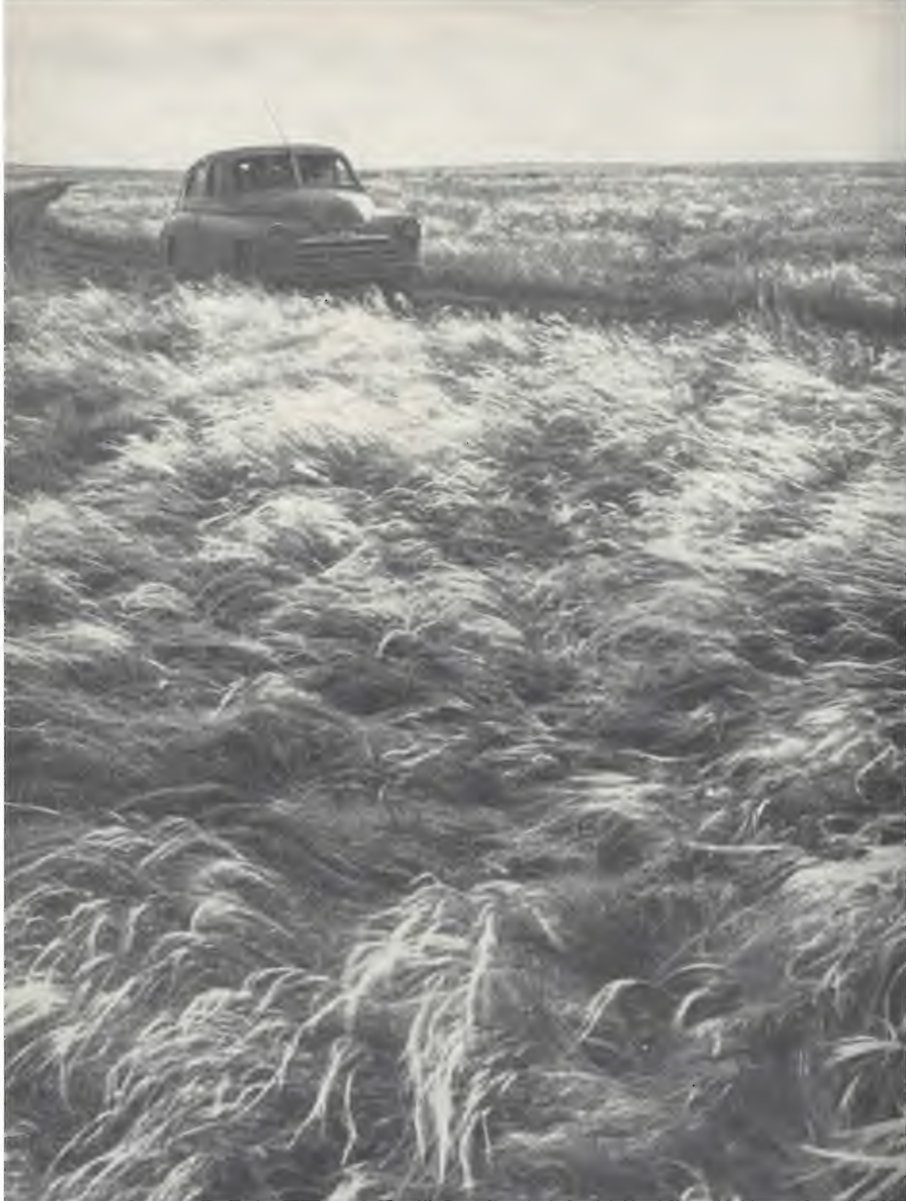
На Уральском Севере.

Заповедный Бузулукский бор. ➤

Урал это и
ковыльные
стечи.

...и скалы.

➤ Комсомольский проспект в Перми.

Новый мост через Каму.

Город-первенец первой пятилетки Магнитогорск.

Деталь памятника строителям города металлургов.

Так рождались первые домны
Магнитки.

Скульптурная композиция
«Первые комсомольцы-
строители Магнитки».

Таким был Нижний Тагил.

Так он выглядит теперь.

Новая улица Уфы — Коммунистическая. ➤

Проспект В. И. Ленина проходить через весь Свердловск.

Так добываются руды открытым способом. ➤

Драга...

←Ее могучие ковши...

И драгоценная добыча.

Челябинский металлургический завод.

Разлив металла.

На Копейском машиностроительном заводе им. Кирова.

«Уральский электромашиностроительный завод им. В. И. Ленина тоже имеет дело с большими машинами. Это будущий гидрогенератор.

Коксохимическая батарея Орско-Халиловского комбината.

Этот вал не самая большая деталь, обрабатываемая на Уралмаше.

Качканарский горнообогатительный комбинат.

Прядильный цех комбината шелковых тканей
в г. Чайковском.

Уфимский нефте-
перерабатывающий
завод.

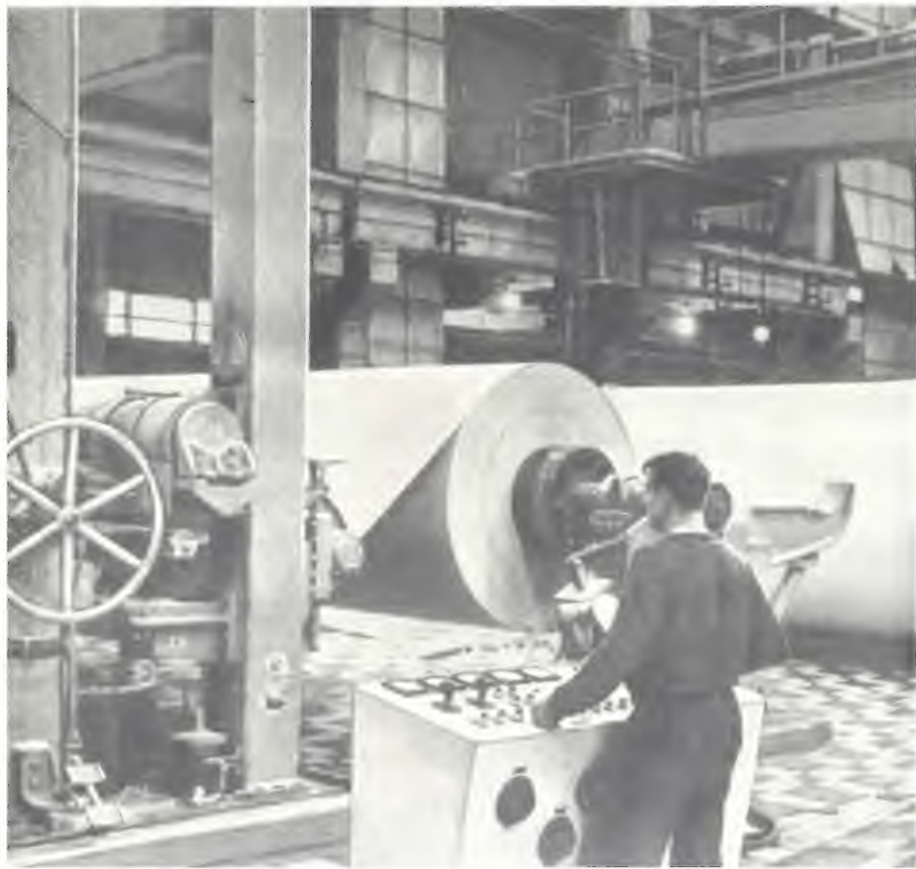
Челябинские богатыри перед отправкой в дальние края.

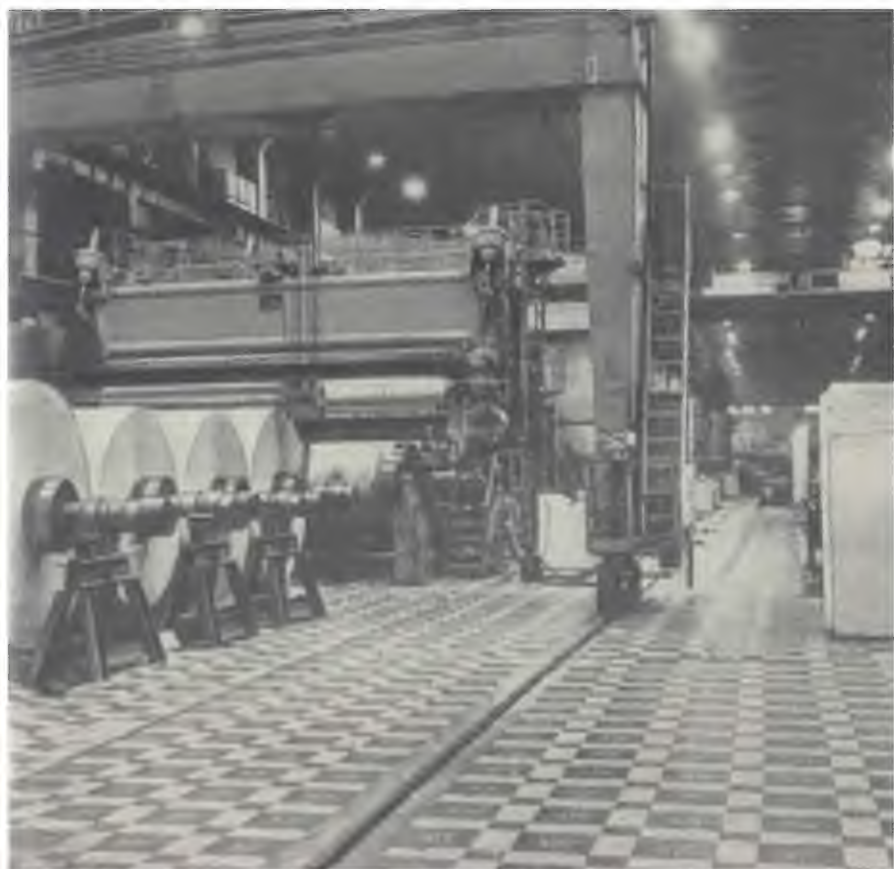

На Соликамском целлюлозно-бумажном комбинате.

Индустриальное Оренбуржье — богатая житница страны.

✦ Одно из зернохранилищ Оренбуржья.

Техническое училище Уралмаш-завода и его питомцы.

Уралмашевцы учатся в своем институте.

✦ Лаборатория-класс Пермского технического училища № 5.

В классе художественного училища Свердловска.

Ска л ь н ы й
берег, каких
много на
Урале.

Зимний пей-
заж под Пер-
мью.

Уголки Ильменского заповедника имени В. И. Ленина.

Одно из многих спортивных сооружений Урала — Магнитогорский стадион.

Самоцветный дар уральской земли.

Каслинское литье.

Из коллекции пермской
деревянной скульптуры.

Малахитовый ларец.

Уральцы умеют работать, умеют и отдыхать.

**Евгений Андреевич
Пермяк**

МОЙ КРАЙ

Редактор
И. В. Стабникова

Художник
В. И. Селиверстов

Художеств. редактор
Н. А. Юсфина

Технические редакторы
Ю. В. Кружков
и **Т. Ф. Клапцова**

Корректор
В. А. Данилова

Сдано в набор 21/V-70 г. Подписано к печати 17/VI-70 г. Формат бум. $70 \times 108^{1/32}$. Физ. печ. л. 8,0+24 вкл. Усл. печ. л. 13,30. Уч.-изд. л. 12,74. Изд. инд. ХД-155. А02940. Тираж 50 000 экз. Цена 70 коп. в перепл. Бум. № 2.

Издательство «Советская Россия».
Москва, проезд Сапунова, д. 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавополиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров
РСФСР, г. Электросталь Московской области,
Школьная, 25. Заказ № 558.

